

Юрий ХИТ-КОЛ

Из записок
Утешителя

О себе

О Спасителе

Об информации

О конце света

ΠΙΝΤΕΡ ΟΥΔΑΙΟΙ
ΑΝΘΡΩΠΩ ΠΡΟΕΛΕΥΣ
ΕΙΣ ΒΑΒΥΛΩΝΑ ΤΩ ΟΠΩ
ΣΑΕΑ ΙΣΤΟΡΙΑ ΤΟΥΣ
ΙΙΙ ΤΗΣ ΑΝΘΡΩΠΟ
ΤΗΣ ΚΑΙ ΤΟΥΣ

Родился в Киеве в 1947 г. Работал и учился в Киевском госуниверситете им. Т.Г. Шевченко на кафедре биофизики и физиологии человека. Там же в аспирантуре увлекся проблемами философии, теории познания, психологии. Работал мл. науч. сотр. в НИИ Психологии АПН УССР. С 1982 г. оставил научные учреждения и продолжал свои теоретические изыскания в частном порядке. В 1986 г. переехал в Горный Алтай, где в 2001 г. пережил Откровение "Кода Спасения". Девять лет оформлял свои открытия (четыре зарегистрированных авторских свидетельства) для публикации начал информационной теории Универсума (ИТУ). Написал пять книг. Эта книга – продолжение или дайджест из Пятикнижия автора, ею предваряется публикация первой книги.

Юрий ХіТ-ХоL

ИЗ ЗАПИСОК УТЕШИТЕЛЯ

О себе («о грехе»)

О Спасителе («о правде»)

**Об информации и конце света
«о Суде»)**

Киев – 2010

УДК XXX
ББК XXX

ХіТ-ХоL.Ю. (Галушко Ю.А.) Из записок Утешителя. – Киев: Изд-во(?), 2010. – XXX с.

ISBN XXX

Данная малоформатная книжка представляет собой весьма сжатый и краткий обзор сведений о жизненном пути ХіТ-ХоL'а, о его отношении к взаимосоответствию слов и чисел, а также к русскому мату. Эти сведения извлечены «научным редактором» из рукописей пяти книг автора, готовящихся к печати. Она послужит любознательному читателю презентацией будущих откровений оригинального публициста-аналитика, обнажающего сокровенные тайны Мироздания.

Рекомендуется всем совершеннолетним, кто не равнодушен к прошлому, сегодняшнему и завтрашнему дню.

ISBN XXX

© Ю.ХіТ-ХоL, 2010
© Обложка, Фамилия И.О., 2010
© Макет (Издательство), 2010

Часть 1
ЛИРИЧЕСКАЯ

Предисловие от научного редактора

Откровение Иисуса Христа осенило Юрия Александровича Галушко, гражданина России (урождённый киевлянин, он вынужден был покинуть Киев из-за сильных головных болей, появившихся у него после чернобыльской катастрофы и уехать в Горный Алтай в конце августа 1986 года) в его доме № 4 по ул.Славянская в с.Майна на правом берегу реки Катунь 19 августа 2001 года в день Преображения Господня. В этот день 54-летний гражданин бывшего СССР, отнюдь не склонный к мистике, магии и весьма скептически оценивающий массовый печатный ширпотреб под рубрикой «эзотерика», никогда не страдавший галлюцинациями, психическими и нервными расстройствами, а также злоупотреблением алкоголем и прочими психоделическими веществами, охотник-любитель с приличным опытом таёжных странствий, испытал чудесные видения и узнал, что он нарекается именем ХіТ-ХоL и будет посвящён в сокровенное знание, каковое ему надлежит оформить и обнародовать в свой срок.

Срок этот не был указан, но подразумевался как бы само собой, ибо «Код Спасения», с оформления которого в тот же день началась работа, адресован не лично ему, а человечеству. Спустя три недели, во вторник 11 сентября, после событий в Нью-Йорке, о чём сообщило Радио России, сомнений в актуальности «Кода Спасения» у Юрия Галушко не возникало. Напротив, последние сомнения и неуверенность в целесообразности трудов с очевидным мистическим привкусом как ветром сдуло, когда он обнаружил, что код его имени эквивалентен коду «Усама (11) бен (14) Ладен (22)» = «2» (47) = «Юрий (17) Галушко (30)». О собственном спасении гражданин России не переживал, ибо лишён даже намёков на религиозную экзальтацию. Если чем он и отличался от окружающих, то увлечением философией, психологией и теорией познания – это инерция полученного образования и отложенной в прошлом (до лучших времён) научно-исследовательской работы.

Завершились весьма напряжённые, отнюдь не простые и очень даже занятные труды по оформлению в общих чертах новейшего знания ровно через девять лет 19 августа 2010 года написанием пятой книги о началах информационной теории Универсума (ИТУ) и подготовкой к печати первой книги.

Данная малоформатная книжка представляет собой весьма сжатый и краткий обзор сведений, извлечённых из книг ХіТ-ХоL'а. Она послужит презентацией любознательному читателю совершенно неизвестного автора, обнажившего сокровенные тайны. Рекомендуются всем совершеннолетним, кто не равнодушен к завтрашнему дню. Каково это завтра? Что нас ожидает в 2012 году? Что такое Мироздание и какова подлинная природа людей? На эти и другие вопросы даёт ответы ИТУ, соединившая науку и религию в единое системное знание. Вера и разум не взаимоотрицают, а взаимодополняют друг друга в человеке разумном, который по образу и подобию Творца и Создателя замыслен. А вот всем иным человекообразным законы не писаны. А ежели писаны, то не читаны. Но если и читаны, то не разумеемы и не исполняемы. Ещё не поздно всем освежить в памяти древнейшую мудрость, причастившись новейшего Писания. То и другое – моменты единого целого, то есть Альфа и Омега Мироздания. Или, выражаясь по-русски, «А» и «Я» Универсума и «Кода Спасения».

*Математики вправе утверждать, что
их помыслы, их устремления
обгоняют на сотни миль
ползучие фантазии поэтов...
Но подождите –
чудеса скажут своё слово.
Гийом АПОЛЛИНЕР*

*Никто не обольщай самого себя.
Если кто из вас думает быть мудрым в веке сём,
тот будь безумным, чтобы быть мудрым.
Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом,
как написано: «уловляет мудрых в лукавстве их»
(1 Кор. 3: 18 – 19)*

Предисловие от автора (Утешителя)

Дорогой и уважаемый читатель! Все мои пока ещё не изданные книги – это не продукт моей фантазии или вольного творчества. Наиболее точно их жанр выражается английским термином *non fiction*. Причём писания эти весьма вынуждены обстоятельствами, от меня никак не зависящими. Ярким примером этого служит как раз эта книга, обязанная своим появлением целиком и полностью скомпоновавшему её научному редактору Вячеславу Недашковскому.

Года полтора назад, когда моё с ним сотрудничество было в самом разгаре, он взбунтовался против неудержимого потока моих откровений и решил сам выловить в этом сумбуре нечто более-менее вразумительное, что было бы доступно, понятно и интересно читателю, ещё не готовому к тому способу изложения материала, какой у меня получался, а я не хотел, а скорее и не мог что-либо менять. Сделать это ему было относительно нетрудно, ибо он же и набирал все мои рукописные тексты на компьютере, за что ему особая от меня благодарность. И вот, когда работа с первой книгой после долгих мытарств подготовки рукописи к печати подошла к завершению, он подсунул мне то, что он сам выбрал и скомпоновал из отдельных фрагментов моих писаний в отдельную книгу. Это оказалось весьма кстати в силу целого ряда причин, о которых тут говорить не обязательно. Оставалось только в очередной (полагаю, не последний) раз воздать хвалу Господу за посланного мне редактора.

Оставаясь строго в рамках упомянутого жанра, мы ничего специально в тексте не меняли и не дописывали, ограничившись каждый только своими примечаниями. Из них внимательный читатель прочувствует диалогический характер нашего сотрудничества. Когда автор стоит на позиции радикального новаторства, то научный редактор просто обязан сохранять консервативный (в лучшем смысле этого слова) дух, которым он пропитался за 22 года беспорочной службы редактором журнала «Філософська думка».

В идеале, полагаю, было бы и вовсе «шоколадно», если бы для моих книг нашёлся ещё и редактор в духовном звании, как, например, дьякон и профессор Андрей Кураев. Я, кстати, своевременно вручил ему «Код Спасения», специально посетив для этого его лекцию в МГУ (четыре года назад). Однако реакции на мой искренний жест не последовало. Кроме того, и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Блаженнейшего Митрополита Киевского Владимира, председателя УПЦ, я постарался своевременно известить о своих трудах через архимандрита Гедеона. Мои обращения к ним читатель может найти на моём сайте (там указана дата обращения). Однако и тут реакции не последовало. Я утешился тем соображением, что если им передали мои по-

слания, то они оповещены. А тот, кто оповещён, тот уже защищён. Ежели извещение не дошло до адресата, то тут я ни при чём. Это на совести тех, кто обещал передать мои письма из рук в руки. На всё Воля Создателя, и да святится в веках имя Его!

Мне хорошо понятна сдержанность церковных лиц по отношению к моим сообщениям. Читателям она станет понятной, когда они уяснят для себя, Что такое или Кто такой Утешитель. Для этого сперва откроем Евангелие от Иоанна и просмотрим главы 14 – 16, описывающие Тайную Вечерю.

«И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет» (Ин. 14: 16 – 17).

«Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам» (Ин. 14: 26).

«Когда же придёт Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15: 26).

«И Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осуждён» (Ин. 16: 8 – 11).

«Когда же придёт Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину; ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмёт и возвестит вам. Всё, что имеет Отец, есть Моё; потому Я сказал, что от Моего возьмёт и возвестит вам» (Ин. 16: 13 – 15).

Это самый первый источник, в котором пять раз упомянут Утешитель. Кто желает ознакомиться с более свежими толкованиями, тот может взять известный труд отца Павла Флоренского «Столп и основание истины», увидевший свет в 1911 году. Эта работа написана в форме одиннадцати писем. Пятое письмо всецело посвящено Утешителю, а имя это трактуется как Святой Дух; также там идёт речь о Софии Премудрости Божией, об интегральном синтезе и об иных богословских категориях и понятиях.

Для верующих христиан сказанное не новость, но мои писания адресованы не только верующим и не только христианам, а всем без исключения землянам, в том числе и атеистам и иноверцам. Однако настоящей новостью и благой вестью для верующих будет тот факт, что Утешитель – это Я.

Такого рода заявления не могут быть голословными и влекут за собой целый сонм всевозможных доказательств и удостоверений, подлежащих проверке. Вот об этом и следует прежде всего тут вести речь: какого рода эти доказательства и удостоверения, из чего они складываются. Надо полагать, из массы разных деталей. Понятно, что сведения биографического характера важны, но сами по себе отнюдь не достаточны. Главное же – это Откровенное и новейшее знание о Боге и о мире, каковое доказуемо математически, что избавляет меня от лишних хлопот вербоблудия по поводу моего статуса. Числа сами за себя скажут то, что иными средствами едва ли выразимо. Таким знанием и является информационная теория Универсума (ИТУ), в основу которой положен «Код Спасения», он же «Квадрат XiT-XoL»

ИТУ не только и не просто теория, но ещё и методология собственно системного мышления. Иными словами, она предлагает строгий алгоритм, то есть правила и способы выражения мысли, содержащей в самой себе ещё и критерий её истинности или доказуемости. Истоки такого алгоритма содержатся уже в классической нумерологии, хотя в случае с ИТУ из неё не выводятся и существенно выходят за рамки сугубо эзотерических канонов, согласуясь с законами диалектики и математики.

Мою ситуацию и мои ощущения читатель может попытаться представить себе, если вспомнит хорошо известное с детства выражение, часто встречающееся в русских народных сказках: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Именно этой формулой все последние девять лет направлялась моя работа по оформлению начал ИТУ. Это вылилось в пять книг, содержащих удивительные открытия. В итоге наряду с

открытиями и попутно с ними я собрал предостаточное количество доказательств о себе любимом и о своём статусе Утешителя. Здесь приведу лишь малую их толику в виде нумерологичных формул эквивалентности моего паспортного имени и известных сакральных понятий. То же касается и имени посвящения: «гомо сапиенс» = «наноробот» = «2» (47) ~ (74) «2» = «Планетарный разум» = «древо познания»¹.

1. «Юрий (17) Галушко (30)» = «2» (47) = «Бог (13) Святой (21) Дух (13)».

2. «Юрий (17) Александрович (54) Галушко (30)» = «2» (101) = «Воплощение (57) Святого (30) Духа (14)» = «София (19) Премудрость (58) Божия (24)» = «звезда (33) светлая (23) и (01) утренняя(44)» = «коэффициент (44) человечности (57)».

3. «Юрий (17) XiT-XoL (24) Утешитель (35)» = «4» (76) = «историческая (45) личность (31)».

4. «Юрий (17) XiT-XoL (24)» = «5» (41) = «Всевышний (32) Суд (09)».

5. «Вселенский (33) Разум (27) Галушко (30)» = «9» (90) = «шестьсот (30) шестьдесят (40) шесть (20)».

Однако мой статус – это не самое интересное и важное из того, что содержится в моих книгах. Куда как интереснее и важнее собственно «Код Спасения» (Таблица ИПСЭК) и структура ЭКИСФМК (элементарной клеточной информационной структурно-функциональной модели космоса). А самое, пожалуй, интересное для любого читателя, на мой взгляд – это русский язык и то, как им пользуется киберсистема Универсума. Этим языком осуществлена криптография (тайнопись) Господа Бога. Её-то и позволяет декодировать и расшифровать информационная теория Универсума.

Как довольно скандальная сенсация будут восприняты широкой публикой открытия ИТУ касательно русского мата² – сакрального языка Господа Бога, чем, собственно, и объясняется его строгий запрет церковью³. Но тут нам от этого никуда не деться – что есть в языке, то присутствует и в подсознании. Будет также полезно осознать это и сделать необходимые выводы в связи с грядущим торжеством Православия.

Автору бывает трудно предвосхитить интерес читателя к своему тексту, но в моём случае, который иначе как экстраординарный не назовёшь, я не могу представить себе равнодушное безразличие грамотных людей XXI века к событию, которое было предсказано Спасителем в самом начале новой эры, исчисляемой от Его Рождества. И, тем

¹ Здесь автор, значительно опережая события, показывает свой нумерологичный метод в его практическом применении. Смысл этого метода состоит в том, что буквам русского языка присваиваются цифровые значения от 1 до 9: «а» = 1, «б» = 2, «в» = 3, «г» = 4, «д» = 5, «е» = 6, «ё» = 7, «ж» = 8, «з» = 9, «и» = 1, «й» = 2, «к» = 3, «л» = 4, «м» = 5, «н» = 6, «о» = 7, «п» = 8, «р» = 9, «с» = 1, «т» = 2, «у» = 3, «ф» = 4, «х» = 5, «ц» = 6, «ч» = 7, «ш» = 8, «щ» = 9, «ъ» = 1, «ы» = 2, «ь» = 3, «э» = 4, «ю» = 5, «я» = 6 («Я» также иногда приравнивается к числу «33» как к последний, 33-й, букве русского алфавита в его современной форме после устранения букв «ять», «ижица», «і» и прочих, максимальное количество которых составляло в своё время 46). Цифры в круглых скобках являются суммой цифровых значений букв, образующих это слово. Цифры в кавычках являются суммой (иногда последовательной) цифр в скобках: например: (47) = (4 + 7) = (11) = (1 + 1) = «2» Знак «~» в выделенной полужирным шрифтом формуле означает инверсию, или зеркальное отражение чисел, например (47) ~ (74). Знак «→», с которым читатель встретится в тексте книги чуть позже, означает конвертацию цифр числа в буквы слова и получение нового числа с его новым эквивалентом. – Прим. научного редактора, который решительно отказывается что-либо в этом понимать (кстати, это и все последующие примечания «научного редактора» являются дружеским шаржем, если это слово можно применить не только к изображениям, но и к словам.

² Диалог: «Не матюкайся в Божьем храме!» – «А где же ещё?! На улице, что ли?! Так ведь там милиция!!!» – Прим. научного редактора, дважды побывавшего в околотке.

³ Автор пишет очень убедительно. Очень чесалось подредактировать, но воздержался, потому что «строгий запрет Господа Бога церковью» – это по-нашенски, это по-православному! – Прим. научного редактора, толерантного к любой религии. – Редактор лукавит, делая вид, что местоимение «его», написанное с малой буквы, подразумевает Бога, тогда как оно подразумевает мат – язык, каким Бог охотно пользуется в необходимых случаях. – Прим. автора.

не менее, прекрасно отдавая себе отчёт в том, сколь прочны стереотипы обыденного сознания людей, далёких и от церкви и от передовых рубежей науки, а более того – стереотипы сознания самих церковников и учёных-атеистов, поддержанное мною решение редактора предварить публикацию моих трудов этой небольшой компиляцией из них вполне оправдано. Ещё раз подчеркну: тут нет ни слова вымысла, только факты и их авторская интерпретация. Это факты моей жизни и русского языка, известные имена и события истории (точные даты). Простая арифметика (и геометрия), канонические тексты и их дешифровка. И совсем чуть-чуть о математике, о теории чисел и теории множеств (для полных дилетантов). И, конечно же, философия, но достаточно популярно изложенная (для широкого восприятия). Наконец, множество примеров демонстрации метода ИТУ в приложении к известным персонам и текущим событиям, что показывает их фатальную предзаданность и неизбежность.

Ю.Х-Х. 14.09.2010 г.

Глава 1. Детство, юность, школа

Начать придётся с самого раннего детства, с коммунальной квартиры № 2 по улице Жертв Революции, 25 (позже – Героев Революции, 25, а ныне – улица Десятинная, 13) и с моего двора. Это святое. Меня любили многие в нашей квартире и в нашем дворе. Я это хорошо помню. И я любил многих старших, тогда взрослых или почти взрослых. Дом этот был построен в 1898 году, и М.Булгаков ежедневно проходил мимо него по дороге в гимназию и обратно. Не исключено, что и заглядывал к кому-нибудь из его знакомых в этот дом. К.Малевич тоже не мог обойти его стороной – до костёла на улице Костельной рукой подать. Я под сводами этого костёла любовался звёздным небом, ибо его в советские времена использовали как планетарий, проецируя на свод картину звёздного неба.

В нашей квартире жили пять семей. У каждой по комнате, а в кухне – две газовые плиты (по одной на две семьи, то есть по две конфорки на семью), а также общие туалет и ванная (без горячей воды) – в большой комнате рядом с кухней. У семьи Власа было две комнаты и отдельная крохотная кухня со своей газовой плитой и ванная с санузлом. Наша комната была в конце коридора. На горшок меня сажали в общем туалете. Процесс этот уже тогда располагал к размышлениям, ибо быстро у меня никогда не получалось. Когда дело завершалось, я кричал: «Мама, я уже!»⁴. Поскольку двери были закрыты, а комната далеко, то соседи подхватывали и по цепочке передавали: «Шура, он уже!». Но по вечерам, когда имели место гости, а тогда часто ходили в гости и принимали гостей, музыка от проигрывателя и шум застолья перекрывали мой детский глас, я и засыпал, сидя на горшке. Это потом всех умиляло: «Яка гарна дитина!». Можно иронизировать сколько угодно, но трудный стул принуждал к размышлениям, неспешным и систематическим. Кстати, у Маркса тоже были аналогичные проблемы с пищеварительной функцией, в борьбе с которыми врачи были беспомощны. У моего младшего брата проблемы со стулом были прямо противоположные. И это не преминуло сказаться на его мыслительных способностях. Продумать что-либо до конца терпения и усердия ему всегда не хватало. И даже задним умом не очень получалось.

Жанна Загурская, Вадим Флон, Валерий Барабанов и Алик Власов, старший брат Власа, – вот население моей квартиры, не считая их родителей и более старших роди-

⁴ У автора и сейчас быстро не получается, но теперь он орёт в телефонную трубку: «Редактор, ты уже!!!». – *Прим. научного редактора, изнасилованного этими «Руко-Писями».*

чей. Все они были на несколько лет старше меня и учились в 25-й школе. Когда я был в 5-м классе, Жанна вышла замуж и у неё поселился муж, Игорь Шур. Он переехал из дома 17, в котором в 1947 году мои родители имели проходную комнату, а семья Шур с ними соседствовала. Меня туда привезли из роддома. Игорю тогда было 9 лет.

Жанна, играя в учительницу, научила меня читать ещё до школы, а с Игорем мы стали впоследствии очень близкими друзьями, как-то незаметно, несмотря на приличную разницу в возрасте. Моя мама училась на портниху, и выпускное платье для Жанны стало её дипломной работой. А я с детства был консультантом на примерках, оценивая модели (подруг Жанны) и фасоны. Дело дошло до того, что Игорь, став доцентом КПИ, дважды съездил со мной на шабашку и оказался очень кстати в роли «директора студотряда». Аборигены думали, что мы его студенты, а мы были просто с одного двора, к которому вполне можно отнести высокопарное *alma mater* без малейшей тени иронии. Будучи доцентом, Игорь подрабатывал дворником, убирал рано утром лестницу и площадку вокруг Андреевской церкви. Ему помогали Жанна и подраставший сын, Саша. Однако до КПИ он был начальником механического участка у Бакуля, в Институте сверхтвёрдых сплавов и материалов. Именно тогда там получили искусственные алмазы. На каникулах после 10-го класса я поработал подсобником два месяца в цеху у Игоря и заработал 100 рублей. Нечто вроде первой шабашки. Я купил две пары боксёрских перчаток, и мы стали во дворе приобщаться к цивилизованным разборкам.

Игорь, Алик Власов и Валера Барабанов закончили школу медалистами. В ту пору это был не пустяк. На школу давали одну золотую и одну серебряную медаль. Борьба была нешуточная. Алик и Валера выпускались в один год, и вся квартира соперничала «битве гигантов». Золотую получил Власов, а серебро досталось Барабанову. Игорь своё золото снял раньше.

Вот в такой звёздной обстановке в окружении медалистов мне пришлось расти. Отец мой (я теперь догадываюсь, Кто внушил ему уверенность, что я обязан быть не хуже) поглядывал на меня так, что у меня не оставалось ни малейших сомнений насчёт неминуемого проклятия, если я не оправдаю его законных ожиданий. Если для кого-то четвёрка в табеле – это хорошо, то для меня это было несмыслимым позором. В 14 лет я обнаглел настолько, что допустил сразу пять четвёрок в табеле, хотя за семь классов не имел ни одной. Так я ступил на тропу войны с деспотией отца. А в 11-м классе, который мы заканчивали в 6-й школе, куда перевели весь класс из-за реорганизации, превратив 25-ю школу в восьмилетку, на предложение директора: «Галушко, мы вас выдвигаем на медаль», – я ответил: «Спасибо, но это лишние хлопоты». Медалистов в ту пору было уже как грязи и никаких привилегий медаль не давала. В моём аттестате было три четвёрки, что огорчило отца, но никак не сказалось на моём самочувствии. Я прогулял едва ли не половину уроков выпускного класса. В школе уже было скучно.

Именно тогда произошёл один эпизод, врезавшийся мне в память. Я втиснулся в переполненный троллейбус на площади Калинина (ныне Майдан Незалежности), чтобы подняться на одну остановку, а не идти пешком. В суতোлке впереди произошла какая-то заминка. Кто-то не очень трезвый что-то грубое выражал в чей-то адрес. Вдруг слышу щелчок, удар по лицу и знакомый голос: «Хамов надо бить по лицу». Оказывается, это мой тишайший и интеллигентнейший сосед, живший за стеной, Валера Барабанов ехал с девушкой, а некто принял его за «человека в шляпе» и очень ошибся. Отпор был столь решительным и эффективным, что инцидент был тут же исчерпан. Для меня это был урок более ценный, чем серебряная медаль моего соседа, ибо как раз от него я меньше всего мог ожидать такой чёткой реакции. Век живи, век учись. И я учусь, не уставая, сколько буду жить.

В нашем дворе обитали славные ребята, ровесники моих старших соседей. Алик и Вова Кушниры, Володя и Боря Ткачуки, братья Бояркины, Валера и Алик Шарфманы, Юра Еремеев, Игорь из 8-й квартиры, Костя и Вова Анапрейчики. Каждый был чем-то интересен. Спортсмены. Володя Ткачук – мастер по спортивной гимнастике, позже за-

ведовал кафедрой физиологии в инфизе. Он проходил практику у нашего с ним общего тренера Семёна Михайловича Тыкачинского, и они страховали меня, когда я оторвался на больших оборотах с перекладкины. Не удержали без лонжи. Свою кандидатскую диссертацию Володя защищал в Киевском государственном университете на учёном совете, который возглавлял мой шеф. Костя играл в баскетбол за «Строитель». Толя Бояркин прыгал в высоту под два метра. Братья Шарфманы, художники, играли в шахматы на уровне мастеров. Отпетых босяков во дворе не водилось, и во всей округе, а это – град Владимира и Ярослава, наш двор уважали и нас, младших, чужие не слишком понимали на улице и в школе. Старшие ненавязчиво нас опекали и защищали. Принадлежность ко двору ценилась как дворянство. Не всякий из чужих был вхож и принимался двором. Но если принимался, то уже считался своим. Так, Лёня Варвак и Юра Цирлин, одноклассники Власа, вписались в нашу постоянную компанию, хотя жили в иных местах. Мои друзья Толя Дикий, с улицы Фроловской, и Павел Заика, мой одноклассник, с Лукьяновки, тоже в нашем дворе стали своими. Были и свои изгои, но их старались щадить и особо не третировали. Самым последним прозвищем было «маленький сынок». С таким никто не общался, ибо велик был риск угодить в ту же категорию.

Шурик Чабан был моим ближайшим другом вплоть до окончания 8-го класса, когда он ушёл в техникум. Он был старше меня на два года, но я пошёл в школу в шесть лет, и он, оставшись на второй год, оказался в одном классе со мной. Он классно играл в футбол, в шахматы, в карты. Научил меня плавать и удить рыбу. А кроме того, мы ещё занимались гимнастикой у одного тренера. Мои родители не одобряли эту дружбу, а учителя, напротив, поощряли. Одни боялись, что Шурик меня совратит с пути праведного, а другие надеялись, что я уведу его с пути грешного. Каждый остался при своём пути, а для меня Шурик остался образцом доброты и великодушия, терпения и скромности. Играть со мной турниры по 24 партии в шахматы (я постоянно проигрывал) – это надо было иметь терпение. А ожидать по году, пока я верну карточный долг, – это надо было иметь великодушие. Шурик обладал этими качествами в избытке. А ещё он был очень деликатен и снисходителен. Я благодарю Бога за такого воспитателя. Не в укор будет моим родителям, но без Шурика я бы чувствовал пробел в своём образовании.

Лёня Варвак, вундеркинд, поступивший после восьмого класса на мехмат и продолжавший держаться компании нашего двора, смущал меня придуманной им кличкой «Док», то есть «Доктор», каковую употреблял в мой адрес. Никто её особо не подхватил, но его это не беспокоило. Имелся в виду не врач (это мама хотела, чтобы я стал хирургом), а как бы моё научное будущее. Сам я тогда ещё не определился, в какой именно науке мне предстоит подвизаться, а в 10-м классе даже решил готовиться в архитектурный под влиянием братьев-художников, возбуждавших у меня пропавшую детскую страсть к рисованию.

Из школьных учителей, имевших на меня сильное воздействие, должен назвать следующих: Лев Семёнович Яхнин (физкультура), Зоя Сергеевна Гатина (физика), Анатолий Иванович Скоробогатько, или папа Толя (математика). Папу Толю мы хоронили всей школой. Это были заслуженные педагоги республики, известные в Киеве своим авторитетом. Папа Толя неизменно входил в состав приёмной комиссии Политехнического института. Им удалось легко и непринуждённо увлечь меня своими предметами и предъявлять ко мне повышенные требования, что давало основания к самоуважению. Особенно откровенно и даже демонстративно это делала Зоя Сергеевна, завуч школы. Задавая всему классу домашнее задание, она потом диктовала мне номера из задачника Знаменского со звёздочкой (повышенной трудности) как персональное дополнительное задание. Такому вниманию я был обязан соответствовать и старался не разочаровывать ещё молодую учительницу со стройными красивыми ногами и подтянутой фигурой.

Хотелось ей нравиться. Если для этого надо решать задачи по физике, то почему бы и нет?!

Папа Голя был скуп на похвалы, но очень выразительно болезненно морщился, если кто-то не соображал. Как-то он поинтересовался, какие оценки я получил на какой-то олимпиаде, и так замечательно крякнул и улыбнулся, прикрыв веки, когда я сказал про «пятёрки», что я физически ощутил его удовлетворение. Лучшей похвалы не требовалось.

Вероника Степановна, учительница по украинскому языку и литературе, смотрела на меня с какой-то материнской лаской и гордостью, как будто я её родной сын. Дело в том, что моя фамилия была едва ли не самой украинской, а произносить букву «Г» твёрдо я с трудом научился только к 10-му классу, постоянно выслушивая замечания учительницы русского языка Татьяны Николаевны. Диктанты по русскому языку я писал с одной дежурной ошибкой, а по украинскому языку – без единой. Справиться с буквой «Г» помогло вербальное упражнение, которому научили мамы братья: «Гришка, гад, гребёнка где? Гниды, гады, голову грызут».

Лев Семёнович был со мной доверителен совершенно по-отечески. Его самым сильным ругательством, долго меня интриговавшим, была таинственная аббревиатура «БП». Когда я решил у него спросить, что это значит, он пояснил: «Без понятия». От того, кто «без понятия», можно ожидать чего угодно. Вот, смотри, этот плебей Маркин – БП! Как жаль, что мы с ним одной национальности». Маркин то и дело что-нибудь вытворял и то падал с брусьев, то через коня норовил носом в мат угодить. Всю жизнь я имею удовольствие убеждаться в правоте Льва Семёновича, моего учителя физкультуры. С его подачи я занялся гимнастикой. Юзеф Михайлович Шклярский, Семён Михайлович Тыкачинский и Аджат Муратович Ибадулаев – это мои тренеры. Они нянчились с нами как с родными детьми. Не любить их было невозможно. Когда построили Дворец спорта, то Аджат Муратович совмещал свою работу в инфизе с нашей ЮСШ-2 гороно. И наша группа пацанов, человек пять, тренировалась в новом зале в одно время с Ларисой Латыниной, Борисом Шахлиным и Юрием Титовым, чемпионами Олимпийских игр и мировых первенств. Не каждому такое счастье доставалось. Потом были у меня ещё два тренера – Иванченко (по боксу) и Рившин (по стрельбе из пистолета). Их уроки я помню по сей день. Даже с шестом пришлось прыгать один зимний сезон в манеже Суворовского училища под руководством Юрия Ципера.

Школа № 25 была построена в 1930 году, и её первые выпускники, пришедшие в неё из третьих – четвёртых классов других школ после реорганизации, уходили на фронт с выпускного бала. Виктор Некрасов в ту пору жил в доме по улице Владимирской, 4, наискосок через улицу от школы. Это к вопросу о месте и времени. Хоть и в разное время, но я топтал те же бульжники на мостовой Андреевского спуска, что и многие знаменитости и безвестные герои. Их мистический след неведомым образом действует на моё подсознание.

Среди одноклассников были замечательные девочки и ребята. До сих пор помню, как во втором классе (мне было семь лет) к нам в мужскую школу пришли девочки, и школа стала смешанной. Ко мне за парту посадили Наташу Лизунову, девочку с удивительно красивыми ногами. Но на следующий год она исчезла из нашего класса, поступив в хореографическое училище. Когда я уже подрабатывал массажистом в Оперном театре, то, обнаружив её в труппе балета, спросил у Вали Ковтуна, знает ли он такую балерину. И он мне поведал, что учился с ней вместе в училище, а после – о её трагической судьбе (суицид).

Наташа Великая, Оля Горшкова, Люба Ващенко, Зина Фан – это всё были отличницы с уклоном в математику. На их фоне я отдувался за сильный пол (мальчиков в классе было в три раза меньше, чем девочек), стараясь не ударить в грязь лицом. Я им признателен за атмосферу доминирующего феминизма с интеллектуальным уклоном. Это отвлекало от глупостей, на какие тянет выпускников школы. Мне под стать был

Наум Гольденберг, ставший в последнем классе Колей Новиковым (взял мамину фамилию). С ним мы хорошо ладили за одной партой, оба были влюблены в Галю Мельниченко (он на ней женился, уже будучи студентом КПИ), в спортзале тоже вместе выступали за школу по гимнастике и акробатике. Он отлично играл в преферанс⁵.

Глава 2. Родня

Начну с деда по отцу, Алексея Даниловича. Его фамилия прославлена советским драматургом в известной в 1950-е годы пьесе «В степях Украины». Но задолго до этой пьесы дед почему-то решил изменить последнюю букву «а» на «о». Вряд ли Господь известил его напрямую, как Авраама, о том, что имя ему будет Авраам, а Сару надлежит называть Сарра. Не знаю, но сам этот факт имел место и до меня дошёл. Дед был православным крестьянином. Отец мой тоже отличился с документами. Родившись 23 апреля 1919 года, кстати, в Воскресение Христово, и в день рождения своей мамы, моей бабушки, он при поступлении в техникум прибавил себе год. При этом и день рождения перенёс на 6 января (!) 1918 года. Так он дважды в год отмечал свой день рождения. Раз на службе по документам в канун Рождества Христова, второй раз дома по факту ближе к Пасхе. Его родина – село Сулимовка Бориспольского района Киевской области. Там он и похоронен рядом с родителями, как того требовал, с отпеванием. К Богу он, кадровый офицер Советской Армии, потянулся в конце жизни, но как-то тихо, без демонстраций. В КПСС вступил скрепя зубы перед отставкой, чтобы хоть на прощание присвоили майора вечному капитану. Присвоили и даже квартиру дали. В 1967 году мы оставили комнату в коммуналке и въехали в новостройку. Опять же, весьма кстати, что Православная Пасха 2006 года пришлась на 23 апреля, день рождения моего отца земного и моей бабушки.

Мама тоже родилась в Воскресение Христово 2 мая 1926 года. Её родина – село Берёзки Павловского района Воронежской области. Мои родители – первенцы у своих, и тёзки, оба – Александры. Так что я – Александрович в квадрате. Встретились они в годы войны. Немцы стояли на правом берегу Дона. Мамино село в восьми километрах от реки по левому берегу. Её призвали рыть окопы. Отец служил в топографическом отряде, после того, как с 1941 по 1943 год по заданию ГРУ вёл топографическую съёмку в Китае в провинции Сицзянь. В 1944 году его отряд был на Дону, и они поженились. А в День (ночь) Победы в 1946 году зачали меня. Уверен, что беспорочно, ибо в любви и согласии. По не очень проверенным данным это событие произошло в Крыму. Топографический отряд отца в ту весну дислоцировался в местечке Старый Крым. Кстати, если посчитать число дней от 7 апреля, Благовещения, то есть зачатия девы Марии, до 10 мая, когда был зачат, Слава Богу, моими родителями я, то получится 33 дня, что не лишено известной символичности.

Родился я в Киеве в день памятной для всей русской культуры и печальной даты, к тому же понедельник, 10 февраля 1947 года через 33 дня после Рождества Христова. В этот день исполнилось 110 лет со дня смерти А.С.Пушкина. В молодости я очень огорчился по поводу такого совпадения. Мудрость проповедника насчёт того, что «день смерти лучше дня рождения», я узнал лишь недавно. А в юности грустно шутил, что в день, когда я родился, «Солнце русской поэзии закатилось». Крещён в Трапезной Михайловского Златоверхого монастыря во младенчестве. Заботами бабушки по маме, неграмотной, но богомольной крестьянки, в три года я крестился на образа и что-то при

⁵ Ещё раз подчёркиваю: это не художественное жизнеописание, а сугубо фактологический материал, легко проверяемый, ибо мои одноклассники и соседи ещё живы, хотя и далеко не все. – *Прим. автора.*

этом шептал. Если Моисей был «кротчайшим из людей», то я был кротчайшим из детей до 16 лет. Живых свидетелей тому хватает. Однако недаром говорят, что в тихом омуте черти водятся.

Отряд отца закрывал белые пятна на карте Кавказа, вёл съёмку в Ленкорани и в других местах. Мама со мной его сопровождала, пока, наконец, он не получил назначение в вожделенный им Киев, где уже была комната в коммунальной квартире № 2 на улице имени Жертв Революции, дом 25 (ныне улица Десятинная, дом 13). Это рядом с Андреевской церковью и Владимирской горкой. Там я прожил 20 лет, проводя на горке всё свободное время. Моё свидетельство о рождении было утеряно в поезде на Кавказе. Мама выписала дубликат оригинала, а после кто-то прислал утерянный документ по почте. Так у меня появилось два свидетельства о рождении.

Родное село отца Сулимовка знаменито церковью Покрова, построенной гетманом Иваном Сулимой в 1632 году. Моя бабушка пела здесь солисткой в церковном хоре. Имя Сулимы не вошло в святцы самостийныкив, поскольку его история не делает чести казачеству. М.Грушевский в «Истории Украины» уделил этой теме немного места, а фотография церкви украшает страницы его книги издания 1904 года.

Себя я отчётливо помню с трёх лет, когда остался один с отцом и мы с ним навещали маму в больнице. Потом она появилась дома с моим младшим братом. Некоторые моменты помню и из более раннего времени. Поезд, в вагоне накурено, полно офицеров. Меня передают из рук в руки и всем весело. И вдруг боль, и я сильно плачу. Один дядя играл со мной на руках, держа папиросу в зубах, и прижёт мне затылок. Отметина осталась по сей день. Мне было полтора года, мать ехала со мной на Кавказ к отцу в топографический отряд.

Родители меня с братом воспитывали в духе крестьянских традиций, в строгом послушании. Но и городские вольницы они сами постепенно усваивали, и нам чуть попускалось. Мои сверстники во дворе знали, что более строгих, чем тётя Шура и дядя Саша, в округе нет, и сочувствовали моему домашнему «режиму». Я же удивлялся тому, как много спускалось с рук моим друзьям их родителями. Однако, как ни странно, я никому не завидовал, а порядок, заведенный отцом и поддерживаемый мамой, воспринимал как должное. Приходилось проявлять крайнюю бдительность, когда пускался в сомнительные дворовые и уличные затеи вроде азартных игр на деньги и пр. И как-то чудом проносило. Отец так и не узнал о моих тяжких (в его глазах) грехах детства. Я был примерным учеником и послушным сыном. А врал родителям во спасение, искренне ради их же покоя, берёг от волнений и переживаний. Врать вообще-то я не любил и не умел, да и не хотел. Но тут была святая ложь, ибо дворовое братство того требовало. Все так или иначе водили своих родителей за нос.

Меня никто не смел вслух и в лицо назвать дураком, если не считать отдельных не в меру экзальтированных дам, но за спиной приходилось улавливать такое определение от некоторых «умников», карьеристских проныр. Я легко отказывался от того, что само мне падало в руки, за что меня и считали если не дураком, то как минимум придурком. «Как, ты бросил аспирантуру?» «Почему ты не защищаешь диссертацию?» «Да ты же через пару лет можешь возглавить кафедру!» и т.д. и т.п. Были, правда, и возгласы удивления: «Как, ты, аспирант-заочник, позволяешь себе удовольствие слетать на пару недель на охоту в Красноярский край?! Ведь только на дорогу в оба конца – это больше твоей месячной зарплаты!». Или: «Чего тебя несёт на Сахалин?! Разве под Киевом нельзя поднять те же деньги?». Я на это обычно отвечал: «Поднять можно, но запах не тот. Я предпочитаю, чтобы купюры пахли хвоей, тайгой и моим потом. А в Киеве дурно пахнет парфумами, от которых меня тошнит».

Хуже всего было то, что меня не понимала мама и сильно огорчалась от «непутёвого» образа моей неустойчивой, как ей казалось, жизни. Отец тоже питал иные надежды на мой счёт, но чувствовал, что я знаю, что делаю, а не плетусь в хвосте обстоятельств. Он всегда был уверен, что лучше меня нет никого среди сверстников, чем меня

очень смущал и даже злил в детстве и, полагаю, что с этим убеждением отправился к Богу, не изменив своей веры в меня, но поверив ещё и в Бога. А я считал своим долгом если не прославить, то уж в любом случае не опозорить фамилию отца. В своём селе он очень дорожил мнением сородичей и односельчан, уважавших его отца, Алексея Даниловича.

Я вовсе не чужд рационального образа мысли и времяпрепровождения. Но всегда хотел бы видеть смысл, который неясно как-то и туманно маячит за теми деньгами, которые можно заработать. Мне трудно бывает объяснить своим оппонентам, что этот смысл сам по себе не явится после того, как ты заработаешь даже вожделенную сумму. Эта ситуация мне всегда напоминает анекдот про колонизатора и туземца. Когда колонизатор объясняет сидящему под банановой пальмой туземцу, что вот, мол, вместо сидения он мог бы собрать бананы, потом продать их, потом нанять ещё кого-то и т.д. Туземец в очередной раз спрашивает: «А зачем?». Колонизатор ему толковывает: «Они будут на тебя работать, а ты будешь сидеть и ничего не делать». Ответ туземца философичен: «И это столько хлопот ради того, чтобы получить то, что я и так имею, когда сижу и ничего не делаю?». Я – тот самый туземец.

Моим близким, начиная с милой и родной моей мамы, всегда казалось, что когда я лежу на диване и смотрю в потолок, то я ничего полезного не делаю. Мама постоянно мне твердила, что лень раньше меня родилась. Сама она без дела ни минуты не пребывала. Мне никак не удавалось убедить её в том, что думать – это тоже дело, причём не самое последнее. И я видел, как трудно ей совместить свои противоречивые наблюдения. Ведь я в конечном счёте всегда делал всё, о чём бы она меня ни попросила, но ещё ухитрялся выкроить время, чтобы просто думать о своём, отнюдь не девичьем. Уроки сделаны, обязанности исполнены, но один вид медитирующего «бездельника» раздражает многих, не только мою маму, которая, Царство ей Небесное, так и не дождалась от моих размышлений ощутимого проку. Но сие выше моих сил. Хотя я очень надеялся, что успею показать ей написанную мною книгу в полиграфическом переплёте.

Глава 3. Учителя и университет

Мои университетские учителя в то же время и мои старшие коллеги. Пётр Григорьевич Богач, заведующий кафедрой биофизики (потом физиологии), директор НИИ физиологии, проректор КГУ, секретарь партбюро университета, член-корреспондент АН УССР, академик-секретарь Отделения физиологии – это мой шеф в течение 12 лет. Я под ним себя чувствовал как у Бога за пазухой. И всячески старался оправдывать его доверие. Не помню, чтобы он хоть раз меня в чём-нибудь упрекнул. Кроме одного случая, когда я вышел из его кабинета и громко хлопнул дверью. Я этого не хотел, но так вышло. Нашей идиллии подходил конец. Я уже оперился и мне стало тесно в роли мальчика из обслуги. Полгода я не мог подписать у шефа (он же мой научный руководитель) аспирантский план из-за того, что к нему постоянно очередь, а я не стою в очередях, ибо дел невпроворот. Улучив минутку в обеденный перерыв, Зоря, его секретарша, дала маячок: «Попробуй». Я сунулся в дверь, а в это время он подносил ложку ко рту. Глянув на меня как на нахального таракана, он бросил ложку в тарелку и с досадой произнёс: «Навіть поїсти не дадуть». Я извинился, развернулся и вышел, не рассчитав силы, прикрывая дверь. Она хлопнула так, что перегородка затряслась. Через день я неожиданно столкнулся с шефом в пустом коридоре. Он поманил меня пальцем, чтобы я подошёл, и, глядя мне прямо в глаза, сказал: «Ще раз отак гримните дверима, за вами закриються двері університету». На это я, так же глядя ему прямо в глаза, ответил: «Это не я, а сквозняк хлопнул дверью. Я виноват, что не успел её придержать». А через полгода после того, как Богач порвал два моих заявления об уходе («Ідіть пра-

цойте»), после третьего заявления состоялась обстоятельная беседа. Я ему откровенно сказал, что от организации учебного процесса меня уже тошнит (я был заведующим учебной лаборатории, организуя технически все практикумы для восьмерых доцентов, и за год оборудовал пять новых помещений под лаборатории, обеспечив их ремонт и закупку приборов, мебели и пр.) и я хочу заняться наукой и только наукой. Оставить меня на должности стажёра (100 рублей) он постеснялся. Спросил, сколько я подрабатываю массажистом. Я ответил, что, став на рабочее место массажиста, смогу обеспечить жизнь семье и останется время на науку. Так и вышло.

Я признателен всем сотрудникам двух кафедр и НИИ физиологии КГУ, с которыми пришлось трудиться бок о бок, учась и проникаясь физиологическим мировоззрением. Всех, увы, я не смогу упомянуть, но не могу не назвать Виктора Петровича Глаголева, Геннадия Михайловича Чайченко, Валентина Леонидовича Зиму, Всеволода Алексеевича Цыбенко, Вадима Дубоноса, Диму Янковского, Сергея Храпунова, Анатолия Филенко, Диму Златопольского, Диму Кучер-Томченко, Костю Красильщикова, Сюню Гройсмана, Лизу Гуменюк, Тамару Преображенскую, Виталия Маринича, Толю Шаховского, Федю Бурдыгу, Зиновия Скрыпнюка, Шуру Босака, Петю Ворожейкина, Валерию Юльевну Соколову, Валентину Михайловну Данилову. Валерия Юльевна по доброте душевной предложила мне двухстволку 16-го калибра, оставшуюся от мужа, и я пять лет охотился с этим ружьём, пока отец не подарил к 25-летию ИЖ-12. Как я могу такое забыть?! Все они серьёзно относились к делу, честно и с пристрастием отличали науку от её имитации и с ними было легко и приятно каждый день с утра до вечера вариться в общем соку. Мой Киевский университет именно с этими именами ассоциируется. Сюда надо непременно добавить доцента кафедры биологии Кравца (замдекана по вечернему отделению) и методиста этого отделения Галину Дмитриевну. Неизбежные шероховатости, возникавшие в процессе обучения, с ними решались легко и приятно. Саша Оканенко по сей день даёт взаймы, хотя и знает, что верну я не скоро.

Особое место у Владимира Миновича Нероденко и ансамбля «Веснянка», отличавшегося в моё время замечательного качества женским составом. Нам было не стыдно представлять в мае 1968 года на Днях украинской культуры в Братиславе, Брно и других городах Киевский университет. Ансамбль П.Вирского представлял Украину в Праге. Я многому научился именно в мировоззренческом плане, общаясь с Володей Нероденко, Сашей Киц, Сашей Кузько, Володей Задуминым, Аликом Онипко, Вадимом Алексеенко, Лёшей Горбуновым, Серёжей Сидоренко, Жорой Величко, Аликом Довжиковым и с теми, кто благоволил «Веснянке», – Сашей Авагяном, Валерой Витером, Сашей Андриевским. Эти трое в Киеве достаточно известны среди поэтов, музыкантов, художников. Общение с ними всегда было и есть содержательно и питательно. Харизма Авагяна, погибшего трагически, как бы продолжает оставаться душою наших встреч. О девушках я тут вынужден умолчать из понятной деликатности. Моё целомудренное восхищение могут извратить и опошлить, даже невзначай. А этого хотелось бы избежать. А парни по сей день мне помогают, поддерживают морально, а подчас и материально (спасибо географам Жоре Величко и Серёже Сидоренко). Мама Володи Задумина, Поля Осиповна, после его безвременной смерти относится ко мне как к сыну.

Благословенна пора той «Веснянки» конца 1960-х – начала 1970-х. Не знаю, как сказались «революции» на нынешней «Веснянке», но на университете, увы, сказались печально. Сужу только по родным кафедрам и по тем, кого здесь назвал. Некоторые из них разлетелись далече, натурализовавшись в Нью-Йорке (Храпунов), в Манчестере (Бурдыга), в Швейцарии (Онипко) и т.д. История повторяется. Из Киева лучшие вытесняются далеко не эквивалентными заменами. Так было, и так будет. Ещё в пору Петра Могилы выпускники основанного им заведения, не находя применения в Украине, преподавали во всех европейских университетах (Краков, Болонья, Сорбонна и др.). Серёжа Иваницкий уже который год с Галиной Марковной (мамой), оба кандидаты наук, в Лондоне неизвестно чем занимаются вместо того, чтобы мне тут помогать разгрести

идеологические завалы. Мало кто меня так понимал и сочувствовал, как он и его мама. Наш общий друг Рома Ткач мне сочувствует, но очень далёк от понимания, ибо учился в консерватории. Петя Маркман симпатизирует, но и только. Он успешный архитектор. Юра Зморевич переполнен своими творческими чувствами и замыслами, сам фонтанирует творчеством в кино, в музыке. Ему ясность о мире не требуется, ибо повредит поцмудернизму последних дней. Снял фильм о Г.Сковороде, но, увы, в чисто вертепном украинском ключе, где философа в герое не видно не только на экране, но и под микроскопом. А жаль. Плохо не то, что Сковороду как православного мыслителя не знают в Украине. Не хотят знать – вот беда! Восхищаются его характером, но строй и содержание его мышления мало кому интересны и понятны, поскольку он глубоко и откровенно религиозен, а европеизированное мышление современников воспринимает Бога в лучшем случае как художественную метафору. Хотя поназывали именем философа кучу институтов и прочих заведений. Впрочем, может быть, режиссёр и прав, ибо Институт философии имени Г.С.Сковороды НАН Украины от вертепа мало чем отличается, занимая два (!) этажа в бывшем студенческом общежитии по улице Трёхсвятительской, 4. Хоть и рядом Михайловский Златоверхий, а всё равно современные философы, равно как и бывшие бурсаки, плюют на всё и всех, вместе с «можновладцами» карнавальничают, превращая в вертеп всё вокруг.

Два слова о вертепе как о жанре и о явлении. Я вовсе не противник данного жанра, когда он к месту и ко времени. Карнавальное сознание пронизывает жизнь и местами украшает её. Но есть площадки, где вертеп абсолютно неуместен. Например, в армии или в Верховной Раде и в Кабмине. Хотя, похоже, как раз это многим по душе. Жизнь, конечно же, – театр, но весьма многожанровый. Синтетический жанр требует очень прецизионного дозирования ингредиентов, иначе получается гремучая смесь от передозировки, тотальная безвкусица, карикатура. Даже юмор отнюдь не всегда уместен, как, скажем, на похоронах не очень дальних тебе людей, не говоря уже о ближних. И потом, одно дело – глазеть на сцену и потешаться над персонажами вертепа, но иное – самому быть участником дурно пахнущего балаганного спектакля. Петя Колос, с которым я познакомился на кафедре Богача, дипломат из обоймы ещё советских слов, пережив становление украинского МИДа, полагаю, того же мнения, что и я. Так и ждешь, как в «Золушке», что пробьют часы и волшебная карета с рысаками вмиг превратится в тыкву с крысюками (Тарасюк – чисто случайная рифма).

Во Франции в ходу поговорка: «Гении рождаются в провинции, а живут в Париже». На нашей почве эта поговорка могла бы звучать так: «Гении рождаются в Украине, а живут по всему миру». Так господь замыслил. Из Украины вытесняют именно лучших, самых талантливых, из-за их избытка, повышенной плотности на квадратную единицу площади. Вытесняют нахрапистые бездары, создающие удушливую атмосферу всюду, куда проникают. И с этим нет смысла бороться, надо осознать и принять свой крест. Он точно такой же, как у ветхозаветного Израиля.

В период с 1969 по 1975 год судьба подарила мне тесное общение с Яковом Ефимовичем Хандросом. Мне трудно передать, насколько многим я ему обязан в собственном развитии. Это удивительно талантливый и одарённый человек сложной биографии и нелёгкой судьбы. Не будет преувеличением, если я уподоблю его библейскому Иову, а нашу дружбу назову ещё одним университетом, так много я от него получил. О нём можно написать книгу для серии «ЖЗЛ», несмотря на то, что особых следов в профессиональных занятиях он не оставил. Но в душах многих людей, которые с ним сталкивались близко, этот след глубокий и благотворный. Всю войну он прошёл с 3-й ударной армией и закончил её комендантом Гальберштадта. Его однополчане, Пётр и Ольга Данилушкины, до конца дней оставались ближайшими друзьями семьи Якова Ефимовича. Глядя на этих людей, я научился понимать смысл выражения «с ним можно идти в разведку». Никакие книги не способны заменить непосредственную связь поколений. В этом смысле Яков Ефимович был для меня вторым отцом.

Надо сказать, чтобы было понятнее, почему я оказался не у научных дел по своему официальному статусу. Шабашничество – это не призвание моей души, а итог цепи обстоятельств. Работая лаборантом на кафедре, я мечтал, что вот-вот займусь исследовательской работой, какую несомненно заслужил. С последним не спорил даже шеф, Пётр Григорьевич Богач. Я уже был в заочной аспирантуре, а он был моим научным руководителем.

Однако мои хозяйственные успехи в должности заведующего учебной лабораторией в период реконструкции и модернизации кафедры (ремонт, оборудование пяти новых лабораторий и т.д.) являлись очевидным препятствием к тому, чтобы переключиться на науку. Пётр Григорьевич в ответ на мои просьбы дать мне возможность заняться научной работой смотрел на меня отеческим взором через очки и простодушно вопрошал: «А працювати хто буде?». В полной уверенности, что я войду в его положение и смирю свои эгоистические амбиции. И я входил и смирял.

Но тут на кафедре возникли две аспирантки с претензиями. Каждая лепила свою диссертацию, а я был обязан их обеспечивать то тем, то иным. Сперва я не понял, на кой хрен мне эти лишние заботы, когда у меня у самого есть аспирантский план и уже год просрочен, ибо я ещё не оборудовал камеру для электроэнцефалографии, на чём собирался строить эксперименты, решив сделать её в последнюю очередь, чтобы меня не обвинили в том, что свои интересы я ставлю выше кафедральных. Но тут мне сведущие люди на моё откровенное возмущение новыми порядками тихо объяснили, что одна девушка – это племянница Щербицкого, а другая – это внучка Подгорного.

Как по мне, так я видал в гробу не то что родичей, а всё Политбюро в полном составе. Но я понимал, что мой шеф не может иначе, как бы ко мне ни благоволил. Поэтому мы с ним расстались не без душевной боли, не только с моей, но и с его стороны. В этом я мог убедиться, когда спустя полгода после моего ухода он при случайной встрече вдруг извинился, чем меня почти шокировал.

Я устроился мэнээсом в Институт общей и коммунальной гигиены им. Марзеева с перспективой делать то, что собирался делать в университете. Но и тут строилось новое здание, и весь мой пар ушёл в оборудование, реконструкцию и перевозку всего отдела физиологии в своём горбатом «Запорожце» в новое здание, из Мариинского парка на станцию метро «Черниговская».

За это время я охладел к экспериментальной физиологии, к приборам, их доставанию, переделкам и перевозкам. И подумал, а не заняться ли мне теорией? Мозги есть, а из оборудования есть ручка и бумага. Что ещё надо для счастья?

Пошёл на кафедру социальной психологии. Пообщался с доцентом Марисовой Людмилой Иосифовной и получил рекомендацию: «Займитесь характером». Полистал энциклопедии и словари, порылся в каталогах и набросал для Марисовой пятнадцать страниц, где изложил обзор литературы и свой взгляд на проблему. Она после прочтения говорит: «Это можно публиковать», – чему я был крайне удивлён. Я ещё не соображал, что в теоретическом плане любую ахинею можно публиковать. Мне, по инерции физиологического воспитания, казалось, что любая статья – это результат каких-то экспериментов.

Людмила Иосифовна сделала широкий жест и поставила свою подпись под статьёй рядом с моей. Благодаря этому статью опубликовала «Філософська думка», а я почувствовал себя теоретиком. Довольно скоро вошёл в раж и погрузился в проблемы методологии научного гуманитарного познания. И ощутил себя, естественника по образованию, как волк в овчарне: среди гуманитариев я обладал ощутимо иным ракурсом видения проблем человека, чем те, кто не погружал свои руки в потроха несчастных экспериментальных собак и кроликов. Кроме того, в отличие от идеологически фильтруемых философов и психологов, которым по определению полагался билет члена КПСС, я, беспартийный, на их фоне уже выглядел невинным агнцем, а они, так или иначе, но тянули на волков в овечьей шкуре.

Если бы я не резонировал этим своим пониманием ситуации, а помалкивал в тряпочку, то, глядишь, тихо-мирно состряпал бы какую-нибудь диссертацию и подвизался б и далее под крышей Института психологии, куда меня милостиво зачислили в качестве мэнэса. Но к этому времени я уже весьма скептически смотрел на диссертации и не увязывал их наличие с наукой, как я её понимал. Я уже был отравлен знакомством с такими авторами, как М.Бахтин, К.Мергелидзе, М.Мамардашвили, Э.Ильенков, и меньший калибр меня уже не устраивал. Я уже с Марксом был на «ты» и заслужил снисходительно-презрительную кличку «марксист» от тех, которые официально значились «марксистами-ленинцами», а неофициально посылали и Маркса, и Ленина куда подальше. Когда же выяснилось, что гении вроде меня только портят спокойную устоявшуюся академическую атмосферу института, принадлежащего ведомству Минпроса, то я уже знал, чем будут дальше заняты мои мозги, а прокормить их у меня есть масса способов. И руки растут из нужного места.

Вот так, собственно, обстояло дело к маю 1986 года.

Глава 4. Шабашка

В мае 1969 года я оказался в Ленинграде после разведки на Кольском полуострове в поисках работы для своей бригады на летний сезон. Мне не хватило денег на билет до Киева. Благо, что у меня был адрес знакомых, пожилой интеллигентной супружеской пары, друзей родителей моей жены. Они меня радушно приютили, и я в ожидании денежного перевода от своей бригады провёл три дня в Ленинграде. Два из них я посвятил Русскому музею, а перед тем посетил квартиру А.С.Пушкина на Мойке.

Только месяц с небольшим как я женился. Возможно, этим объяснялось моё приподнятое настроение. Впереди был второй шабашный сезон, но в первом я был «негром», а в этот раз я взял всю инициативу в свои руки, стал «бугром», набрав бригаду из своих друзей со двора и из университета. Прошлый сезон я организовал поездку, но был в бригаде вместе с Бэбиком самым младшим и только осваивал процесс строительства брусового дома. Атмосфера в той бригаде была не такой, как мне бы хотелось, и я решил, что теперь сам справлюсь. Ведь заработок – это не главное. Нужен был ещё и полноценный отдых от работы и учёбы в университете. Смена деятельности в двадцать два года – это и есть отдых. Требовалось поймать кайф от экстрима, нужна была дружеская атмосфера спортивной команды, где каждый мог бы испытать себя по максимуму и прыгнуть выше своей головы. И это мне удалось как в том году, так и после. Все поездки и потом имели этот привкус экстремальных ситуаций десанта на незнакомой территории. Я был не столько бригадиром, сколько играющим тренером. А для специфических функций бригадира (пить водку с прорабом и закрывать наряды) в этот раз пригласил старшего товарища Диму Янковского, который по этой части мог переписать всё стройуправление, но свою задачу выполнить. Потом на эту роль я пригласил Игоря Шур, очень близкого старшего друга, соседа по коммунальной квартире, две поездки с ним были самыми удачными во всех отношениях.

В 1969 году я провёл в Саянах «трудовой семестр», то есть два летних месяца вкалывал так, что потом уже остерегался подобных глупостных «достижений». Предел собственной глупости я познал именно тогда, в 22 года, в посёлке Щетинкино на железнодорожной магистрали Абакан – Тайшет.

Это был мой второй трудовой семестр, но первый в качестве «бугра». «Бугор» – это бригадир шабашной бригады строителей. Первый сезон я отпахал «негром» в 1968 году на севере Тюменской области в посёлке Ун-Юган. Первые восемь домов на месте девственного леса, который на наших глазах расчищал мощный бульдозер, построила моя бригада из восьми человек. Улицу из двухквартирных срубов, четыре с одной сто-

роны, четыре – напротив, с деревянными тротуарами, штакетником и прочим благоустройством назвали Киевской.

Я не оговорился, сказав «моя». Я эту бригаду собрал, организовал, обеспечил «ксивой» о том, что она есть студенческий отряд от Киевского университета. Со студентов не вычитали налоги и оплачивали им дорогу в оба конца. Мужики были постарше меня, до 30-ти, а кое-кому и за 30. Понятно, что и опытнее в делах и в рукоделье, то есть в ремесле. Хотя топоры взяли в руки впервые чуть ли не все, включая и меня.

У нас был писанный Устав. Нечто среднее между писанным армейским и неписанным зэковским, приправленный отменным студенческим юмором. Я позаимствовал этот документ у ребят из КПИ, успевших пройти не один сезон на «стройках коммунизма». «Бугор» и «негр» – это должности, права и функциональные обязанности которых были прописаны в уставе. Все подписывались. Я начал с «негра» и успешно освоил весь цикл работ от нуля до крыши, топор, лопату, кирку и лом, бензопилу «Дружба», а заодно нивелир и все нехитрые строительные чертежи. Воздав должное отцу, который ещё в моём раннем детстве ознакомил меня с азами картографии и заставил освоить черчение ещё до того, как изучение этого предмета началось в школе. Он просто учил меня тому, что сам знал и умел.

Так что готовился я серьёзно, и весной 1969 года уже имел несколько писем из разных концов родной страны. Это были ответы на разосланные мною запросы с предложением своих услуг. Бригада в 10 человек обещала за лето построить столько, сколько они смогут обеспечить материалом. Абаканское СУ обещало оплатить дорогу в оба конца. В посёлке Щетинкино требовалось построить четыре двухквартирных дома из бруса и так называемый нижний склад из круглого леса на месте сгоревшего от пожара.

Бригаду я решил собрать из друзей детства, с которыми всегда было комфортно. Бэбик уже прошёл со мной крещение на севере и был готов повторить эту тему. Одноклассники Шурик Чабан, он же и сосед по двору, и Павел Заика подписались. Толя Дикий тоже. Мой младший брат – и вот уже полбригады. С ними можно было в любую авантюру пуститься, хоть на Северный полюс, хоть в разведку за линию фронта. Я в каждом тогда был уверен, как в самом себе. Остальных пригласил из университета по принципу: тебя я знаю, можешь взять своего друга, за которого будешь отвечать. Так Алик Онипко привёл Володю Лисицына, старший сотрудник по кафедре рекомендовал своего младшего брата. Другой сотрудник сам подписался на должность Фунта, то есть номинального бугра, которому вменялось вести переговоры с начальством, пить водку с прорабом, закрывать сметы, подписывать договора, а вне выполнения этих важных функций пахать «негром». Я был «теневым» бугром, поскольку «в авторитете». А чтобы со стороны не возникало сомнений в нашей студенческой принадлежности к комсомольскому мейнстриму, ввели должность комиссара (или замполита). Заряд я в себе ощущал такой, что дай мне маузер и отправь во времена гражданской, то с дивизией бы справился не хуже Гайдара, хотя с тем же успехом и за белых мог бы повоевать. Уж больно меня раздражали современники, партийцы и комсомольцы. Если спросить – чем, то ответ прост – тупостью, жлобством, хамством и мелкой своекорыстной алчностью. Лично я думал раньше о Родине, а потом о себе. Они же, за крайне редкими исключениями (я знал лишь пару человек), думали сперва о себе, а Родину промеж своих поносили почём зря. Вот на этой-то почве и вызревали постепенно мои разногласия с партией и правительством. Однако и с героями диссидентского фронта я не чувствовал особой близости. Им явно не хватало своего ума, им перепевы западных мотивов заменяли нужду в собственном соображении. Зачем сочинять велосипед? Бери готовый и едь – вот их нехитрая логика. А то, что по тайге да по тундре на велосипеде не ездят, им и в голову не приходило. Я этих городских кабинетных мыслителей и бунтарей всерьёз не воспринимал. Они глядели на закат, а я – на восход. Им Запад виделся образцом, а я не видел вообще достойных образцов приличной жизни. Таковые надо было

ещё только создавать. Для этого надо было познать, что такое человек и какого хрена ему требуется для счастья, если всё, что он ни затеет, оборачивается не тем, чего ему хотелось. Хочется лучше, а выходит как всегда. «Познай себя» – вещал Дельфийский оракул. Вот к этому я и приступил по-настоящему в Саянах сорок лет тому назад.

И вот отмотал я этот срок отнюдь не даром. Познал не только себя, но и Бога. Чуть-чуть, но зато без дураков, «в натуре», как выражается «братва». Но о Боге потом. Сперва доскажу о себе, о том сезоне очень жаркого лета 1969 года в Саянах. Уж нету Бэбика и Толи Дикого. Не знаю, жив ли ещё Шурик Чабан. Где-то в Швейцарии профессорствует Алик Онипко, который ещё два следующих сезона со мной ездил. Полгода назад вдруг встретил на Прорезной Лисицына, он меня первым опознал.

С годами я понял, что счастливые склонны переоценивать других, ибо меряют по себе. Иные, напротив, недооценивают по той же причине. Но тогда ещё мерки не устоялись. Я только женился в конце марта и готов был Саяны сдвинуть, если бы они стояли на пути. Я задавал темп и ритм работы и отдыха. Благо, что Рыбальченко, сотрудник кафедры биофизики и комсомольский секретарь, за бланк с печатью и подписью, где удостоверялся наш статус студенческого отряда, навязал мне Костю Красильщикова, которому было хорошо за тридцать, а физические кондиции, мягко говоря, никакие. Я его знал чисто наглядно, как сотрудника НИИ физиологии. Костя основательно пил, но вроде «завязал». Скрепя сердце, я согласился, чтобы он был поваром.

Однако оказалось, что Костя врач с приличным стажем работы на скорой помощи. В институте в отделе Семёна (Сюни) Гройсмана он занимался исследованием процессов пищеварения и готовил кандидатскую диссертацию, а по ночам подрабатывал дежурным врачом на «скорой». При этом ещё умудрялся пить безбожно. Когда ещё обнаружилось, что он закончил мою школу № 25 и знает Игоря Шур, моего соседа по коммуналке и ближайшего друга, хоть я и младше на девять лет, то я понял, что Костя – это золотой фонд бригады. Так и вышло. В посёлке была только фельдшерница, молодая и неопытная. Вскоре на приём к Косте потянулись местные жители, а пять студентов из отряда Ленинградского университета (отряд строил школу и жил по соседству с нами) всё свободное время околачивались у Костиной кухни и поверяли ему свои сердечные тайны.

Наш режим труда и отдыха был несопоставим с режимом соседей. 12 часов – это чистое время на объекте. Перемещение между ночлегом и объектом считалось отдыхом. Время на питание – это тоже отдых. Ни единого выходного дня. Но в субботу в обед шабашили и шли в баню. За вечер надо было восстановить силы, а в воскресенье вперёд и с песней на побитие вчерашних рекордов.

Все были примерно в равных стартовых условиях, в одной весовой и возрастной категории. Кроме меня с Бэбиком (Слава Трегубов, но с детства во дворе иначе как Бэбиком мы его не называли, и я не могу писать о нём иначе), все взяли в руки топоры впервые. Но я полагал, опираясь на наш с Бэбиком прошлогодний опыт, что сие не по меха, а напротив – мощный стимул. Никто ещё в жизни не построил даже сортира, а тут сразу дом. С ноля и до внутренней отделки. Чисто плотницкая работа, да ещё и бетонный фундамент. Вот дата старта, через два месяца – финиш. В конце 40% аккордной премии от сметной суммы всей зарплаты в плюс, если качество работ хорошее. Никто из нас за год на своей работе в Киеве таких денег заработать не мог при всём желании. По тем ценам первый взнос за однокомнатный кооператив, а это 25% всей стоимости, составлял 1800 рублей. Это в доме на углу Большой Васильковской (тогда Красноармейской) и Жадановского.

Все жили с родителями, кое-кто уже женился, так что стимул был у всех вполне здоровый – заработать на жильё. Благо, за образование платить не приходилось. В 1971 году, но уже в ином месте того же Красноярского края и в более тесном составе (5 человек), я добился рекорда – 2500 рублей за 70 дней. И это без халтуры, приписок и обмана по актам скрытых работ. Всё было чисто, кроме одной детали. Советское законо-

дательство запрещало рабочий день более восьми часов. Это в условиях Сибири с коротким летом было просто глупо в строительной сфере, да и в сельском хозяйстве. Нашим работодателям приходилось фактически затраченное нами время расписывать в таблице по восьмичасовой сетке и рабочим неделям.

Однако в 1969 году заявка на рекорд как первый блин вышла комом. Нет-нет, рекорды состоялись, да ещё какие, но с деньгами нас пробросили. И не без помощи Фунта, чьё имя я здесь не хочу упоминать. Но даже не в этом дело. Важнейшим итогом того сезона был опыт. Я познал свой предел в физических нагрузках, точнее – в физиологических. И сошёл с дистанции, не доведя команду до финиша.

Первый тайм, то есть месяц, мы отыграли по нарастающей. Весело, с шутками и прибаутками заводили друг друга, втянулись в нагрузки и взвинчивали темп. К вечеру падали с ног, а утром как ни в чём не бывало добавляли жару. Гнали два дома рядом по три человека в звене. Четверо занимались нижним складом, и мы их видели только вечером, когда все отчитывались за день. Дома стояли на южном склоне с перепадом высоты фундамента под параллельные стены полтора метра, то есть цоколь потребовал уйму бетона. Мешали раствор маленькой бетономешалкой и таскали носилками, причём бегом. Порой пальцы отказывали и разжимались сами.

Но нам было весело. С Шуриком и Толей мы в школьные годы тренировались в одной группе ДСШ по спортивной гимнастике. В бане устраивали состязания на жим стойки на руках, не сгибая в локтях руки, садились в «шпагат», а потом ещё кто больше подожмётся на перекладине в сапогах и прочие глупости. Это после изнурительной нагрузки с бетоном и брусом на припёке солнца. Термометр показывал +50°, а в тени под камнем во мху лежал ещё не растаявший с прошедшей зимы лёд. Мы там ставили ведро с водой и каждый выпивал за день по полведра холодной воды. Все ставили свои личные рекорды и радовались своему здоровью и молодости, как козлята.

Не помню уже, по какой причине Шурик должен был нас покинуть. Кажется, в связи с производственной практикой, он заканчивал техникум радиоэлектроники. Потеря такого надёжного бойца сильно обескровливала моё дворовое звено. Я, Бэбик и Шурик знали друг друга столько, сколько помнили себя. Мы были больше, чем семья, прожив двадцать лет в одном дворе. К тому же именно мы и задавали тонус всему процессу производства, внедряя всякие усовершенствования и модернизируя древнюю профессию плотников-бетонщиков. А правило было такое: если кто-то доказал, что его способ, скажем, забивания гвоздей эффективнее, производительнее, то все были обязаны этот метод освоить. Попытки уклониться и делать по-своему жёстко наказывались рублём.

На общем собрании приняли решение покончить с бетоном до отъезда Шурика. Он лучше всех справлялся с капризным двигателем бетономешалки. Когда же срок поджал, то порешили не покидать объект, пока не выведем «ноль». Еду подвозить, спать только на ходу, а носилки цеплять для страховки пасами на плечи, чтобы пальцам иногда позволять разогнуться. На эту «штыковую атаку» мы рванули так, что за 36 часов без сна справились с темой. Кстати, была суббота, и банька нас приняла в свои объятия.

Костя имел прежде дело и со спортсменами как врач. Кормил нас калорийно и вкусно. Но тут и он забеспокоился, просил сбавить обороты. Как в воду глядел. На следующий день я начал чувствовать пульс в висках. При малейшем повороте головы, а тем более при наклонах. Костя измерил давление – 130/80. Никогда прежде ничего подобного не ощущал.

По уставу больничные не оплачиваются. Первые три дня больной сам должен выздороветь, отдыхая на койке. На четвёртый день он либо выходит на работу, либо покидает бригаду для лечения в санаторно-курортных учреждениях. Расчёт получает по тарифу без всяких аккордных премий. В ту пору ещё никаких коэффициентов мы не

вводили. Бугор и негр были равны перед рублём. Рабочий день им оплачивался одинаково.

Три дня моего относительного отдыха не дали ощутимых улучшений. Я не мог без боли в висках изменять положение тела в пространстве (встать, лечь, сесть, нагнуться, выпрямиться и т.д.). Сам виноват. И благо, что сам же и наказан. Хуже было бы, если бы это случилось с кем-нибудь другим. Я понимал, что спёкся по собственной дури из-за дешёвого куража. Словом – фраернулся из-за пижонства, чисто по-детски. Давно не был чемпионом, замастерился, как сказал бы Аджат Муратович Ибадулаев, мой тренер. В школьные годы я с пятого по девятый класс занимался спортивной гимнастикой. Поначалу в 1958 – 1959 годах выигрывал первенство города по программе юношеских разрядов. Но вдруг вытянулся в рост до 188 см, и о гимнастических лаврах пришлось забыть.

Пару лет, седьмой и восьмой классы, после того как оторвался с больших оборотов от перекладки и сломал руку, я попал в спортивный тир с одноклассниками. Они пришли на тренировку, а я посмотреть. Левая рука была в гипсе. Тренер меня и раньше видел, я как-то начинал с мелкокалиберной винтовкой осваивать стандарт (лёжа, с колена, стоя). Подзывает меня и даёт в правую руку «Марголин»: «Там три патрона. Вон мишень на 25 м. Целься под яблочко. Попробуй». Я постарался и сделал три «девятки». Он заряжает десять, всю обойму. Я и эту серию неплохо сделал. Со следующей тренировки он стал меня готовить к соревнованиям: малокалиберный пистолет, 50 метров, 30 выстрелов.

Очень полезные были тренировки, но мне не хватало динамики. Я хотел по силуэтам, но школьники по этой программе не готовились. А мой бурный поначалу рост результативности застрял на пороге второго разряда (250 из 300 возможных). Тренер это объяснял гормональной ломкой, требовал есть поливитамины и собирался перевести меня с «Марголина» на целевой пистолет, где рука спецмуфтой крепится к оружию и не меняет своего положения, пока вся серия не отработана. Мастера именно с таким оружием выходят на соревнования. Но я понял, что то, что мне требовалось от тира, я уже получил, а чемпионом стану в каком-нибудь динамичном спорте.

В моё время профессиональный спорт в Союзе ещё не родился, а пребывал в зародыше. Да я никогда и не выбирал, полагая, что спорт для жизни, а не жизнь для спорта. Сама жизнь – это универсальное многоборье. И если где и быть чемпионом, то именно в жизни, по совокупности всех показателей. Зачем себя ограничивать профессиональным идиотизмом? Человек универсален по природе, остаётся блюсти гармонию в развитии задатков. Я уважал всех, кто достигал потолка в отдельных видах гимнастического многоборья, но абсолютным чемпионом в многоборье был Борис Шахлин. Мы часто в одно время с ним тренировались в зале нового Дворца спорта, и я следил за ним во все глаза. Умер он пару лет назад. Это был настоящий великий чемпион.

Мне легко было представить жизнь гимнастическим помостом, где требовалось на всех снарядах выжать из себя всё по максимуму. Только снарядов этих в жизни гораздо больше, а помостом служит планета.

Таким динамичным спортом на выезде ещё в 1968 году мне показалось строительство деревянных домов. Соперник – это ты сам. То, чего достиг сегодня, можешь превзойти завтра. Так, обломавшись в Саянах, я сделал выводы из поражения и, спустя ещё один не очень удачный сезон, сжав бригаду до минимума, выдал классный результат. Даже те, кто понимает и знает профессионально это дело, не верят, что моя бригада (Бэбик, Алик Онипко, Игорь Шур, 16-летний Валера, двоюродный брат Бэбика, и я) за 70 дней построила из бруса: 1) гараж на пять боксов (сруб 33 м на 9 м с перекрытием и потолком, под шиферной крышей 3,5 м высотой по коньку с зашивкой фронтонов); 2) четырёхквартирник (24 м x 7 м сруб, полы, потолки, крыша под шифер и фронтоны) – это в селе Мурма Тасеевского района Красноярского края в Мурманской ПРП (поисково-разведывательной партии) под началом Денисова; 3) два двухквартирника из круг-

лого леса (стулья, три свежих венца и сбор разобранных домов, настилка полов, потолки, крыша, фронтоны и пр.) – это в 30 км от Мурманска в селе Троицкое, где сользавод, действующий с 1654 года.

Я отлично знаю, что такие объёмы работ, что пришлось на одного человека и на наш средний трудовень, в этой отрасли никто не мог продемонстрировать. Хотя бы потому, что мне удалось завести руководство так, что нас бесперебойно обеспечивали всем необходимым. И даже когда возникла задержка с поставкой мауэрлатов на перекрытие гаража и опору для крыши, то Денисов, извиняясь, устроил нам трёхдневный отдых. Снарядил вездеход, и нас доставили на Бирюсу в Усть-Кайтым к староверам. Совместить полезное с приятным отдыхом.

Интрига была в том, что мы не собирались строить жилой дом. Нас вызвал в мае телеграммой Денисов, ибо у них сгорел гараж. И все ресурсы ПРП были нацелены на восстановление производственной базы. Нам хватало гаража и двух домов в Троицком, и по времени и по деньгам. Получалось по 2000 рублей на нос на весь круг. Но тут неожиданно под вечер к нам в общагу пришёл Денисов со своим замом Курагиным и они достали по две бутылки водки, что меня сильно удивило, ибо мы хоть и не держали сухой закон, но форму спортивную держали, позволяя себе на ночь чай с ромом в целебных дозах.

Оказалось, что они прямо с профсоюзного собрания, где бабы устроили бунт. Мол, обещали дом построить, а построили гараж. Бригада уедет, снова зимовать четырёх семьям неизвестно где. Начальник с замом решили, что материал найдут, прямо с пилюрамы будут нам подвозить. Осталось нас уговорить. Вот и пришли уговаривать, чтобы мы срубили коробку, потолки и крышу поставили, зашив фронтоны, чтобы не сдуло.

На свежие силы нам бы недели хватило, но ребята уже деньки считали до самолёта и конопатили повторно срубы, тихо радуясь «женской» работе. Обычно бабы этим занимаются. В довершение ко всему мой поясничный диск просел и защемился. Я без пояса штангиста ни сесть, ни встать не мог и два дня лежал, пытаюсь вправить диск на место.

Это был тот самый случай, когда деньги вдруг потеряли свой вес. Имея две тысячи в кармане, никто уже не хотел поднять ещё пятьсот за неделю, то есть в два раза повысив свой средний трудовень. Но кроме денег всегда есть нечто, гораздо более важное. Как мог я отказать Денисову, если он, полагаясь на меня, дал слово собранию всей ПРП, что дом будет построен? Кто мне Денисов? Да просто человек – на редкость порядочный. Я встретился с ним впервые в середине лета 1970 года после облома в Мотыгино, где нас не смогли обеспечить оговоренным объёмом работ и пришлось бригаду распустить на самотёк. Я поехал искать работу для троих – четверых. Сошёл с автобуса в Мурманске, увидев три первых венца большого сруба и отдыхающих мужиков. На вопрос «Что строим?» они, матерясь, сказали, что век бы не строили, но начальство заставляет. Они геологи, буровики и прочее, а плотников среди них нет.

Я, узнав, где сидит начальство, подался прямо туда. Вид у меня был ещё тот! Решил укрепить волосы и побрил голову ещё в Киеве. А тут у меня в Богучанах ещё и рюкзак украли со всем инструментом и вещами – 50 кг весом. Словом, приходилось сразу показывать паспорт, чтобы снять подозрения с моей зэковской причёски. Это ныне она в моде вне зоны, а в то время эту моду держала лишь зона (да ещё армейские новобранцы).

Представился я командиром студенческого отряда, который прервал свою боевую вахту в Мотыгино из-за разгильдяйства тамошнего СМУ (строительно-монтажного управления). Его персонал нашими силами решил строить для себя баньки и прочие мелкие радости, не напрягаясь доставкой материала.

– Вы тут дом затеяли строить, а мужики ваши не шибко напрягаются. Я вам за месяц до сентября сдам, коробку под крышей с полами и потолками. Отделкой сами будете заниматься.

– И сколько вас?

– Четверо, – соврал я, не моргнув глазом, хотя Бэбик уезжал, оставляя своего брата 16-ти лет, тощего, как смерть, но весёлого и послушного, всегда готового подать то да принести это. А справиться с делом мы должны были вдвоём с Лёшей, крепким парнем. Хоть он и впервые на шабашке, но второй конец бруса на плечо взять мог. С дрелю по стене ходить тоже мог. А большего и не требовалось.

– Сомневаюсь, что вы вчетвером справитесь. Мои шесть мужиков уже неделю топчутся, а положили только три венца.

– Так то мужики, а мы – бойцы. Пусть ваши мужики нам только успевают подвозить брус с пиlorамы. За остальное не беспокойтесь. И освещение по углам дома надо протянуть. Мы же не по восемь часов отбываем повинность!

– Но я вам не смогу аккорд платить, у меня это проходит по сметам временного строительства, хотя делается всё капитально.

– Сколько сможете?

– Тысячу восемьсот, вот всё, что у меня есть на это.

– Будем считать, что договорились. Завтра я привезу ребят. Я вам верю, а как вы это будете оформлять документарно, меня не волнует.

Позднее он мне признался, что не поверил моим обещаниям, но решил попробовать. Когда же я через две недели решил взять аванс на еду, то он уже ничем не рисковал. Пилорама не успевала пилить брус, а мы с Лёшей умудрялись 6,5-метровый листовяжный брус 20 на 20 см, сырой, весом не менее 200 кг, брать на плечо и укладывать на леса. Потом уже на лесах снова брать на плечо и укладывать на стену. А когда таким образом уложили все балки перекрытия из этого бруса, то Лёша признался, что такого о себе даже вообразить не мог. Он не кокетничал. Он действительно не мог свой конец сам взять на плечо. Я ему помогал, а потом шёл к своему и каким-то чудом с элементами техники рывка умудрялся оторвать эту «железяку» (иначе его не назовёшь, ибо брось этот брус в воду и он пойдёт ко дну как топор) настолько, чтобы подставить плечо, а потом встать из глубокого седа.

Мы уложились в срок и получили обещанное. А Денисов не скрывал своего восхищения от результата, в который не верил.

После этого меня не удивила телеграмма весной следующего года: «Прилетай сгорел гараж тчк оплачу самолёт в оба конца тчк Денисов». Вот тут я и понял, что почва для финансового рекорда подготовлена. Все прежние физико-физиологические результаты нашего труда ещё адекватно никто не оценил рублём. Но я посеял веру в свои силы и возможности, я отвечал за свои слова делом.

И, видимо, Господь решил меня проверить на вшивость. Я сказал Денисову и Кулагину: «Да, остаёмся. Дом будет». Но как только они вышли, бригада взбунтовалась. У всех возникли причины быть в Киеве 1 сентября. Алик – аспирант, Игорь – доцент КПИ, даже Бэбик – и тот возроптал в том духе, что всех денег не заработаешь, а длинный рубль – короткая жизнь. Только пацан Валера заявил, что будет со мной столько, сколько надо. Они ещё укоряли меня больной спиной, что, мол, всё ляжет на них.

И я всех послал по известному адресу. Сказал, что с Валерой и без них справлюсь. А в Киев отобью телеграмму, что лёг в больницу из-за травмы спины.

К утру они устыдились, но стали теперь уже затягивать срок, лишь бы не вышло по-моему. Я же затянул свой пояс, встал, взял топор и пошёл на объект, где давно в качестве фундамента лежали листовяжные слуги. Первый венец можно было класть. По дороге, встретив секретаршу Денисова, попросил, чтобы нам заказали билеты на 7-е сентября. Алик, узнав дату, поспорил со мной на коньяк, что мы не успеем и билеты придётся сдавать.

В ночь с 6-го на 7-е мы крыли крышу под проливным дождём, засыпая на ходу. И в 8 часов утра покидали объект, едва переставляя ноги. Мужики, оказывается, тоже делали ставки между собой, как раз шли на работу. Те, что выиграли, ликовали и поздравляли меня, остальные не очень расстроились, хотя и проиграли. Все мои были счастливы. Игорь потом в своём кругу, а между нами была разница в 9 лет, слагал обо мне легенды, стараясь не слишком привирать. Алик выставил коньяк, и мы летели до Москвы примерно с таким чувством, как будто стали олимпийскими чемпионами.

В Богучанах в начале лета 1970 года у меня в аэропорту украли рюкзак весом 50 кг и вооружением (топор, инструменты, ружьё, патроны, спальник и пр.), самолёт улетел без меня, а следующий на Мотыгино только через день... Но одно только слово, что я из Киева, для капитана речного танкера, ходившего по Ангаре, означало «Динамо» (Киев). И он бросил мне трап, радушно пригласил на борт, и тут же, едва я успел подняться, дал команду матросу: «Отдать концы!», и мы поплыли вниз по течению к Енисею, где по дороге была пристань Мотыгино, а там моя бригада. Чистая отдельная каюта, душ, команда из пяти человек, молодые ребята и девушка-кок. Ночная стоянка на якоре с заброской сетей. Рыба для кухни. Если я добавлю, что через месяц воров поймали, меня вызвали телеграммой и я получил своё ружьё и патронташ, а за остальное мне три года шли в Киев денежные переводы со станции Решёты (лагерь на БАМе), то *harry end* вполне голливудский.

На днях читал в «Известиях» интервью с китайским кинорежиссёром, прилетевшим в Москву на фестиваль получать приз. Так он сказал, что потрясён красотой бесконечных лесов, которые видел из иллюминатора. А я помню, как меня прошибло: «Ведь это моя Родина!». Одно дело читать о том, как предки покоряли просторы Сибири и Дальнего Востока, и совсем иное – воочию увидеть и приложиться руками, умом и сердцем к великому делу, заповеданному Господом, – заселять землю.

Я честно исполнял эту заповедь. Дома, построенные моей бригадой, где я был первым топором и лучшим мастером в делах с бензопилой «Дружба», а привилегией бригадира считал обязанность пахать больше всех, стоят в Ун-Югане на севере Тюменской области (1968 г.), в Щетинкино, Саяны (1969 г.), в Мотыгино на Ангаре (1970 г.), В с.Мурма и в с.Троицкое Тасеевского района Красноярского края (1971 – 1972 гг.), далеко от посёлков в глухой тайге на буровой в районе Богучан (зима 1972 г.), на Сахалине в г.Невельск и, наконец, в Горном Алтае стоит мой лучший дом, где я не только исполнитель, но и автор и спонсор проекта.

И пусть те, кто полупрезрительно произносит слово «шабашник», знают, что я горжусь своими трудами и их плодами, не отмеченными ни в одной трудовой книжке. И мне за них не то чтобы переплатили, а, как правило, изрядно недоплачивали, за редким исключением. И когда я читаю труды своих сверстников, «профессиональных» философов или психологов (как будто есть такие профессии?!), то мне частенько просто смешно бывает от академических теорий человека и от тех проблем, какими они озабочены. Мне жалко тех вундеркиндов, которые запросто управляются с компьютером, но не умеют забить в стенку гвоздь. И дело тут не в том, что ручных навыков им не хватает. У них мозговые навыки очень важного интеллектуально-нравственного пласта отсутствуют. Вот в чём проблема. У них дефицит социальных навыков коллективного труда, где, собственно, только и строится путём душа человеческая. У них совершенно деформированное сознание о мире и о себе, если по большому гамбургскому счёту.

Уже после окончания вуза Коля Новиков (бывший Наум Гольденберг) меня нашёл и напросился в товарищи в бригаду на заработки. К тому времени он уже неплохо освоился со штангой и накачал приличные мышцы. Год был 1975-й, я поступал в аспирантуру и ехать не хотел. До тех пор я числился в бригаде первым среди равных, но в том году выяснилось, что это не совсем так. Члены бригады, которые уже ездили со мной, и новые взяли меня уговаривать, чтобы я на месяц поехал и запустил «меха-

низм» в работу, а уж закончат они сами без меня. За это предложили коэффициент 1,5, то есть мой день ценился в полтора для каждого прочего. Прежде такого не было. Я поддался на лестные уговоры. Месяц действительно всё шло гладко. Был приличный объём работ: на 10 человек бригады – четыре двухквартирника и школа в посёлке Новый Городок, два часа лёта на АН-2 от села Ярцево, большой пристани на Енисее. Я с чистой совестью, но с тревогой, улетел. Мне не понравилось, что бригадиром выбрали моего младшего брата, не имевшего к тому необходимых качеств. Все были и старше, и опытнее, но никто не хотел ответственности. А Малый погорячился, когда согласился рулить. Этот сезон едва не кончился трагедией. Колин друг умудрился упасть со стены головой на половую лагу. Перелом основания черепа. Три дня не приходил в сознание после того, как санитарным самолётом его отправили в Ярцево в больницу. Слава Богу, выжил. Я его встретил потом в Киеве с коляской, в которой был недавно родившийся ребёнок. Только тогда у меня камень с души свалился. А в 1975 году пришлось вместо экзамена по физиологии на родной кафедре лететь в сентябре снова, чтобы закончить работу, покрыть дома шифером. Бригада деморализовалась и рассыпалась во главе с моим братом, которого я застал в прострации за чаем в рабочее время. А нанятый им бич наигрывал на гитаре свои сентиментальные мотивы. Обложив их крепким матом, я бича отправил подальше с глаз долой, а потом мы вдвоём с братом за неделю покрыли все крыши и улетели.

До этого случая я полагал, что каждый член бригады может меня заменить без особых стараний. Оказалось, что это не совсем так, когда ситуация экстремальна. Даже Игорь Сергеевич, мой старший друг, тут оказался не на высоте. Но я благодарен всем, кто ездил со мной за «длинным рублём». Я ведь ездил ещё и «за туманом и за запахом тайги».

Спасибо Денисову и Кулагину, начальнику и его заму Мурманской ПРП Каннской экспедиции. Трижды приезжая к ним и выполняя договорную работу, я испытывал удовольствие от неподдельного уважения и дружеского участия с их стороны к делам моей бригады. Такой комфортной психологической и деловой атмосферы, как у них, я нигде более не встречал. И это нашло экономическое выражение. Я смог поднять стоимость бригадного человеко-трудодня до 33 рублей на круг за сезон (два месяца), а в отдельные отрезки времени ударного труда (до двух недель) – до 44 рублей. Для сравнения: в КГУ мой месячный оклад лаборанта составлял 63 рубля. Я пребывал в университете не менее 12 часов в день. Такой же длительности был и шабашный трудодень. Полдня в неделю – банный выходной. Этот режим мы держали два месяца. Нас встречали и провожали как важных персон. Предоставляли транспорт, топили баню под наш заказ и приглашали ещё и ещё. В конце февраля 1973 года я один появился в кабинете Денисова после месячной зимовки в тайге, так он вскопчил с неопишуемой радостью, сказав, что только вчера обо мне вспоминал. Ему надо дом поставить на буровой под летнюю экспедицию геофизиков. «Дайте пару бичей, и я вам поставлю», – сказал я. – «Но я тебе не смогу платить по аккорду» – «Прокормить вы нас месяц сможете, а потом мне 250 рублей чистыми на дорогу». И мы ударили по рукам. 28 марта я уже улетал из Богучан. Дом в тайге стоял. А 29-го я уже был в Киеве. После этой зимовки я ушёл в армию. Зимовал я один на пасеке сользавода в 18 км от села Троицкое. Летом мы там срубили омшаник на 200 ульев. Потом я прилетал к дяде Коле-пасечнику соболевать и белковать. У него был свой участок для промысла и таёжная избушка. Его сын Гена получил квартиру в доме, который мы построили, и дядя Коля с женой Зиной принимали меня как родного.

К маю 1986 года я успел пошабашить на Сахалине, уволившись из Института психологии, и по инерции кропал свои выстраданные мысли по методологической теме на бумагу. Легко и безжалостно рвал написанное и начинал с начала, добиваясь внятности и доступности, прозрачной ясности для себя же прежде всего. И, конечно же, читал философов, просматривал «Вопросы философии» и прочую гуманитарную перио-

дику. Я не был одержим, но берёг свои зёрнышки верных догадок, надеясь, что они непременно прорастут. Дай Бог только время.

В Киеве мне делать решительно было нечего. Я и раньше подумывал застрять на Сахалине подольше. В Чехове директор рыбзавода предлагал мне заняться оформительским дизайном (клуб, столовая, территория) за сказочные деньги (1000 рублей в месяц) и давал отдельную квартиру в малосемейке. До сих пор жалею, что не согласился сразу, а решил подумать. И вполне естественно было вспомнить о Сахалине и рвануть подальше от любимого Киева, донимавшего мою черепную коробку, точнее, то, что находилось в ней, да и прочие мои любимые органы ставя под угрозу. Но денег долететь до Сахалина не хватило. Я долетел до Горно-Алтайска и вышел из самолёта в аэропорту села Майма с тремя рублями в кармане и с рюкзаком, где было ружьё с приличным запасом патронов, топор и всё необходимое для хорошо мне знакомого обитания в тайге. Был конец августа.

На следующий день я уже заключил договор с заготовителем Николаем Бодровым, получил приличные мясные консервы в качестве аванса, и меня на вездеходе забросили в Александровский лог, рядом с одноимённой деревней, подселив в палатку к заготовителям ягоды. Красная смородина, или кислица по-местному, была в соку. Переночевав, рано утром все разбрелись в разные стороны за добычей. Я шёл и удивлялся, что не хватает дыхания, хотя высота над уровнем моря была пустынной. Позже, когда сделал анализ крови, всё объяснилось. Нормальная формула восстановилась только через два месяца таёжного «отдыха».

Не успел я пройти и ста метров, как из высокой травы метрах в пятнадцати от меня поднялись с лёжки восемь коскуль и не слишком поспешно удалились. Моё сердце обомлело от счастья. Каждый охотник это легко поймёт. Чувствуя, что сил совсем мало, я вернулся, расстелил спальник и заснул. Проснувшись через пару часов из-за припекавшего солнца, я никак не мог сообразить, что не так? Когда же до меня дошло, что я в настоящей тайге спал как младенец без накомарника и ни одна мошка, муха или комар не потревожили мой сон, то это меня крайне поразило. Я не мог в это поверить, ибо побывал в самых разных таёжных местах от севера Тюмени, от Саян до Ангары и вниз по Енисею, наконец, на Сахалине, но такого чуда, чтобы в лесу не было инсекты, я не видел. И вот этих двух первых впечатлений, наличие в такой плотности копытных и полное отсутствие летающих кровососущих (клещ не в счёт), мне хватило, чтобы сообразить, что я попал в рай земной и было бы глупо куда-то ещё дёргаться. И я решил оставаться там подольше.

Это решение только окрепло, когда первого сентября меня трактором подняли повыше на Урлу-Аспакскую гриву и оставили в зимовье Вани Акпашева. Выпал снег, а к утру начал таять. И упала кедровая шишка. Я жил один среди кедрача и заготавливал кедровый орех. Подстрелил кабаргу, объедался шашлыками и наливался здоровьем. Собрал пятьдесят кулей шишки, неспешно переработал и получилось двенадцать кулей чистого ореха, без малого полтонны. Андрей и Зина Потагашевы приютили меня на время в Урлу-Аспаке. Андрей на своём тракторе спустил меня с грузом. За свою добычу я получил от заготовителя 700 рублей (неплохо за полтора месяца) и стал укореняться в горную почву, то есть устраиваться на работу, чтобы пережить зиму и прочнее зацепиться в этой местности.

Я до сих пор вспоминаю свою встречу с Горным Алтаем как чудесную сказку, которую довелось прожить наяву. И сожалею, что передать это словами не получается. Среди флоры и фауны мне всегда хорошо, в любое время года. А вот в социуме, к сожалению, не всегда полный комфорт. И это при том, что у меня к окружающим никаких претензий или, точнее, крайний минимум.

Весной, в марте 1987 года, в научно-популярном журнале «ЭКО» («Экономика и организация»), издаваемом Сибирским отделением АН СССР, был опубликован очерк Нины Максимовой «Житие одного шабашника». Нина сделала этот материал, изрядно

меня допытав, даже приезжала для этого в Киев. А поводом послужила анкета, которую я, будучи на Сахалине, заполнил и отправил в редакцию. Нина прислала письмо и попросила подробнее высказаться, опираясь на собственный опыт, о шабашниках и шабашничестве как явлении. Я, помнится, накатал страниц двадцать пять и отправил. В итоге у неё получился очерк, который вошёл в тройку лучших публикаций журнала за год. Мне на голову свалился гонорар в 300 рублей, а потом ещё и письма-отзывы читателей.

Мне было ровно 40 лет. Приличный опыт и знание реальной жизни без дураков и мифологизаций. Достаточная уверенность в себе. Я привык к тому, что если я чего-то хочу, то этого непременно добьюсь. Я попадал порой в отчаянные ситуации, но это меня лишь мобилизовало и я всегда оборачивал их себе на пользу. Я не хитрил и не ловчил. Всегда был прям и откровенен. Не лез на рожон по пустякам, но и обходных путей не искал, не упуская случаев проверить себя на вшивость. Но я был явно не на своём месте. Мои интересы были непонятны окружающим, а их заботы виделись мне не столь уж важными и значительными. Сколько бы я на себя ни брал, хоть ответственности, хоть просто физического груза, я знал, что сделаю и вынесу. Я много раз начинал с нуля и всякий раз доводил задуманное до приемлемого результата. Я из любой стройбригады мог выжать только своим примером и внятным русским языком столько, что им и не снилась такая производительность. Я так привык, ибо мне нужны были паузы, когда я мог спокойно работать головой, продолжая давно начатую тему. Но именно эта моя тема выглядела в 1987 году самым дохлым и уязвимым местом во всей моей крепко сбитой житейской идеологии. Чем больше я понимал в своей теме, тем меньше шансов виделось когда-нибудь её озвучить. Полное глухое интеллектуальное одиночество. Ни поделиться, ни обменяться мнениями с кем-то, кто соображает. Мне казалось, что дайте мне только полгода, и я сумею написать труд, который откроет глаза этим тупым идеологам от КПСС, а здравые умы, без которых ведь жизнь не бывает, увидят, в какое болото катится страна. Но даже не в том дело, куда катится, то есть приближающийся крах ощущали многие, но вот подлинные причины находили где угодно, но не в сердцевине вполне безупречной системной теории Маркса. Эту сердцевину, категорию «стоимость», так и не удосужились усвоить. Моя позиция в идеологии была «третьей», поскольку ни с теми, кто «за», ни с теми, кто «против». Оставалось надеяться только на чудо. Когда больше не на что опереться, то и надежда на чудо может послужить опорой.

Примерно на такой ноте я оборвал свои занятия и переключился на семью, какую обрёл в Горном Алтае. В 1990 году я начал строить дом. Я был бы не я, если бы взял банальный стандартный готовый проект, каковых домов уже достаточно построил ещё в студенческих шабашках, и они мне надоели. Мой дом – это была не только поселенческая задача, хотя и это тоже, сколько чисто творческая по максимуму. Я не буду расписывать детали, но я с этой задачей, как и следовало ожидать, вполне справился. Мне, как любителю, не стыдно было продемонстрировать своё строение ни перед профессиональными архитекторами, ни перед строителями с высшим специальным образованием. От тех и других я получил искренние комплименты и признание своих затей в планировке и в исполнении. Думаю, что аналогов по показателю «цена – качество – комфорт», а также «строительный объём – жилая площадь», у этого дома по сей день нет. Если бы я не поленился, а хотя бы задним числом перенёс дом на бумагу и чертежи послал на конкурс проектов, то незамеченным мой проект не остался бы. Но я творил непосредственно в материале, склеив только макет из бумаги, которым играли дети и заиграли так, что он пропал.

Если к этому добавить, что я делал всё сам, привлекая помощников исключительно в крайних случаях, после работы (пока она ещё была), и получал при этом редкое удовольствие от каждого часа на своём участке (берег Катуня, красота!), то шесть лет пролетели незаметно и плодотворно. Казалось, настоящая жизнь только начинается. Но

тут в пору привести детский стишок, застрявший в мозгах едва ли не с младенчества. О том, как медведь заказал зайцу-портному пошить штаны:

Заяц режет, заяц шьёт,
А медведь в берлоге ждёт.
Срок прошёл, пришёл медведь,
А штаны нельзя надеть –
Вырос косолапый.

Нечто подобное случилось и с нами. Дети подросли, и захотелось, чтобы школьное образование получили получше, да и мир увидели чуть шире. До сих пор помню, как дочь сперва увидела трамвай в Бийске, сколько было восторга. Потом поезд до Барнаула. Потом самолёт до Москвы, Кремль, храм Христа-Спасителя. И, наконец, Киев, Лавра, Днепр, Крещатик. Такого обилия впечатлений за двое суток трудно получить и за полгода на берегу Катуня, где мне-то как раз в пору было бы отдохнуть от всех своих впечатлений до конца дней. Но рано меня потянуло на отдых.

В силу отмеченного выше, дом свою задачу исполнил, творчески я отчасти реализовался. Поэтому особых сожалений в связи с необходимостью его продать я не пережил, хотя и были, конечно, колебания и сомнения. Пожалуй, впервые я ощутил, что снова начинать с нуля уже не так-то просто, как было прежде. Труднее всего далось расставание с любимым псом. Замечательная лайка, с которой мы жили душа в душу и понимали друг друга с одного взгляда и в тайге, и дома. Две прежние попытки ещё в Киеве завести охотничьего пса были неудачны, хотя и поучительны. Спаниель Дора погибла от чумки, не дожив до года, а уже упоминавшегося Чако пришлось свезти в село к деду, где он у соседей стал отличным сторожем. Но выстрела он боялся. Кто-то его испортил до того, как я забрал его из вивария.

Первая попытка продать дом в 1997 году оказалась не просто неудачной, а настояжывающей. Я уже в Киеве нашёл работу и соображал, как быть дальше. Получаю телеграмму от жены, что есть покупатель, срочно приезжай. Это, конечно же, решение проблем. И я тут же пытаюсь найти деньги на дорогу и взять отпуск за свой счёт на работе, на которую только-только успел устроиться. Раньше у меня никогда не было проблем где-то дёрнуть практически любую сумму из тех, в каких обычно возникала нужда, например, на дорогу самолётом в Сибирь и обратно. А тут я обзвонил всех без исключения друзей и знакомых и понял, что мир слегка перевернулся. Полный аут. Меня ждёт покупатель с 30 тысячами баксов, а я не могу нигде взять пару сотен, чтобы до него добраться. Причём я этого Петрова отлично знал, парень неплохой, но жутко импульсивный. Его бизнес был на подъёме и он срочно хотел что-то прикупить. Жить ему было где.

Что-то я наскрёб, но на самолёт не хватало. Решил ехать поездом. Приезжаю в Москву и торчу там больше суток, пока сел на Барнаул. Через Новосибирск денег не хватало. Я ещё никогда в жизни так долго не добирался в Сибирь. Но именно сейчас мне было надо как можно быстрее.

Однажды, в марте 1973 года, когда я выбирался из тайги после двухмесячной зимовки в районе Ангары и следом от базы в Тасеево, был совершенно фантастический случай. 28 марта я был ещё в Богучанах, а в Киеве обещал был 29 марта. Мне это было очень важно – приехать не позже 29 марта. Путь лежал по маршруту Богучаны – Тасеево на АН-2 вместе со сменой буровиков Мурманской ПРП (поисково-разведывательной партии). Я им поставил сруб под крышу на буровой и должен был получить на базе расчёт. Начальник партии Денисов всё подготовил и сказал по рации, что я получу деньги хоть ночью. А с.Мурма в 10 км от Тасеево к северу. Мне далее 170 км до Канска на юг по трассе. А потом надо преодолеть аэрофлотом Канск – Красноярск – Москва – Киев.

И вот 28 марта мы днём пытаемся улететь из Богучан. Рваные снежные тучи, ветер и солнце, уже греющее. На полосе лужицы, проталины. «Аннушка» после третьего

захода плюхнулась на полосу и лыжи тут же прихватило, пока мы загружались. Молодые пилоты не очень уверенно пытались бить колотушкой по лыжам, но сорваться с места не удавалось. Все вылезли, взялись за крылья, раскачали, толкнули и поехали, а потом на ходу все запрыгивали в салон. У кого-то сдуло шляпу. Мужичок с ноготок передо мной не мог согнуть ногу в колене, чтобы забраться через порог, у него валенки были выше колен. Я взял его за ватные штаны и всунул внутрь, а потом и сам вскочил уже на взлёте. Летим.

Когда подлетели к Тасеево, та же картина, туча за тучей низко над землёй. Два захода на посадку и каждый раз в тучу и ничего не видно. Пилоты, не долго думая, разворачиваются и летят домой в Канск. Их работа заканчивается в 17⁰⁰. В Канске нас пытаются отложить на завтра, что меня никак не устраивает и остальных тоже. Пошли к командиру отряда. Симпатичный молодой парень с орденом Красной Звезды на кителе этак весело на всех поглядел и говорит: «Поехали!». Мы вмиг загрузились. Он взлетел практически с места на бреющем над трассой с открытой в кабину дверью как лихой таксист, пару раз пугнул всех резкими виражами и ямками, и мы часов в восемь вечера уже в темноте сели в Тасеево.

Я успеваю получить деньги и попариться в баньке у Николая, замечательного мужика, бригадира столяров. Два сезона в мои прошлые приезды он всячески нам помогал решать производственные задачи. Он меня умолял остаться до утра, убеждая, что уходить в ночь бесполезно. Но я уже в 10 вечера вышел на тракт. Кто-то довёз до Тасеево. Через всё село я прошёл пешком. Но на выезде, уже за селом, услышал сзади рёв лесовоза на подъёме. Я даже не поворачивался и не останавливался, зная, что он сам остановится. Не знаю, как сейчас, а тогда это было само собою разумеющимся, как здравье.

Мужик открыл передо мною дверцу, и я забрался в МАЗ. Не успели проехать и пяти километров, как начался длинный тягун, метров триста. По обе стороны дорожного полотна на обочине кучи песка. Дорога обледенела. Днём солнышко, а ночью морозец. МАЗ перегружен, но всё равно буксует и его тянет в кювет. Я выпрыгиваю и начинаю ногами швырять песок под ведущие колёса. Когда мы вытянули на гребень, я был мокрый от пота, а подошва ботинка оторвалась, едва не потерял. Пришлось привязывать шнурками.

Мужик мне говорит: «Тебя мне Бог послал». А я ему: «И тебя мне – Он же». «Мы, – говорит, – сейчас свернём недалече, там у меня знакомая в деревне. Подкрепимся и погнали». Ночь впереди, я не возражаю. Выпили немного, закусили и погнали.

В кабине печка не работает. Я стал подмерзать. Захотелось по малой нужде. Но я терплю. Любая остановка – это задержка, а путь у меня ещё долгий. Уже 29 марта, а мне до Киева ой как не близко. Но вот странное дело, я почему-то совершенно уверен, что быть такого не может, чтобы я не добрался к сроку. Километров за пятьдесят перед Канском у МАЗа лопаются рессора. Мужик, видимо, чего-то подобного ожидал, ибо уж больно лишнего загрузил. «Ты, – говорит, – не волнуйся, я сейчас тебя отправлю.» Я только выскочил, желая справить нужду, как он останавливает бензовоз и зовёт меня. Я бегом, не успев облегчиться. Тот порожняком газует, и мы въехали в Канск, ещё не было восьми утра. Он остановился за таксистом и говорит: «Мне налево, а этот тебя подбросит в аэропорт». Мне только и оставалось пересесть.

Подъехав к аэропорту, ещё в машине слышу, что объявляют посадку на Красноярск. Я бегом к кассе и прошу билет до Киева. Они мне мигом выписывают, и я вскакиваю в АН-2. Дверь за мной закрылась, и мы уже летим. Я уже не волнуюсь насчёт Киева. Рейсов на Москву полно, а из Внуково до Борисполя чуть ли не двадцать самолётов в день летают. Я волнуюсь о мочевом пузыре, который угрожающе поднимает давление.

В Красноярске моим первым порывом было бежать в туалет, но тут объявили посадку на Москву, и я побежал к кассе отметить свой билет, и тут же меня отправили в

отстойник. Слава Богу, там мы торчали недолго и погрузились в ИЛ-18. Я ждал набора высоты как спасения. Когда отстегнули ремни, то первым в туалете был я. Я никогда ни до, ни после не справлял малую нужду с таким удовольствием. Это было долго. Я рассеял свой продукт (кстати, отличные анализы) над обширнейшей территорией Енисейского левобережья. Я как бы ставил метку как залог того, что ещё вернусь.

Но этим чудеса ещё не кончились. Когда мы, сделав посадку в Уфе, вышли в аэровокзал размяться, я услышал, что рейс на Киев объявляет посадку. Подбежал к кассе со своим билетом и спрашиваю, могу ли я лететь этим рейсом, минувя Москву. «Да, если вам вернут ваш багаж.» Я рванул к своему самолёту и кричу грузчикам, «Мужички, вон тот рюкзачок бросьте мне». Они бросили, и я спокойно пошёл на посадку уже на рейс, приземляющийся в Борисполе. Часа три лёта, и я дома.

Если кто-то полагает, что это не чудо, то тем хуже для него. А я уже тогда заподозрил, что тут не всё чисто. И выразился метафорично так: «Господь надо мною держал свою длань». Конечно, большая разница услышать о чуде и пережить чудо. Огромная, должен сказать.

Подобное чудо повторилось в конце августа 1990 года. Я был в Чемале в гостях у тётки, когда позвонили из Маймы соседи и сообщили о телеграмме: «Умер отец». Было часов около 17, кажется, воскресенье. Я сел в «Запорожец» и поехал. Хорошо знаю, какая сейчас должна быть ситуация в аэропорту Барнаула, сколько там будет таких, как я, с телеграммами, и, чтобы добыть билет, придётся преодолеть мои чистоплюйские привычки и толкаться в очереди. Начинаю себя к этому готовить морально.

У турбазы «Катунь» голосуют два молодых парня. Подбираю. Они: «Мы успеваем на автобус до Барнаула?». Я: «Нет. Автобус сейчас отходит из Горно-Алтайска, а нам туда ещё 120 км ехать». Они о чём-то совещаются. Я: «А вы откуда?». – «Из Киева. Нам на самолёт завтра в девять утра». Я реагирую мгновенно: «Ребята, у вас два варианта. Первый – выходите в Майме и ловите такси до Барнаула. Второй – приезжаем ко мне домой, я приму душ, прихватим моего приятеля и едем в Барнаул. Это всё бесплатно. Но один из вас уступает мне свой билет до Киева. У меня отец умер и я должен успеть попрощаться». Они приняли второй вариант. Я пробился к диспетчеру и объяснил ему ситуацию. Билет переписали на меня, а парня обещали отправить на следующий день. Как я и ожидал, в толпе перед кассой было человек пять с такими же телеграммами, как у меня. Это тоже не чудо?

Теперь легче понять, что я подумал в 1997 году, когда наконец добрался до своего дома, а Петров уже передумал покупать его. Я подумал, что Верхние Силы явно против того, чтобы я продавал дом. Но я ещё тогда и не догадывался, сколь точна моя шутовская формулировка. Мне ещё предстояло пережить четыре труднейших года в моей жизни, когда, за что бы я ни брался, ничего не складывалось. Все проекты рассыпались в пух и прах. Я влез в долги, по которым де-факто объявил дефолт, хотя знаю и верю, что ещё рассчитаюсь со всеми. Суммы не такие, чтобы меня застрелить, но всё же. Мне важен принцип. Я всегда пользовался кредитом. Ещё тогда, когда многие совсем не понимали, что такое 20% годовых. Я брал на пропитание и на писание, когда не писать было трудно, а писать и работать ещё где-то – просто невыносимо. А потом расплачивался шабашным заработком. Я был стопроцентным заёмщиком и ценил доверие кредиторов. И тут вдруг крушение репутации. Но главное в том, что полная неизвестность и мрачное ощущение, что есть тёмная сила, которую не прошибить. И она избрала меня для своих опытов.

Я не впал в депрессию и даже в шутку не думал о суициде. Хотя некоторым со стороны такое могло показаться. Но ведь они судят по себе и меня плохо знают. Я просто задумался глубже, чем обычно, и сосредоточился. Взял в руки «И цзин» и стал исследовать китайскую мантическую науку. Юлиан Щуцкий слишком серьёзный учёный, чтобы ему не доверять. Кое-какие позитивные для себя заключения я вынес из того первого знакомства с китайской премудростью.

Возник вдруг просвет в череде беспросветных попыток. Я почти два года поработал в одном институте, занимаясь маркетингом и рекламой. Опыт у меня был неплохой, обретенный в двух коммерческих банках, где я создавал с нуля отделы ценных бумаг в 1991 – 1993 годах. Вполне успешно шли дела, что отметил и ректор, но меня попросили уйти по иным мотивам. Ректор решил сэкономить, когда я наладил ему дело. Теперь, как по трафарету, всё катилось само и молодая девушка, моя помощница, могла управиться и без меня. Меня очень вежливо предупредили за месяц, чтобы я искал новую работу. Но я уже понимал, что искать бессмысленно. Надо возвращаться на Алтай, довести дом до продажной кондиции (три года он пустует) и продавать, иначе и коня потеряешь, и голову сложишь⁶.

Глава 5. Армия

С армией мне очень повезло. Во-первых, я уже был 27-летним выпускником вечернего университета и знал цену себе и цену своему времени. Во-вторых, я – сын кадрового офицера, и при всём природном скепсисе службу в армии принимал как долг и святую обязанность каждого мужчины. После шести лет работы, учёбы и шабашных «отпусков» я резонно полагал, что в армии отдохну и соберусь с мыслями на будущее. Именно так и получилось. В это трудно поверить, но моя армейская служба на фоне всех предыдущих, да и последующих лет гражданской жизни была курортом, оставившим самые лучшие воспоминания.

В армии я встретил Эльдара Эфендиева, с которым провёл едва ли не лучшие полгода своей жизни. Он закончил Львовский художественный институт прикладных искусств и уже полгода как оформлял музей боевой славы 1-й гвардейской Сталинградской многожды орденоносной дивизии истребителей-бомбардировщиков (штурмовиков в годы войны), квартировавшей в городе Лида. Я стал ему помогать. Он делал бюсты дважды Героев Советского Союза (их было семеро) по фотографиям. Среди них Беда и Недбайло. Первый командовал в наше время воздушной армией, был членом Верховного Совета Белорусской ССР и, как я позже узнал, погиб так же, как и Машеров, в «организованном» (подстроенном) дорожно-транспортном происшествии. Второй был начальником лётного училища в Киеве и его портрет по праздникам в ряду прочих украшал Крещатик. Уж не помню, кто получил вторую Звезду за то, что сделал посадку и из-под носа у фрицев забрал товарища, вынужденно приземлившегося за линией фронта в горящем самолёте.

Я научился делать формы под гипсовую заливку, что позже весьма пригодилось на Сахалине и в Горном Алтае. Эльдар – замечательно даровитый художник и золотой души человек. Навестив его в Мукачево в 2004 году, я мог убедиться в том, что время только оттачивает его мастерство, а золото его души становится червонным. А Героев Советского Союза в моей дивизии за её историю было 70. Я служил планшетистом на командном пункте. Полёты из-за СМУ (сложных метеорологических условий) были не частыми, а в промежутках я пользовался богатой офицерской библиотекой. Там были Альбер Камю, Жан-Поль Сартр и много других авторов, достойных внимания.

За шесть лет работы на биофаке и вечерней учёбы времени для внепрограммного чтения было немного. За год в армии я этот пробел постарался по возможности заполнить. В увольнение сходил один раз просто из любопытства. В расположении части мне было куда как комфортнее.

⁶ А третий путь – «налево» – автора никогда не устраивал. – *Прим. научного редактора, шастающего и налево, и направо.*

Забавный эпизод произошёл в конце службы на двухмесячных офицерских курсах в городке Постава, где квартировал другой полк нашей дивизии. На нём стоит задержаться. Атмосфера на курсах мне сразу не понравилась разгильдяйством и пьянством личного состава, педагогов и курсантов. Своё мнение я не скрывал и пару раз на общем построении на дежурное «Вопросы есть?» майора, начальника курсов, задавал свои вопросы. После этого, когда майор стал регулярно употреблять выражение «Тут у нас есть некоторые очень умные...», я понимал, что это в мой адрес.

За неделю до завершения учёбы, состоявшейся главным образом в том, что мы с лопатами в руках трудились на строительстве автодрома, а курс лекций по учебнику сержанта нам читал, запинаясь, капитан, обычно с похмельным выхлопом, но строго требовавший, чтобы крючки на наших воротничках были застёгнуты. Видимо, он инстинктивно хотел, чтобы нам дышалось так же тяжело, как и ему, чтобы служба мёдом не казалась. Меня и Валеру Курилко вдруг срочно отправляют на машине в лес грузить тонкомер (столбики на забор) под началом прапорщика. Пока мы шли к машине, пьяницы успели собрать деньги на водку и сунуть их нам. Причин отказать им я не видел. Живя в бардаке, приходилось считаться с устоявшимися в нём «порядками».

Когда мы вернулись, то в карманах шинелей на двоих у нас было пять бутылок. Видя, как шустро прапор побежал вперёд, я понял, что будет подстава (городок то назывался Постава). Когда мы поднялись в казарму на второй этаж, нас встретили все офицеры во главе с майором, а курсанты сгрудились, как зрители перед сценой. По лицам офицеров я видел, с каким нетерпением они алкают вылакать выпивку на халяву, а заодно «макнуть очень умного». Однако Йозеф Швейк был одним из моих любимых литературных персонажей, и не только литературных. Я всегда отвечал либо «Так точно!», либо «Никак нет!». И на неосторожные слова майора «Так что будем делать? Может, выльем в унитаз?» я, игнорируя массовую молчаливую подсказку «зрителей», которые очень выразительно сигнализировали, что мне пора удалиться со сцены, оставив питье в подарок офицерам-басурманам, схватил пять бутылок и чётким, почти строевым шагом отправился в туалет. Майор наблюдал за мной с явным беспокойством. Он, очевидно, просто не поверил, что нормальный курсант способен вылить два с половиной литра «огненной воды» в унитаз. Но я это исполнил в два счёта, держа по бутылке в каждой руке. Передать выражение их физиономий я не в состоянии, как и собственное удовольствие.

Вечером на построении мне объявили трое суток гауптвахты. Событие это было экстраординарным по совокупности ряда причин. В южном городке, у летунов, гауптвахты вообще не было, и старожилы не могли вспомнить случая, чтобы кого-нибудь так наказывали. Меня конвоировали в северный городок, к ракетчикам. Голубые и чёрные погоны (авиация и ПВО) не очень-то дружили. Но в данном случае договорились.

Прапорщик Рубашка, начальник гауптвахты, рыжий с белыми ресницами, слыл за садюгу. Он исполнял свои обязанности со сладострастным рвением и не скрывал своих наклонностей. К тому же имел право самолично добавлять арестанту срок до 10 суток. Первый день я маршировал строевым шагом во дворе 10 часов, а он подглядывал в щель забора и иногда командовал: «Ногу выше! Тяни носок!». Портянка сразу сбилась (вторую отобрали, ибо не положено по уставу), и к вечеру каждую мою ступню покрывал сплошной волдырь. Я не подозревал, что такое возможно. Но из роли я не вышел. И когда прапор с явным сожалением освобождал меня по истечении трёх суток, я тоже постарался выразить сожаление и всячески выражал удовольствие, какое испытал от пребывания в его заведении. К тому же весь третий день я красил штакетный забор, а это занятие в одиночестве не лишено известного удовольствия, особенно когда представляешь, что твой взвод в это время либо роет землю лопатами, либо слушает поцоватого капитана, который по слогам речитативит (то есть завывает) учебник сержанта, пытаюсь изобразить художественное чтение.

Этот эпизод имел нешуточный резонанс. Подполковник Волокитин, начальник строевой части дивизии, отыгрался тем, что не аттестовал меня на офицера, хотя экзамены я сдал на «отлично». А майор Андреев, мой непосредственный начальник, сказал, что дембель мой будет самым последним по очереди. Это при том, что у меня родился сын, которому исполнилось четыре месяца, и дома моё отсутствие ощущалось. Терять мне было нечего, и я обратился к полковнику Батарагину, замкомдива по политчасти, и выложил, как на духу, что я думаю о такой армии. Он выслушал меня и сказал, что на 1-е мая улетает в Москву, а 3-го вернётся и всё решит.

Третьего мая 1974 года майор Андреев, красный как свежесваренный рак, протянул мне обходной лист, а вечером я уже сидел в поезде «Вильнюс – Киев», не дослужив до календарного года 10 дней (призвали меня 13 мая). Думал я о грустном. О том, что такая армия не удержит страну, если, не дай Бог, чего случится. За год я выпустил всего три пули из АКМ, а из личного состава полка допуск к полётам в СМУ имели только комэски и командиры высшего эшелона. Будь моя воля, то я бы те пять пустых бутылок с удовольствием разбил бы о пустые головы моих армейских «препов-давателей». И уж лучше оставаться в солдатском звании рядового, чем с такими офицерами сидеть за одним столом. Мой отец не был трезвенником, но чтобы на службе – такого не бывало. Он мне рассказывал, что при Жукове полковники сдавали физо, подтягивались на перекладине и отжимались от пола. Кремлёвским маразматикам потребовались Афган и Чечня, чтобы армию стали приводить в порядок. А ведь куда проще не допускать бардака, чем из него потом выбираться. Хохол и Дегайло, персонажи «9-й роты», – вот на ком держится нормальная армия. И никакие комитеты солдатских матерей не нужны, если в армии порядок. Армии нужны честные и грамотные офицеры, толковые авторитетные сержанты, полковые священники и сёстры милосердия. Нужен суд офицерской чести, а в особых случаях – шпицрутены. А упразднение гауптвахты – это преступление законодательных недоумков от демократии. Потому как без понятия о чести и совести не может быть армии, как не бывает и державы. Даже приличная зона без понятий невозможна, какие бы при этом ни писались законы и уставы. Жизнь держится на Писании и Предании, на чести и совести. Эти понятия обретаются не просто, а проверяются как раз в армии. Когда я слышу о дедовщине, о неуставных отношениях в армии, то воспринимаю это не иначе как симптомы социальной проказы, для которой необходим спецлепрозорий. Увы, но для здоровья армии нужны перманентные военные действия. Мирное бытие разлагает военных. А имитация, называемая войсковыми учениями, в том виде, как это происходило в моей дивизии, – откровенная профанация и надругательство над собой.

Глава 6. Моя родина – СССР

Для меня лагерная система Союза не была большой тайной. «Холодное лето 53-го» я помню отлично. На киевском центральном пляже вдруг появился контингент загорающих с живописными наколками вождей на груди и прочей тематикой по всему телу. «Ближе к сердцу кололи мы профили, чтоб он слышал, как рвутся сердца.» В том году я пошёл в школу (кстати, мужскую) и впитывал жизнь широко раскрытыми глазами, ушами и всей кожей. В том числе и «мягким местом», по которому отец иной раз не считал зазорным впечатать мне кое-какие непреходящие заповеди, чтобы крепче усваивались.

После пятого класса я попал в лагерь под названием «Артек». Это антипод лагеря «СЛОН» и по географии (юг – север), и по содержанию (детский – взрослый, пряник – кнут). За путёвку, доставшуюся отцу по благу, был уплачен его месячный офицерский оклад. Меня сильно уязвило, когда я узнал, что многим это удовольствие досталось

бесплатно и вовсе не за заслуги в учёбе, а просто так. Это была изрядная ложка дёгтя в той бочке мёда, что мне выкатила судьба. И мало кто из моих счастливых сверстников, стоявших в торжественном строю на линейке к выносу знамени, обратил внимание на само знамя. Я же увидел, что на нём свежим золотом сияли буквы «...имени В.И.Ленина», а на выцветшем фоне полотнища отчётливо читались следы от споротых букв: «...В.М.Молотова».

События в верхах с антипартийной группой, в которую входили ещё Булганин, Маленков и «примкнувший к ним Шепилов», мне не были безразличны. Я это к тому, чтобы меня не причисляли к тем лохам, которым было по барабану, в какой стране они живут и «лишь бы не было войны». Как раз вопросы типа «кто я?», «откуда и куда направляюсь?», «вместе с державой или порознь?» меня начали беспокоить очень рано. Я привык думать всегда, а не только в трудную минуту. Поэтому, когда наступала трудная минута, я уже знал, что следует делать, и делал, когда другие только начинали думать и метаться.

Подозревать меня в идеализации советского прошлого просто смешно, ибо я ещё в 1980 году предсказал крах системы и даже срок наметил: не более чем пятилетку всё продержится. И фактически угадал, ибо всё стало рушиться в 1986 году 26 апреля. Но ещё смешнее выглядит глупость тех, кто дружным лаем стал охаивать родную страну обитания, усматривая идеалы жизни на Западе.

Я не ханжа и вовсе не святоша. Я люблю и вкусно есть, и сладко спать (не в одиночестве). Но я не настолько тупой, чтобы не понимать, какой ценой достигаются и чем оплачиваются эти маленькие буржуазные радости. А вот мои оппоненты, да простят они мне такую резкость, довольно-таки туповаты, когда начинаешь копать глубже всех этих пошлых рассуждений, рассчитанных на примитивный демократический электорат. Всем очень хочется и рыбку съесть, и совесть не замочить. Хотя ведь изначально ясно, что о совести уже нет и речи, когда всё продаётся и покупается. И прежде всего те самые, с позволения сказать, «свободы», коими нам просто уши заложило, когда заткнули каждому рот куском колбасы без очереди. Иные от такого «счастья» до сих пор не в состоянии очнуться и от сортира далеко не отходят. А наряд из сэконд-хэнда почитают за верх свершившейся мечты.

Но я не собираюсь погрязать в аналитике и бытовухе, приводя доводы «за» и «против». Таких желающих и без меня хватает. Вот только зря они полагают, что таким образом возможно прийти к какому-то определённом выводу, за которым следует сакральное решение. Так возможно только кусать себя за хвост. И разница лишь в том, что у одних сей хвост пушистый, а у иных – голый. «Вам нравятся розы? А я на них ссу...» – писал поэт⁷. И он прав, ибо и розы не без шипов.

Речь вообще не о том, и вопрос, как я полагаю, не в том, что мы выносим приговор истории. Всё обстоит с точностью до наоборот: история выносит приговор нам! И не надо суетиться. Одни лезут в свидетели обвинения, другие норовят проскользнуть в качестве свидетелей защиты. Но Суд-то Божий не нуждается в свидетелях. Все без исключения – подсудимые. Вот из данного факта и будем исходить. Как там у мушкетёров? Один за всех и все за одного! Это единственно приемлемая и единственно обнадеживающая стратегия и тактика поведения для населения России в данной нам теперь ситуации.

И поясню я это на простом примере. Все мы родились от инцеста на крови папы с мамой. Папу звали СССР, а маму – Российская империя. Родителей уже нет, а мы ещё

⁷ Автор по памяти (то есть неточно) цитирует фрагмент из приписываемого Владимиру Маяковскому шуточного стихотворения: «Ночь. Революция. Лежу на жене. / Одеяло прилипло к жопе. / Штампуйте детей советской стране / назло буржуазной Европе. / Вы любите розы? А я на них ссу! / Советской стране нужны трубы /и паровозы марки СУ! / Вот так-то, хуй тебе в зубы!». – *Прим. научного редактора, в своё время общавшегося с людьми, допущенными в закрома архивов.*

есть. Только идиоты способны задавать детям вопрос: «Ты кого больше любишь – папу или маму?». Но именно таким идиотизмом наполнены все наши общественные дебаты. Это полная клиника с диагнозом «шизофрения». И если мои оппоненты с этим не согласны, то этим несогласием они лишь расписались в собственном диагнозе, который я только что обнародовал. Эта болезнь имеет гендерные особенности и по-разному протекает у женщин и у мужчин. Например, маниакально-депрессивный психоз, как одна из стадий развития болезни, более присущ дамам, тогда как, с позволения сказать, сильный пол чаще склонен к параноидальным симптомам. Но не у всех столь интеллектуальная хворь. Хватает и просто дебилов и имбецилов, которых свобода слова вытолкнула на поверхность, как пробку из воды⁸.

Только избави Бог принять сказанное за прямой выпад в адрес оппонентов. Это всего лишь проявленная вовне сущность происходящего ныне не только в России, но и в глобализируемом мире. Причём симптомы, проявленные за границей, куда как более острые и настораживающие, чем наши собственные.

Я понимаю, что мои аргументы для многих будут вряд ли приемлемы по уже упомянутым гендерным основаниям. Но мой личный многократно проверенный опыт не позволяет кривить душой и изображать на бумаге то, что в реальной жизни невоплотимо. А невоплотим именно тот гуманитарный буржуазный идеал либеральной демократии по той простой причине, что благая идея на практике оборачивается деградацией и гуманоидизацией населения всей планеты, а не только в родимых пределах.

Мы вовсе не схватили Бога за бороду, когда объявили, что личность превыше всего. Напротив, это Бог прихватил нас за причинные места в тот самый момент, когда французы провозгласили свои громкие идеалы свободы, равенства и братства. И Он нас очень показательно за последние два века тёр фейсом об тейбл, чтобы мы образумились и не зарывались в собственных вожделениях. Однако кто Ему внял? Покажите мне их. Я знаю очень немногих, которых по пальцам можно пересчитать. Не буду называть, дабы лишний раз не смущать ещё живых и не ворошить прах мёртвых.

Однако чтобы далее «не размазывать белую кашу по чистому столу», выражаясь смачным языком героя бабелевской прозы, я кратко подведу итог. Моя апология СССР – это нормальная реакция нормального сына, когда срам отца выставляют напоказ и глумятся недоумочные братья и сёстры. Моя апология сродни реакции тех детей Ноя, которые, пятясь задом, вошли в шатёр и прикрыли срам подвыпившего отца своего. После того, как Хам над ним посмеялся. Вот и всё! Надеюсь, понятно, что потомки обхаивают моего и своего отца?! И это не подлежит более обсуждению. Более того, должно быть ясно каждому вменяемому, что отец и мать совершенно паритетны, даже в том случае, когда акт соития был насильственным, а зачатие – невольным. Не дано право детям судить отца и мать, тем более публично. Читайте пророков, если мне не верите. И мне более всего смешно, когда над Шариковым и Швондером смеются шариковы и швондеры.

Мы ничего не выигрываем, когда противопоставляем царскую Россию советской. Мы наследники той и другой. В генах, в языке, в культуре. Нам надо наследство не делить и растаскивать по частным квартирам, а соединять и приумножать. Никто в мире не обладает таким богатым наследством, в том числе и концентрацией исторического опыта.

Каждому следующему поколению предстоит заглянуть за горизонт, ограничивавший кругозор предыдущего, если речь о популяции в целом, исключая отдельных выдающихся мыслителей и провидцев. Поэтому я начну с краткой характеристики мое-

⁸ Я бы в этом эпизоде сказал, что «на поверхности плавает то, что не тонет», и выталкивать его не надо – оно само всплывает. – *Прим. научного редактора, ассенизатора-золотаря «научных» текстов с 1982 года, ушедшего на эту «тренерскую» работу по причине сознательного отказа подобные тексты создавать.*

го поколения семидесятников, о котором ещё не звучало добрых слов в общественно-политических дебатах на постсоветском пространстве. Перед моим поколением открывался широчайший горизонт.

Все знают шестидесятников, но на них история ещё не завершилась. Попытки же понять, что произошло с Советским Союзом в конце восьмидесятых – начале девяностых, оставляющие за скобками анализа тех, кто, будучи в расцвете сил, составлял главный стержень трудоспособного и мыслящего населения страны, остаются неполными и недостаточными.

Уже поколение восьмидесятых хотя по инерции и ухватило изрядный пласт от того пирога, что достался нам, но, скажем прямо, подверглось серьёзной интоксикации разъедающего скепсиса и разочарования. Они не успели окрепнуть и сложиться духовно так прочно, чтобы держать удар Чернобыля и последующих катастроф, чередой прокатившихся по стране, чьё название исчезло с политической карты мира.

Пусть не обижается на меня молодой читатель за нарочитую резкость, но у меня порой складывается впечатление, что нынешние ребята, которым под 40 лет, на фоне моих сверстников выглядят в интеллектуальном отношении едва ли не дебилами. Сужу по тому, чем они интересуются и что их занимает.

Нас с раннего детства как бы водрузила судьба на гребень волны побед, которым, казалось, не будет конца. Отцы дошли до Берлина. Запустили в космос первый в мире спутник. Юрий Гагарин был почти наш сверстник, совсем не намного старше нас. Сознание космических горизонтов проникало в каждого, кто задавал себе вопрос «делать бы жизнь с кого?». Сама атмосфера располагала нас к учёбе, к познанию. Журналы «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Техника молодёжи» – это то, что читали едва ли не в каждой семье. Подписка на них была проблемой, но если повезло, то мы из почтового ящика каждый месяц доставали пищу для мозгов и души.

А какая литература печаталась в журналах «Новый мир», «Москва», «Нева», «Октябрь», «Иностранная литература»! Нормальный старшеклассник без такого чтения был просто неинтересен нормальным старшеклассникам. А какие конкурсы приходилось выдерживать абитуриентам вузов в середине шестидесятых!

Моё поколение, как, впрочем, и каждое, имеет свои достоинства и недостатки. Я не берусь судить о нём с пресловутой «объективностью». Во-первых, потому, что такая есть чистая фикция, которой любит тешить себя наукообразное мышление, не потрудившееся отразить понятие «субъект-объектные отношения» достаточно глубоко. Поэтому как следствие, и это во-вторых, все привыкли к тому, что мнения и оценки бывают либо субъективными, либо объективными, и только. На самом деле последняя оценка того или иного явления, производимая чувствующим, мыслящим, волящим и действующим субъектом, должна быть субъект-объектного свойства, то есть учитывать неразрывность связи между субъектом, оценивающим предмет, и собственно предметом.

Я принадлежу к своему поколению, своей семье, своей стране, к текущему историческому моменту и, естественно, когда пытаюсь судить о чём-либо из перечисленного, то делаю это изнутри как сопричастный объекту моего суждения. Но делается это не моим первичным нерасчленённым рассудочным «Я», которое не ведаёт, как это бывает у животного, об alter ego, а именно в согласии и спорах моих двух «Я», первого – рассудочного и второго – разумного, постоянно рефлектирующего. Регулятором этих взаимных отражений должна быть совесть, а это понятие сугубо метафизическое, хотя ощущения, которые вызываются этой метафизикой, очень даже конкретные и физиологические у каждого нормального представителя рода homo sapiens.

Не вдаваясь в детали взаимодействия, точнее сказать, информационного управления, которому подлежат все без исключения живые организмы, в том числе и люди, здесь я хочу лишь подчеркнуть, что именно совесть является единственным критерием истинной оценки чего бы то ни было. Но если я рискую свою совесть делать мерилом

суждений и оценок окружающего мира, то при этом ясно отдаю себе отчёт (а для читателя специально это подчёркиваю) в том, что свою мерку я всеми силами старался беречь с очень ранних лет, ради чего легко отказывался от многих соблазнов карьеры и прочих житейских благ, ибо моя совесть всегда была в употреблении⁹. Я этой меркой старался владеть так, чтобы не повредить её. И я отлично понимаю, сколь велика разница между рядовым в окопе и маршалом в ставке главнокомандующего, чтобы прикладывать к ним один и тот же аршин. Поэтому я склонен судить (то есть рассуждать, чтобы понимать) не столько людей, о которых в Писании говорится, что они не ведают, что творят, сколько сам процесс развития той действительности, в которую мы все погружены Волею Господа Бога.

Стало быть, я склонен скорее прояснять методологию верного понимания движения мира и человеков в нём, то есть бытия, как это называют философы. Ибо без верных понятий о бытии все суждения о более конкретных вещах будут ошибочны, ложны и даже противоположны истине. Об этом приходится говорить в самом начале, чтобы у читателя было меньше недоразумений потом. К сожалению, вопросам методологии мышления, в том числе и научного, с некоторых пор перестали заниматься серьёзно. И это случилось как раз в семидесятые годы так называемого «застоя» в СССР. В данном случае не важно, почему. Это предмет отдельного и специального разговора. Важны следствия из этого обстоятельства. Одним из наиболее ярких следствий явилось катастрофическое оглушение населения огромной страны. Речь не о рядовых трудящихся, а в первую очередь и главным образом о просвещённых и образованных, о тех, кто функционировал в качестве самоотчётных звеньев системы государства и общества. Государство и общество как больные организмы стали разлагаться, продуцируя трупный яд плюрализма маразматических идей, суждений, мнений о бытии и человеках, каковые признать адекватными могла лишь нездоровая психика с очевидно ущербным соображением и деформированной чувственной сферой. Этому предшествовал кризис идеологии КПСС, известной под именем марксизма-ленинизма. В 1970 году было с помпой отмечено 100-летие со дня рождения В.Ленина, отчётливо проявившее, что мумия в Мавзолее «пережила» те идеи, которыми прославился «вождь мирового пролетариата» при жизни и которые были столь непомерно раздуты после его смерти¹⁰.

И вот в такой обстановке пришлось моему поколению формироваться в качестве личностей, осознавать себя, свою страну и мир в целом, вырабатывать собственное мировоззрение. Когда фундаментальные ценности, на которые опирались родители, вынесенные на своих плечах тяготы становления государства и невиданной никогда прежде мировой войны, на каждом шагу ставились под сомнение обстоятельствами самой жизни, то неизбежно приходилось ощущать дефицит самоуважения. В пору нравственного и гражданского созревания этот дефицит ощущался крайне болезненно. Тут было не на кого опереться. Радикализм диссидентов-шестидесятников возбуждал мысль и сочувствие, но не убеждал сознание. За отрицанием ими советской действительности едва ли просвечивало жизнестойкое утверждение «новых» основ, в которых легко угадывалось знакомое и ветхое, почему-то не выдержавшее напора беспредельщиков в 1917 году.

Многие из нас поступили просто, объявив идеологический дефолт и всей душой отдавшись Западу, хотя далеко не все переместили туда свои бранные тела. Иные, отводя душу под песни Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, записи Михаила Жва-

⁹ Автор зачастую неосознанно бывает двусмысленным, ибо если его совесть «была в употреблении», то это означает, что его совесть «имели». *Sapienti sat.* – Прим. научного редактора, при редактировании бессовестного. – Двусмыслен не автор, а сам язык, которым он пользуется. – Прим. автора.

¹⁰ Хотя как самостоятельный персонаж Ильич вошёл в анналы фольклора сразу после своей смерти. Типичный пример: «Лучше бы ты жил, а дело твоё умерло!». – Прим. научного редактора, заядлого коллекционера анекдотов.

нецкого в исполнении как его собственном, так и Романа Карцева и Виктора Ильченко¹¹, брали на грудь изрядную дозу алкоголя и радовались жизни, её непреходящим ценностям сытого живота и плотских утех. Технари вкалывали на заводах и в НИИ, матеря систему на все лады за то, что любую свежую идею и проблеск изобретательской мысли она способна погасить и угробить ещё в зародыше. Гуманитарии оказались в совсем тяжком растерянном положении, отнюдь не способствовавшем оптимизму. Партийные функционеры по инерции ещё напрягались к той или иной дате, но тут же расслаблялись, как только дата миновала. Кто чем мог, не считал зазорным поживиться, как «голубой воришка» Альхен из «Двенадцати стульев». И все пили и трепались, понося почём зря КПСС, страну обитания и советскую власть за столом на кухне, в курилках и всюду, где собирались трое и больше и можно было поделиться наболевшим. Такой подлинной свободой слова, какой пользовались в ту пору, не было ни до, ни после семидесятых. Она не была публичной. И слава Богу. Но все без исключения были втянуты в этот интимный процесс критического переосмысления действительности. Ибо верно заметила Анна Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Это столь же справедливо не только для поэзии, но и для любой подлинно творческой мысли. Нельзя этот интимный процесс рождения превращать в публичное шоу. Ведь это по сути то же самое, как установить телекамеру в роддоме, сфокусировав объектив в то причинное место, откуда появляется на свет Божий ребёнок. Зрелище сугубо приватное и не подлежит демонстрации в эфире. Публичная идеология, если продолжить уподобление мысли ребёнку, то и дело производит на свет недоносков и выкидышей, употребляемых под ту или иную политическую конъюнктуру.

Мне довелось первый и последний раз посетить за границу в 1968 году и поучаствовать в вольных студенческих дебатах не на трибуне перед залом, а в общежитии ночь напролёт. Это было в мае месяце в Братиславе. В силу обстоятельств я защищал советскую систему от нападок буржуазно мыслящих чехов и словаков, которым Дубчек развязал языки. Народу в комнате набилось много, причём местных гораздо больше, чем нас, киевских. Особого труда я не испытал, чтобы спокойно развеять и вразумительно отбить все обвинения в адрес СССР. Но это было лишь потому, что внешние буржуазные нападки в наш адрес не шли ни в какое сравнение с той критикой системы, на какую имели право мы сами, живущие внутри страны советов. Причём эта, лично моя, критика основывалась не на буржуазном мировоззрении, довольно поверхностном, банальном и плоском, а как раз на марксистских основаниях, что в корне подрывало так называемый марксизм-ленинизм, официальную идеологию КПСС. Правда, эти основания я сам осознал только лет через десять, к тридцати годам. И всё это время наивно полагал и надеялся, что в среде диссидентов-шестидесятников наверное сложилось и присутствует системное мировоззрение, которое позволит увидеть перспективы трансформации родного государства и советского общества в более жизнестойкое образование, в здоровый социально зрелый организм.

Увы, мои надежды развеялись как дым, когда шестидесятники вышли на политическую арену в конце восьмидесятых. Они с усердием и сладострастием взялись за разрушительное дело, не имея никакого понятия о том, как и что созидать дальше. Ибо дальше своего носа никто даже не пытался заглянуть. А свой нос оказался в пушку, как клюв желторотых птенцов с куриными мозгами, клюющих зёрнышки из чужих рук. Ничего лучшего, чем пресловутая западная демократия, эти отважные борцы с тоталитаризмом увидеть не удосужились.

¹¹ А были ещё Александр Галич, братья Стругацкие, Ильф и Петров, Гашек, Ильенков, Мамардашвили... Много их было, нас воспитавших... – *Прим. научного редактора, выросшего в подпольно-кухонной атмосфере.*

Никто так ярко не проявил совершенное непонимание процессов общественного развития, как диссиденты-шестидесятники. Хотя, казалось бы, времени в зоне у них было достаточно, чтобы читать классиков, кои вовсе не запрещались, и умнеть. Прежде чем протестовать сегодня «против», надо бы разумать, каким будет завтрашнее «за». При всём уважении к «безумству храбрых» петь им хвалебные песни не хочется. Свою роль они, безусловно, сыграли и достойны хоть и не бурных, но аплодисментов. Однако покидать сцену надо вовремя, что удалось далеко не всем. Но именно те, кто чуть подзадержался на публике, как раз и проявили полную несостоятельность позитивной программы шестидесятников. Такой вообще не присутствовало в их среде, а «процесс», как известно, «уже пошёл». Никто из них не сподобился повторить опыт самокритичного перерождения личности, какой в своё время пережил на каторге Фёдор Достоевский. Ответ на вопрос «Почему?» может стать темой не одной диссертации. А.И.Солженицын сподобился, но уже в изгнании, углубившись в исторические штудии.

Лишь постепенно и гораздо позже я стал осознавать себя достаточно типичным представителем своего поколения. Все показатели, за исключением места рождения, весьма типичны (семья, образование, сознательная беспартийность и т.д.). Причём было нетрудно заметить, что легко и просто у меня завязывались близкие и дружеские отношения со старшими, к тому же значительно более старшими, чем я, а вот с теми, кто моложе, уже ощущался явный барьер, разница в мировосприятии, в исходных ценностных установках. Для рождённых в тридцатые и сороковые годы, а также ещё в пятидесятые, такие понятия, как Родина, СССР, армия, государство, не были пустыми абстракциями. Как не были отец и мать просто родителями, у которых своя жизнь, а у нас – своя. Эти связи стали стремительно деформироваться и разрушаться уже у тех, кто был рождён в шестидесятые. Тонкие душевные, порой болезненные отношения стали подменяться откровенно меркантильными материальными связями вульгарного употребления родителей детьми. Вместе с весьма скромным достатком, появившимся на фоне лихолетья сороковых и пятидесятых, тут же возникали жлобские тенденции делить эти крохи жилплощади и устраивать собственный уют, едва выскочив из коммунального жилья. Последнее (допускаю, что мне повезло) я не могу назвать ни адом, ни раем. Однако достойным человеческим отношениям я научился именно в коммунальной квартире, в родном дворе и на улицах советского города Киева. Колхозное село мне тоже было знакомо не понаслышке. И под Киевом, и на Дону в Воронежской области я стремился помогать родичам, когда меня туда отправляли родители «на отдых». От учёбы я не уставал и отдых понимал по-своему. Такое образование завершалось в советской школе и в советском университете, о чём никогда не надо бы забывать тем, кто впал в маразм постсоветской перестройки и не умеет видеть реальность во всех присущих ей цветах.

Моему поколению досталась завидная доля «последних из могикан» страны советов. Мы пользовались благами советского государства, созданного невероятными усилиями и жертвами наших отцов и дедов. Мы не знали тех лишений и испытаний, какие пришлось преодолеть родителям. А блага были нешуточные и воспринимались нами как само собою разумеющееся. Это прежде всего система детского воспитания, а также школьного и высшего образования. Я допускаю, что далеко не везде дела обстояли так, как в родном Киеве, Москве или Ленинграде, однако вузы этих городов наполнялись студентами со всей страны и их уровень подготовки не очень уступал столичным абитуриентам.

Нам повезло ещё и в том, что преподавали нам учителя в школе и профессора в вузах, которых тоже можно назвать «последними из могикан». Только один пример приведу, чтобы стало ясно, о чём речь. Виктор Петрович Глаголев, доцент кафедры физиологии человека и животных Киевского университета (я предпочитаю именовать по старому – Св.Владимира) вставал из-за своего рабочего стола на кафедре, если к нему подходила студентка-первокурсница с каким-то вопросом, и разговаривал с ней стоя.

Мне, лаборанту кафедры и студенту вечернего отделения, приходилось часто к нему обращаться по работе, и каждый раз я пытался его убедить, что мне неловко, когда он встаёт. Его и мой возраст (он был заметно старше моего отца) как бы предполагают, что я могу постоять, а ему не надо вставать. Он смущался и краснел, но твёрдо стоял на собственных понятиях о том, как должен себя держать преподаватель. Я очень сомневаюсь, что такая порода людей сохранилась в высшей школе. Их и тогда уже были единицы и все они покидали наш мир тихо и незаметно, а мир становился беднее и беднее с каждой такой утратой.

Когда я сегодня слышу досужую болтовню об отсутствии свободы в моей стране в моё время, я понимаю, о чём вещают с чужого голоса эти, обычно молодые, демократы постсоветской волны. Однако они явно не понимают смысла подлинной свободы и ответственности за неё. Я попытаюсь передать аромат свободы семидесятых на простом примере из собственного опыта.

В 1967 году я вступил в УООР, общество охотников и рыболовов. Чтобы охотиться, требовалось ружьё. Простая двустволка тульского завода стоила не больше моей месячной зарплаты, и я собирался за три – четыре месяца скопить деньги и вооружиться. И вдруг сотрудница отдела биофизики Валерия Юльевна, услышав про мои охотничьи страсти, предложила мне бесплатно ружьё, оставшееся от мужа. «Пользуйтесь, пока сын подрастёт.» А сыну было лет десять. Она приносит ружьё на кафедру, я беру и несу его в УООР, где его номер записывают в мой охотбилет. Всё! И я уже в ближайшее воскресенье еду в поле и добываю своего первого зайца. Причём это мы делаем на пару с братом, который тоже стал охотником, одолжив одностволку у Саши Авагыана.

Через два – три года меня избрали председателем первичного коллектива охотников Киевского университета. И в это самое время милиция ввела новый порядок регистрации оружия с выдачей отдельных удостоверений на каждую пару стволов или ствол, если это автоматическое ружьё. Мне всё это пришлось оформлять за весь коллектив, что особой проблемы не составило. Более того, я был счастлив доставить удовольствие Виктору Петровичу Глаголеву, восстановив его членский охотбилет сороковых годов и вернув его к любимой, но запущенной в силу житейской суеты охотничьей страсти. Мы неоднократно выезжали на охоту и я видел, как был счастлив Виктор Петрович. Одна поездка была с приключением, ради которого я и затронул эту мемуарную тему. Ибо весьма показательна касательно свобод и режима тех лет.

Мой приятель и сотрудник Шура Босак имел лодку с мотором, которой всё никак не удавалось воспользоваться. Однажды всё сложилось. Он, мы с братом и Виктор Петрович решили поохотиться на уток на Киевском море. Однако выбрались поздновато. Отчалив в Лютеже, решили плыть вверх сколько хватит терпения, а там видно будет. Я ещё взял с собой на первое испытание лайку. Её я выкупил за бутылку спирта у директора вивария, когда узнал, что пса готовят к операции по вживлению электродов в мозг. Чако, так я назвал своё обретение, прижился в моей пустой квартире и спал обычно под раскладушкой, а в моё отсутствие, разумеется, возлежал на моём месте на раскладушке. Борьба с этим было бессмысленно, ибо так ему велел великий инстинкт. Пришлось свои инстинкты приглушить и чаще чистить одеяло от шерсти.

Лодка оказалась не столь грузоподъёмна, чтобы чувствовать себя уверенно. Борты торчали над водой не более чем на 20 см. А мотор тоже пыхтел и кашлял. Но мы шли даже против течения. Довольно быстро вечерело, и с наступлением ночи Киевское море разволновалось. Ветер боковой, волна нет-нет да и захлёстывала через борт. Редкие огоньки на берегу и кромешная тьма вокруг.

Приняли решение причалить к берегу и ночевать, где придётся. Впереди была аккуратная цепочка огней, и мы решили там и причалить. Когда добрались до подходящего песчаного берега, то какой-то жлоб с мостков грубовато пытался нас отвадить, на что я ему ответил в том же духе, порекомендовав ему не подходить с его вежливостью к нам ближе, чем на выстрел.

Не успели мы выгрузить свои мешки, ружья и палатку, как двое ребят в спортивных костюмах очень вежливо здороваются и просят нас отчалить. Просьба мотивируется тем, что мы оказались на территории дачи В.Щербицкого, первого секретаря ЦК КПУ, в районе устья реки Тетерев. И сам хозяин вот-вот должен появиться, уже подъезжает.

Я им объясняю, что шторм, а ветер и волна не утихали, сделает нашу попытку пересечь море поперёк весьма рискованной. Что они могут доложить хозяину, что мы рано утром снимемся и он нас не увидит, а ружья они могут взять себе до утра, чтобы никто не волновался. Однако эти ребята стали нас чуть ли не слёзно умолять, чтобы мы покинули территорию дачи. Я распахивался, ибо, прожив по соседству с Щербицким пятнадцать лет, знал, что хозяин тут ни при чём, а вот слуги... Мне лично было наплевать на слуг, но Виктор Петрович очень болезненно переживал эту ситуацию и стал меня увещевать подчиниться такой вежливой и настойчивой просьбе. Хотя я более всего переживал как раз за него. Мы-то молодые и здоровые, а ему уже столько, сколько мне сейчас. Если лодка подведёт, то без спасательных средств утонуть не проблема.

В итоге Господь нам благоволил. Мы в кромешной тьме, держа руль против волны, пересекли море к левому берегу и уткнулись, как назавтра выяснилось, в остров. Наощупь поставили палатку и легко и прочно уснули. Проснулся я от счастливых возгласов Виктора Петровича. Оказалось, что грибная страсть его сильнее охотничьей. А мы поставили свой шатёр на поляне, где белые грибы, как говорится, хоть косой коси. Охота, в общем, удалась.

Однако случись нечто подобное сегодня, то не надо дачи первого лица в государстве. Вас скорее всего просто расстреляют у любой запретной зоны частных владений, которыми как грибами после дождя покрылись берега Днепра и Киевского моря. Никто не будет выслушивать никаких ваших аргументов. Если я и сгущаю, то самую малость. Так что о свободах желторотым и усатым юнцам со мной лучше серьёзных разговоров не заводить.

Меня просто умиляют «свободолюбивые земляки» в Украине, когда периодически возникает дискутируемая в прессе проблема о том, чтобы позволить желающим иметь оружие для самозащиты. Социологические опросы говорят о том, что подавляющая часть населения не желает ни иметь оружие, ни пользоваться им. Они желают, чтобы их защищали державные дяди. Хотеть не вредно. Но державным дядям дай Бог себя защитить да бабу Параску как «символ оранжевой революции». Этим, собственно, очень точно измеряется тот уровень ответственности, какой население готово на себя принять.

Я, ещё будучи в седьмом классе, занимаясь пулевой стрельбой, получал от тренера ЗИП с пистолетом «Марголин» и патронами и ехал на соревнования в другой тир один на троллейбусе без сопровождающих, считая это нормальным и в порядке вещей. И это естественно для каждого человека, если он действительно человек, а не гуманоид. И в этом-то и весь вопрос. Мы не умеем различать и ставить предупреждающий диагноз. Но главное – не хотим уметь этого делать.

Психиатр-криминалист Михаил Виноградов («Известия в Украине» от 05.06.2007 г.) сообщает: «За год в России пропадают без вести от 80 до 100 тысяч человек, из них 16 тысяч детей. Большая часть этих исчезновений – убийства маньяков». На вопрос, можно ли вычислить маньяка до того, как он убьёт, он отвечает: «Можно... В своё время я давал такие заключения, но правозащитники сказали, что это нарушение прав личности».

Вот мы и упёрлись в очередную расхожую фикцию: личность! Не надо быть уж очень подготовленным в гуманитарной тематике, чтобы, хорошенько поразмыслив, признать, что понятие «личность», которое юридически автоматически приписывается каждому индивиду и тем самым наделяет его правами, в содержательном философском и психологическом смысле по существу есть чистая абстракция, теоретический конст-

рукт, идеологический продукт и спекуляция. Большой вопрос и далеко ещё не факт, является ли данный имярек личностью, а если да, то как часто? Когда спим, то все мы – личности. А когда просыпаемся, то картина меняется.

Конечно, я утрирую, но не так, чтобы очень. Проблема личности в её целостности, в единстве теоретического и эмпирического уровней понятий, а тем более в конкретно-политической поведенческой практике – это зияющая дыра всей гуманитарной идеологии атеизма и науки. Почти всё, что написано по этому поводу в указанном научно-атеистическом ракурсе, – это чистый блеф и макулатура. Кроме разве что криминалистики. Чтобы заполнить эту брешь действительным содержанием, научной психологии придётся принять православное крещение. А православие, в свою очередь, тоже не повредило бы безграничное терпение и терпимость к недочеловекам как-то всё же ограничить. Господь возложил на Церковь тяжкую миссию окормления всех тварей, но вряд ли труднейшую из задач отделения овец от козлиц Он оставил только для Себя, не нагружая этим пастырей. Если Христос грозился прийти с мечом, то не значит ли это, что христианам тоже следует не терять навыков владения этим предметом? На Бога надейся, но сам не плошай. Разве сия мудрость народная не тянет на евангельскую проповедь?

Когда священника с семьёй отморозки сжигают в его доме, иного убивают прямо в храме, когда волна насилия над детьми катится во всю ширь российских просторов, когда в православной Грузии вспышка тяжких преступлений в разы превышает уровень ещё недавних лет, а в православной Украине вообще всё держится каким-то чудом на волоске, то пора наконец поднять очи горе и обнаружить, что происходит нечто, что не укладывается в привычные рамки рационального рассудка. Пора обществу, решительно отвергнувшему церковь и очень робко и нерешительно идущему на попятную, сообразить, что время не в его пользу. Промедление в восстановлении духовности подобно смерти. Время дебатов кончилось. Кто этого не понял, будет догонять задним числом, если успеет. А чисто светская духовность без Бога – это блеф и седьмая вода на киселе.

Глава 7. Люди и встречи

Забыл упомянуть добрых людей из шабашного цикла. Это в первую очередь Витя Дуборез, Слава Михеев и Вася (Ли Ен Бок), сахалинские мои обретения. И Серёжа Тархов, кинооператор и художник жизни. А ещё Николай Борзенко, замечательный скульптор из Ростова-на-Дону. С их участием я из плотника-бетонщика превратился в дизайнера-оформителя. И тоже мне не стыдно за два кабака, оформленных в Холмске, и за два интерьера в Горно-Алтайске. Прораб Холмского общепита Юра Шалаев не даст соврать, как и директор Горно-Алтайского кооперативного техникума, где столовая с моим оформлением стояла лет пятнадцать в том же первозданном виде, как вышла из-под моих рук. Спасибо помощникам – Сергею Поклонову, Жене Сибирякову (уже покойному). За всех я Господа благодарю. И за то благодарю, что Он меня сподобил подать в суд на рыбколхоз-миллионер в городе Невельске, прораб которого решил «проехаться» за счёт шабашной бригады и не заплатить положенное. Суд я выиграл и моральное удовлетворение получил. А материальный ущерб, увы, пришлось компенсировать далеко не богоугодным способом. В Холмском общепите были деньги на оформительские работы (бара и ресторана), но не было лесоматериалов. А Невельский рыбколхоз нас уже прокинул, и мы оказались не у дел в разгар сезона. И нам не заплатили оговоренного за два фундамента под дома. Я решил, что будет справедливо машину обрезного пиломатериала переместить из Невельска в Холмск и этим решить проблему. Вася пригнал «Урал», мы погрузили необходимое и подарили украденное общепиту, употребив всё в работу. И никаких угрызений совести я не испытываю. Мы превратили

один зал ресторана «Холмск», напоминавший конюшню, в приличный банкетный зал, открывшийся с приездом Юрия Александровича Сенкевича, который был первым гостем. (Это было через неделю после памятного корейского «Боинга», сбитого и упавшего в Татарский пролив рядом с островом Манерон, видимым из Невельска.) После удачной премьеры в оформлении мы с Витей Дуборезом за полгода стеклянный павильон-гадюшник, где от запаха можно было окочуриться (это был, наверное, первый советский притон для наркоманов – пить не надо, надо нюхать), из террариума превратили в шикарный бар, куда впускали по платным билетам. А прораб Юра Шалаев (попанибратски – Шалопаев) с чистой совестью выписал мне новую трудовую книжку, где в графе «профессия» вывел твёрдой рукой: «художник-монументалист». Это потешило моё самолюбие и развеселило.

Много лет спустя в Кош-Агаче (Горный Алтай) я встретил солдатика, только вернувшегося со службы. Служил он на Кушанире. Добирался через Холмск. И я не преминул спросить, видел ли он там бар с витражами. «Ух, какой классный! Я там был», – последовал ответ. – «А я его сделал». – Он глянул с большим недоверием. Пришлось ему детально описать то помещение, в котором он провёл один вечер. Он после этого очень хотел меня угостить и приглашал в гости. Но меня ждал Толя Давиденко, биохимик из КГУ, с которым я начинал Горно-Алтайский шабашный сезон, затянувшийся на годы. Мы с ним предпочитали вместо пьянок проводить вечера за шахматами.

Грешно было не сказать тут добрых слов в адрес Алексея Кучегашева, талантливого сына алтайского народа, с которым было всегда интересно общаться на высокие философские и поэтические темы. Юрий Васильевич Табакаев, ректор Горно-Алтайского педагогического университета, благоволил моим попыткам вписаться в ряды преподавателей, за что я ему благодарен. Я не вписался лишь потому, что к 1989 году ещё не созрел учительствовать. Если Гегеля биографы признали «осенней натурой», заявившей о себе значительно позже однокашника Шеллинга, то я скорее «зимняя натура», как антоновское яблоко, жду первых заморозков для созревания.

Александр Васильевич Комаров и Саша Королёв тоже оставили в душе моей приятные воспоминания. Спасибо им. Особенно плодотворным было сотрудничество с юристом Комаровым, честнейшим и непреклоннейшим человеком. Его советами и мнением я дорожу по сей день.

Павел Богомоллов и Галя Махринская, киевские скульпторы, прочно осевшие в Горном Алтае, держали двери своего дома для меня открытыми в любое время суток. Без них мне было бы порой грустно. Местный менталитет далеко не всегда воспринимал меня адекватно, да и я не всё в нём разумел. Когда уважаемый искусствовед, посвятивший свои труды Чоросу Гуркину, безусловно талантливому художнику, хвастливо рассказывал, сколько они «принимали на грудь» с Василием Макаровичем Шукшиным, когда встречались в Москве, то мне это было не интересно. Не впечатляли меня и пылкие проповедники исторического величия алтайских племён, как не впечатляют меня новоукраинские проповедники национальных достоинств, в упор не желающие замечать и знать национальные пороки.

Андрей и Зина Потагашевы, жители деревни Урлу-Аспак, покойный Ваня Акпашев, Николай Бодров – первые радушные хозяева, принимавшие меня как дорогого гостя. Их заботами меня поднимали в тайгу на гусеничном тракторе, снабжали провиантом, селили в таёжной избушке, а затем принимали мой урожай – полтонны литого чистого кедрового ореха, собранного за две недели (шишка) и переработанного за месяц в товарный вид. Я получил 700 рублей, смог отдать долги и начинать укореняться в горную почву с нулевого цикла.

Говорят, в швейцарских Альпах красиво. Не спорю и не сомневаюсь. Но если там не растёт кедр (сибирская сосна, если по ботанической номенклатуре – *pinus sibirica*), не бродят медведи в таком количестве, что за день можно встретить троих, а то и более,

не пасутся стада маралов и косуль, не летают глухари, когда в сентябре за вечер можно взять влёт до полдюжины крепкого на крыле молодняка, а зимой рябчиков как голубей на Майдане, то кому эта Швейцария нужна?! Через годы в Горном Алтае появятся такие трассы с подъёмниками, что говорить будет не о чем. А таймени с налимами, длиннее меня лежащего, осенью стоят по ямам в Катунь и ждут, чтобы их загарпунили.

Горный Алтай – это рай земной, где Господь откликается на прямой вызов и возможен диалог с Ним. Там каждый может узнать из первых Уст, чего он стоит, когда один на один с Богом. Там этому никто не помешает. Николай Рерих промахнулся, когда пошёл дальше в Тибет искать Шамбалу. Наш Бог живёт не в Индии и не в Китае, а в России. А Шамбалу надо не искать, а обустраивать там, где живёшь, вокруг себя. На готовенькое покушаться – это не лучший способ угодить Создателю. Это я в адрес тех, кого тянет жить в Европе, затыкая собой любые щели. Там уже хватает тараканов.

Встречались мне в трудные периоды жизни замечательные ребята. Саша Биржаков и Володя Маденов из их числа. Они из тех, о ком говорили на фронте, что с ними можно идти в разведку. Хотя они не очень понимали, чего же мне требуется от этой жизни, ибо я пренебрегал экономическим фактором, который для них был безусловной ценностью. Не зная всех моих карт, они не могли догадаться, что я в жизни играю ва-банк на все деньги, каких никогда не имел, но непременно получу. Им под стать был и Авелий Хазан, классный фехтовальщик-шпажист. Выиграв турнир в Иране, получил из рук шаха Реза Пехлеви золотом инкрустированную саблю. Ныне Ава живёт в Обетованной.

Искандер и его семья, обустроившиеся в посёлке Исмаил Бей близ Евпатории, из той же плеяды надёжных друзей, на которых можно положиться в трудную минуту. Все они мои ровесники, для них та война, из которой мы родились, не канула в небытие, а остаётся мерилем этого мира и прочих войн. Мерилом чести и достоинства.

Москва одарила меня Серёжей Степановым, заботливым другом, которому я многим обязан не только в связи с этой и последующими моими книгами. Познакомились мы в Дагомысе в биржевой школе у Бориса Григорьевича Алёхина (Институт Канады и США, ООО «Российские ценные бумаги»). Это была приятная и полезная учёба. Не только Сергей Владимирович, но и сотрудники его кафедры финансов (МГУЛ) очень мило меня поддерживали во время моих трудов в Мытищах. А задолго до того были два интересных научных контакта. С Будимиром Николаевичем Пятницыным (Институт философии АН СССР) и с Еленой Христофоровной Нерсесовой (Институт социологии АН СССР). Каждый контакт был интересен по-своему, но общей была поддержка моих самостоятельных поисков. Будимир Николаевич приглашал в аспирантуру, а переписка с Еленой Христофоровной, которой я посылал на прочтение свои тексты, а она их возвращала со своими замечаниями, позволила питать надежду на то, что усилия мои «пропадут не даром» и ещё аукнутся. Благодаря им я поверил в себя.

Не менее весомой оказалась поддержка моих усилий на самых первых порах, исходившая от Кости Жоля, а позже от Жени Быстрицкого, киевских философов. И по сей день они не отказывают мне в трудную минуту. Правда, я не уверен, что Евгений передал Дж. Соросу, своему нынешнему патрону, то, о чём я его просил, но это мелочи. Как мелочь и то, что Костя числит меня в придурках (впрочем, он числит в придурках практически всех, кроме себя). Так даже пикантнее. Его фамилия известна в философской среде. Москва его издаёт как раскрученного автора, и я желаю ему дальнейших успехов на ниве просвещения лицеистов. Только после Жоля (Конфуция) можно постичь ХіТ-ХоL'а (Лао-цзы). Сперва надо проштудировать его учебники по логике, а потом забыть всё и начинать с нуля, как «старый ребёнок» Буратино. Спасибо дяде Косте и дяде Жене за доброжелательную посильную помощь, оказанную вовремя.

Спасибо и Саше Бондаренко за плодотворное общение в нашу бытность в Институте психологии АПН УССР. Это именно он посмеивался над гегелевским «тезис – антитезис – синтез», чем заставил меня всерьёз сосредоточиться над этой формулой. Те-

перь пришла моя очередь похихикивать. Саша (под псевдонимом Ковылёв) издал книгу своих стихов, из которой я узнал, что он ещё и поэт. Кое-что из его произведений мне понравилось. Поэту не обязательно понимать Гегеля, если он (поэт) верно чувствует жизнь. Но чтобы верно делать жизнь, воплощать поэзию слова в дело, желательно не игнорировать синтез. Поскольку я не поэт, то пришлось поэзию воплощать в дело. Ибо иначе поэзия утрачивает смысл как полуфабрикат, не доведенный до требуемого состояния, пригодного к употреблению. А требует сам Господь. Поэзия есть дар словесный. Познание же – дар телесный. Всё начинается словом, которое воплощается делом и телом. Когда мозолистым, а когда и пещеристым. Поэты, как правило, хорошо начинают, но редко хорошо кончают. Мне выпала иная доля, как с началом, так и с концом, слава Богу, грех жаловаться. Английское *message* знатоки языка переводят как «послание», а я, сведущий более в массаже, склонен переводить буквально. В моих посланиях руками убедительной силы больше, чем в вербальных упражнениях. Жаль, что я не имею возможности продемонстрировать это читателям. Однако надеюсь, что упомянутый массаж (*message*) черепно-мозговых нервов я исполню и каждый своё получит. По вере вашей вам, дорогие читатели, и воздастся. Крекс, фекс, пекс.

Самые тёплые чувства я сохраняю к Алине Литинской и к Жене Огибенину. Мало кто меня так понимал, как Алина. Надеюсь, Судьба будет к ней милостива в Чикаго не менее, а то и более, чем в Киеве или в Новосибирске.

Отдельное спасибо Сергею Дмитриевичу Максименко и Славе Недашковскому. Благодаря разгромной рецензии последнего на мой первый годовой отчёт мэнээса мне пришлось уйти из заведения, в котором я провёл не худшие два года жизни. Читать интересные книжки и получать за это зарплату – такое счастье не всем выпадает. Однако за него приходится платить лёгким недоумием и делать вид, что всё в порядке. У меня не получилось. Слава Господу, что Он удержал меня тогда, ибо очень хотелось накостылять по шее не в меру ретивому и зарвавшемуся критику. Теперь же мы с обоюдным удовольствием сотрудничаем, делая мои писания удобочитаемыми. А Сергею Дмитриевичу я уже более пяти лет должен двести долларов, а он великодушно ждёт, когда я разбогатею и отдам.

Милостив Создатель в Своих заботах обо мне. Даже в Горном Алтае Он наградил меня весьма содержательным общением с Анатолием Жинкиным, на редкость толковым практикующим психологом и отличным мужиком. Когда другие решили, что у меня крыша поехала в связи с «Квадратом», он всех успокоил. Спасибо и Николаю Путьинцеву за дружеское участие и шахматные сражения. Семёну и Лиде Киселёвым – отдельное спасибо, как и Вале Твердохлебовой и Евгению Алёхину, Гале и Жене Зайченко, Жене и Сергею Рыжковым. Село Майма благословенно Господом. Истина явилась именно там. Благословенна и семья Исаевых, Сергея Тимофеевича и Марии Константиновны. Да продлит Господь их дни.

Тесен мир. Оказалось, что верстальщик моей первой рукописи, Саям Кожман, рождённый в Иордании, слушал в КПИ лекции доцента Шур Игоря Сергеевича. И так, куда ни ступи, всюду обнаруживаются сюрпризы. Главный сюрприз и интрига моей жизни – это Муза. Но об этом я не в состоянии писать. Тут нужен иной дар, поэтический, а у меня – сугубо практический.

Едва ли не самым ценным в своих книгах я обязан Сергею Бычкову, выпускнику физфака ЛГУ. Серёжа – скромный технический гений в электронике, с приличным опытом работы в системе АН СССР, стал мастером компьютерной графики. Мои наброски в его исполнении стали безукоризненными рисунками. Но главное – это неизменное удовольствие, с которым я пребывал у него дома, сидя часами рядом с ним за компьютером, а он терпеливо исполнял все мои просьбы и даже прихоти, консультировал по физике, да вдобавок ещё и вкусно кормила меня его добрейшая жена Галя.

Многим обязан я и Боре Иванченко. В его лесном доме в Гостомеле с отличной библиотекой я пожил не зря, сделав приличный кусок работы.

Слава Головатый и его мама, Лиля Никифоровна, предоставили мне «Запорожец» и дачу, что меня очень поддержало в трудный момент. Я приноровился жить в «Запорожце», что прежде (а я изездил три своих «Запорожца», но все были б/у) мне казалось невозможным. Слава и Саша Васильченко, активно помогавший мне зацепиться за жизнь по возвращении в Киев с Алтая, – питомцы родной кафедры физиологии человека и животных, только выпускались позднее меня на несколько лет. В связи с этим хочется ещё раз подчеркнуть, что наше естественнонаучное образование, находясь меж двух крайностей – гуманитарного и технического, позволяет иметь более взвешенный и гармоничный взгляд на мир и людей, который с трудом даётся гуманитариям и технарям. Даже вульгарный материализм, коим грешат едва ли не поголовно физиологи, не обретает столь диких форм, какие порой встречаются в среде интеллигенции, имеющей смутное представление о физиологии организма двуногих млекопитающих и млекопитающихся (так я в шутку именую женщин и мужчин: одни – питающие, другие – питающиеся). Помнится, как однажды меня поверг в изумление приятель, физик, кандидат наук, поинтересовавшись у меня, где находится у женщин «гепиталия». Пришлось задать пару уточняющих вопросов, чтобы обнаружить, что речь идёт о гениталиях. Он смутился, когда обнаружилась ошибка в прочтении термина. Я же подумал, что лучше позже, чем никогда. Хороший курс анатомии с физиологией не повредил бы ни «физикам», ни «лирикам». Такие знания весьма даже практичны в быту.

Особой благодарности за безграничную доброту и бесконечное божественное терпение заслуживает Галина Куценко, чья помощь автору едва ли словами оценима, ибо я просто не в состоянии подобрать для этого подходящие выражения.

Сводила меня судьба и с известными персонами. Помимо уже упомянутых детских впечатлений от «живых» Юрия Гагарина, Фиделя Кастро, Индиры Ганди и других, как и от соседства с В.Щербицким, надо описать ещё и то, как Михаил Сергеевич Горбачёв дважды в день пожимал мне руку, один раз в кабинете Александра Ципко после интервью CNN, второй раз в коридоре, когда мы с Колей Путинцевым с ним столкнулись. Я перед тем, организовав приятелю пропуск, чтобы пообедать вместе, в шутку сказал: «Идём скорее, я познакомлю тебя с Горбачёвым». Ещё раз произнёс: «Здравствуйте, Михаил Сергеевич», – и он с нами поздоровался за руку. Путинцев был ошарашен, что меня по сей день веселит, когда я это вспоминаю. Я ему рекомендовал не мыть правую руку и сохранять в ней тепло пожавшей её высокопоставленной лёгкой руки, на долю которой выпала нелёгкая миссия разгрести совдеповский бардак. Я искренне сочувствую Михаилу Сергеевичу. Могло ведь случиться гораздо хуже в Стране Дураков, которые убили царя и до сих пор не покаялись. Кабинет Горбачёва тогда был на ремонте, Ципко находился в Японии, а его референт Наташа Арнольдова, жена Серёжи, заботливо опекала меня в командировочном быту, поселяла в гостинице Фонда Горбачёва. Это она меня надоумила подождать и поздороваться с Михаилом Сергеевичем, когда я заглянул к ней сделать необходимые телефонные звонки.

С Кахой Бендукидзе мы мило беседовали в его кабинете, когда он возглавлял «Биопроцесс» и только подбирался к «Уралмашу». С Алёхиным у них были разногласия по акционированию этого предприятия. Тогда Каха был в два раза стройнее и в дешёвых джинсах, перешитых под выдающуюся талию.

Имел я честь трудиться и под началом Григория Гавриловича Матюхина в банке «Шонкор-ОЛБИ». Это, конечно, не ЦБ России, которым он рулил при Гайдаре, зато его собственный банк. Прогоревший «ОЛБИ» оказался сбоку припёка. С ним, как и с Губайдуллиным Рашитом Шайхуловичем (КБ «Горный Алтай»), дружбы у меня не получилось. Не получилось и с Юрой Лебедевым, рулившим одно время Инновационным фондом России, хотя именно его рекомендации я обязан тёплым местом начальника отдела информации КБ «Горный Алтай». А просил за меня Паша Богомолов. Однако, если честно, то и не особо хотелось дружить. Я сделан из иного теста, не очень сдобного. Без мыла меня трудно воткнуть в сомнительные дырки, а мылиться просто лень. Но

Валентине Прокофьевне Паладий я искренне признателен за время сотрудничества. Надеюсь, и ей не в чем меня упрекнуть.

Полагаю, что и Киевскому институту инвестиционного менеджмента под руководством Ярослава Головка не в чем меня упрекнуть за почти два года моего творческого служения на ниве маркетинга и рекламы. В свою очередь, должен признать, что непринуждённое общение с финансовыми аналитиками для меня стало полезным опытом. Не в смысле финансов, а в смысле понимания тех, кто любит финансовую кухню. Я ведь изучаю души и выясняю, чего они стоят, когда продаются.

Осталось назвать тех, благодаря чьей постоянной поддержке я смог довести дело до данных строк. Это мои сёстры во Христе Елена Юрьевна Мережинская и Людмила Николаевна Шаповалова. Их добродетелями я частенько подкармливался, обстирывался и не унывал. Наташа Кучанская тоже не отказывала в братской (сестринской) поддержке. Фамилию брата во Христе Анатолия я здесь умолчу из конспиративных соображений. Очень вовремя я получал полезные подарки от Светы Приходько, а также Лиля Ярошевич умудрялась приглашать на обед именно тогда, когда это было более чем кстати.

Отдельным абзацем должен выделить Игоря Ивановича Кочевых. Он достоин звания архангела-хранителя. Три года (до 2004-го) он был единственным человеком, с которым я мог доверительно общаться по всем своим проблемам и находить неизменную поддержку и понимание, материальную помощь и толковый совет. Мало того, что он левша, так ещё и родился в левом городе Лева, во Львове. Накал моей правоты и правого уклонизма он удачно охлаждал своей левизной и декламацией наизусть «Анны Снегиной», «Страны негодяев» и других стихотворений С.Есенина. Его переводы есенинских песен на украинский, им же изданные и его музыкой снабжённые, – это достойный труд и результат. Интересен и изданный им собственный перевод на русский язык текста рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда». Этот труд ждёт своего часа и ещё прозвучит, полагаю, в сценическом исполнении.

Андрей Плахонин, восходящее светило исторической науки, и его мама, Светлана Константиновна, как добрые ангелы-хранители, часто оказывали незаменимую сиюминутную поддержку.

Наконец, решительную помощь и финансовое обеспечение мне оказывал начиная с 2004 года Валерий Николаевич Проскудин, заместитель директора по экономике Института электросварки им.Е.О.Патона. Заботу об издании моей первой (из пяти) книги в Москве по эстафете приняла на себя его сестра Ольга, за что ей весьма признателен. Полагаю вполне символическую непосредственную близость моего спонсора к Борису Евгеньевичу Патону, ныне действующему президенту НАН Украины. Как и то, что познакомились мы с Валерием Николаевичем на кухне у Кости Жоля, с чьей лёгкой руки я был благословлён на философское поприще искателя истины. Круг, таким образом, замкнулся. А замыкался он тридцать три года. Костя прислал мне в армию книгу К.Р.Мегрелидзе «Основные проблемы социологии мышления»¹². Я её, конспектируя, практически переписал, заполнив мелким почерком всю толстую тетрадь в 96 страниц. С этого-то всё и началось. С таким ориентиром мне не пришлось долго рыскать, перебирая напечатанную макулатуру в поисках достойных внимания авторов.

За то, что я добрался до первой финишной прямой, когда первая книга обретала законченный вид, а я испытывал ощущение служивого накануне дембеля, моя огромная признательность Валере Губенко, его друзьям Стефану и Семёну, Володе Олейнику и Корнилову, потомку славного адмирала. Они моё затянувшееся пребывание в мастер-

¹² Непонятно, где и как он достал её в Киеве, если она была издана тбилиским издательством «Мецниереба» в 1972 году «отсутствующим тиражом» 2000 экземпляров. – Прим. научного редактора, прочитавшего её в 1978 году, будучи третьекурсником философского факультета Киевского университета.

ской сделали максимально комфортным своим дружеским расположением, подкормкой и подпиткой.

Я спал на антикварном сундуке бабушки Стефана, доставленном из Томска, сменившем разновысокие стулья. Этот город я ещё непременно посетю, пока ещё сохранилось деревянное зодчество. Ведь как-никак, а плотницкое ремесло мне не чужое. «Привычны руки к топорам...»

И, конечно же, я многим обязан отцу Гедеону (Харону), диакону Тарасию и служителю Сергию из Десятинной тогда ещё палаточной, а ныне деревянной церкви. Их вниманием и заботами я приобщился к церковной жизни, стал понимать литургию и чувствовать благодать при посещении храма. До чего же атеистов оскопили духовно и нравственно, лишив церковной жизни! Ведь невозможно адекватно воспринимать ни Бунина, ни Набокова, ни Ильина, ни русскую историю и всю культуру в атеистическом ракурсе. Равно как и невозможно верно оценить происходящее сегодня в мире в целом и в России и в Украине в частности.

Я весьма признателен и благодарен всем здесь поименованным и прошу великодушно простить меня тех, кого я забыл назвать или утаил во избежание ложных толкований. Последнее явилось причиной умолчания о моих родичах и жёнах, которых я, конечно же, люблю, но и весьма дифференцирую. Зачем усреднять? Здесь назову лишь маминых братьев Петра, Павла и Михаила и сестру Марию, двоюродного брата отца Павла Буряка и его сына Павла, моего троюродного брата. Эти библейские имена, наверное, предопределили их неизменное ко мне душевное расположение. Все мамини родичи в один голос утверждали, что я похож на деда Никифора Коновалова, ушедшего в вечность в 1943 году под Ростовом-на-Дону. Мне ничего не оставалось, как соответствовать деду, «без вести пропавшему». Баба Таня ждала его 20 лет. И наконец дождалась, что ей стали доплачивать к пенсии колхозницы пять рублей – за погибшего кормильца. Однако мечта её жизни – помолиться в Киево-Печерской Лавре – сбылась. И хотя родилась она и прожила всю жизнь на левом берегу Дона, но прах её покоится на правом берегу Днепра. Должен ли я после этого ещё объяснять, почему меня не устраивают границы и таможи между Россией и Украиной?! «Тузла» расшифровывается как «Т(ут) у(зел) зла». Или почему я остаюсь гражданином России? Да просто потому, что я родился в СССР, а Россия – правопреемница моей Родины. И уж простите за выражение, но иные «родины» с малой буквы я видел в гробу. Причём не фигурально, а весьма даже... Для этого не надо быть Нострадамусом (и так пострадали!), достаточно просто малость соображать, в какое время мы живём и за какие «ролики» наш «шарик» катится, чтобы оценить перспективу протестантской реформации новоукраинцев, изрядно припоздавших, чтобы их слово обрело достойный вес. Уж на что я геронтофил был смолоду, любил зрелых, умудрённых женщин, но к дряхлой старушке Европе мой интерес скорее антикварный. А вот новоукраинцы, пожалуй, – некрофилы в своих политических предпочтениях.

Я всех прощаю и надеюсь на взаимность. Свои долги отлично помню и непременно рассчитаюсь.

Будет не лишним упомянуть здесь ещё и о моей личной географии, поскольку время наше, история и биография необходимо связаны с пространством. Я Родину свою познавал не за казённый, а за свой счёт, и тем ценнее для меня её просторы. Когда я прочёл в интервью Виктора Ющенко, что он мечтает побывать на Камчатке, то мне он стал более понятен. Я тоже не добрался до Камчатки и Курил, хотя очень хотел. Смотрел на Охотское море с сахалинского берега и думал, что ещё успею на Кунашир или Итуруп.

Кавказ я впервые посетил, как уже говорилось, в первый год своей жизни. Грузины меня нянчили на руках. Потом, уже сознательно, ещё трижды. Свой первый «ЗАЗ-965» («горбатый») я купил в Тбилиси прямо на улице, торговаться помогал Марк, добрый приятель-энтолог, с которым я познакомился в Киеве. Узнав, что я хочу купить

«горбатого», он обещал помочь и вызвал меня телеграммой. Мой друг Толя Дикий, которого я прихватил с собой, сел за руль (у меня ещё не было прав), и мы поехали в Киев. Это было зимой 1976 года. Славное было путешествие по родной стране. С приключениями. За Грузию у меня душа болит ничуть не меньше, чем за Украину. Тем более что это моя тёзка, Georgia.

Киргизия или Узбекистан – это тоже моя Родина, которую опустили лукавые карабасы-барабасы. Если американцам есть дело до этих мест, то у меня для этого оснований побольше, чем у них. Однако ещё не вечер. Моё солнце только всходит. И мы ещё проверим, как обстоят дела с правами человека в Техасщине и в Арканзасщине. Везде есть бывший наш народ. Раз, два, три... пять!

По Кольскому полуострову до Мурманска, а после в Питере, я прогулялся в мае 1969 года. Белые ночи видел своими глазами, как и Русский музей с Эрмитажем и квартиру А.С.Пушкина на Мойке. Ташкент, Самарканд, Нукус – это зимой конца 1960-х. Тогда же Карпаты, Крым, Одесса, Кишинёв, Львов, Ужгород, Мукачево. Вильнюс впервые в 1969 году. Сибирские маршруты я уже обозначил, а туда, как правило, через Москву.

И мне искренне жаль нынешнее молодое поколение, явившееся на свет Божий на пространстве СНГ. Оно любит порассуждать все о свободе, о правах и о всяких там ценностях. Они ездят «за бугор» (вот уж куда меня никогда не тянуло) и полагают, что достигли возжеленной свободы, независимости (от кого и от чего?) и т.д. и т.п. Жаль мне их, ибо им и не снилась та свобода, в какой я постоянно пребывал в СССР. Им этого не понять, поскольку их свобода – по гамбургскому счёту – это всего лишь рыночный товар. А мою свободу ни за какие деньги не купишь. «Цветите, юные, / И здоровейте телом», – однако и мозгами пользуйтесь, хоть иногда. Я не спешу к «неведомым пределам», как Есенин, так что учитесь, пока я жив, соображать по-русски.

Когда мне в Киевском ОВИРе в 1997 году, глядя в мой паспорт, выданный в Шевченковском районе города Киева в 1977 году и с российской вклейкой, «великодушно» сообщили, что я имею право получить украинский паспорт, лишившись при этом российского, я воспринял это как оскорбление. «Вы что, предлагаете мне вместо одной шестой части суши сократить Родину до неприличия? Причём в моём родном городе?» Они же, только вчера ворвавшиеся в Киев из какого-нибудь Мухосранска хуторянского байстрюки, не помнящие родства, меня не поняли и стали вразумлять про рідну державу.

Потом меня с тем же паспортом, а ещё и с загранпаспортом хлопцы из «Беркута» проверяют на Подоле и на весь воскресный день закрывают в КПЗ на улице Хоревой для выяснения моей «подозрительной» личности. В одной камере с дюжиной «нелегалов» из Бангладеш и одним блатным бомжом, отравившим перегаром всю и без того душную атмосферу. Моїм рідним землякам дуже кортіло отримати з мене 65 гривень штрафу за відсутність штампів в паспорті. Разогнались, да не на того нарвались, жлобы неумытые. Чтобы это я в родном городе да не прожил «нелегалом» бесплатно?! Слава Богу, живу и давно забыл дорогу в ОВИР. Изучаю свободу на городских майданах и независимость в полевых условиях, экстраполируя сексуальные выводы Оксаны Забужко на другие сферы жизни. За незалежністю йде незаможність, а слідом – неспроможність, зазвичай статєва. Очень жалею, что я не Гоголь и что ненормативная лексика с большим трудом ложится на бумагу. Нормативная бессильна передать мои чувства. Со-Автор же мой потешается над моим вербально-художественным бессилием. А ещё жалею, что я не еврей. Было бы куда пожаловаться и обрёл бы хотя бы временно сочувствующих. Хорошо, что отец вовремя преставился в 1990 году. Он уже при Горбачёве стал нервничать и сокрушаться, то и дело повторяя с тяжким вздохом: «Ох и бордель!». Думаю, что самостоятельность его бы доконала, доведись ему вдруг воскреснуть. Царство вам Небесное, мои старики. Пока ещё нет правды на земле, но недолго

осталось ждать той, что выше. Она-то несомненно есть. Так! – говорит ХiT-ХоL. Крекс, фекс, пекс.

Накануне состоялся 70-летний юбилей Буратино, одного из двух моих литературных прообразов. Он всего лишь на 7 лет старше меня. Надеюсь, и мне светит дожить до подобного юбилея «в натуре». Страна Дураков испарилась, но дураки ведь никуда не делись. Их даже изрядно поприбавилось в мире. Поэтому скучать не придётся. Мы такое Поле Чудес устроим с ЕБЭкзаменом, что в моём «Квадрате» кое-кому пятый угол искать придётся. Крекс, фекс, пекс.

Глава 8. Мой организм

Должен признаться, что я уже неоднократно пытался изложить на бумаге то, что собираюсь сделать здесь в очередной раз. Потом изымал и выбраковывал, ибо не увязывалась стилистика, одно мешало восприятию другого, второстепенное отвлекало от главного. Не получалось. Не имея привычки хранить черновики, я всё выбрасывал, чтобы в следующий раз они не мешали сказать иначе и лучше. Я не люблю, когда мысль попадает в проторенную колею, которая не привела к успешному завершению.

Сразу подчеркну самый важный, пожалуй, для понимания дальнейшего момент. Я – физиолог. Это не просто моё образование, а сущность моего образа мыслей. Многим и сейчас не очень ясно, что значит «физиолог», меня не раз просили объяснить. Объясняю ещё раз. Физиология – это основа медицины. Раньше в университетах были медицинские факультеты. Потом медицинское образование выделилось в специальные учреждения, а в университетах появились биологические факультеты. Физиолог изучает нормальную физиологию и анатомию в объёме примерно таком же, как и врач, но, в отличие от врача, не изучает патологию человека, болезни. Но изучает в полном объёме общую биологию со всеми её разделами. Физиология исследует так называемую норму функционального развития организма.

Мышление физиолога и врача весьма схоже. Мне, например, особо близки и понятны такие писатели, как А.Чехов, В.Вересаев, М.Булгаков, А.Конан Дойл, М.Зощенко с его пристальным интересом к физиологии головного мозга, и такие философы, как К.Ясперс, которому довелось поработать в качестве практикующего врача. Мама моя почему-то очень хотела, чтобы я стал хирургом. Сама она получила неплохую практику, когда вернулся с фронта её брат Павел с ранением, изуродовавшим правую кисть. Повязки она накладывала как заправская хирургическая сестра. Был опыт.

Я всегда очень внимательно следил на своим организмом, данным мне непосредственно как объект для исследования. Его реакции увязывал с поведением и переживаниями. В общем, как позже выяснилось, знаменитая психофизическая проблема занимала меня с ранних школьных лет, когда только увлёкся спортом. Не имея ещё понятий о психике и физиологии. Это не было всепоглощающим моим интересом, но привычка следить за собой именно с познавательной целью укоренилась прочно. Этим определился и выбор послешкольного образования. Популярны в моё время книги психолога Владимира Леви, а также специальные труды по психиатрии Корсакова и Ганнушкина я прочёл ещё в школе, как и отдельные главы из толстого медицинского учебника по патологии. Особое впечатление произвела на меня книга Гуго Глязера, если не ошибаюсь, «Трагическая медицина», где повествуется о врачах, ставивших на себе смертельно опасные опыты.

При этом я был вполне здоров телесно и душевно. Перенеся все обычные детские болезни, страдая ангинами, я в пятом классе начал обливаться холодной водой под руководством отца, который на моей памяти никогда ничем не болел, и забыл о насморке

и гриппе. Даже в эпидемии меня эта хворь не цепляла. Если к этому добавить, что я отлично переносил весьма приличные дозы алкоголя, не теряя самоконтроля и оставаясь совершенно равнодушным к зелью, то мой организм не давал поводов к беспокойству. Курить я начал в 16 лет. Всегда получал удовольствие от сигареты или трубки, но никогда не выкуривал пачку в день и никогда не испытывал от курения неприятных ощущений и последствий. Мой стаж курильщика уже 47 лет, и я надеюсь, что мне не придётся отказывать себе в этой маленькой радости. Мой прадед по маме умер в 105 лет с «козьей ножкой» в зубах. Правда, курил он самосад и не дышал тем дерьмом, которым приходится дышать мне после автомобильных выхлопов и промышленных выбросов в родном Киеве. К наркотическим глупостям никогда не прикасался, ибо даже лёгкое опьянение меня не увлекает, а настораживает.

Что же касается всех прочих физиологических функций, то они как были в норме, так и поныне в ней пребывают, что меня весьма тешит в моём возрасте. Я при случае купаюсь зимой с удовольствием, но без фанатизма, не регулярно. Понятие «норма» я всегда связывал с понятием «мера». Мера разумного, мера дозволенного, мера допустимого – это не метафоры, а гуманитарная математика и медицинский факт.

Эта медицинская справка, предваряющая не совсем обычные мемуары, вовсе не лишняя, чтобы верно воспринимать дальнейшее. В качестве документальных подтверждений сказанного могут служить водительские права и безаварийное тридцатилетнее вождение разных автомобилей, а также разрешение на оружие и сорокалетний стаж охотника. Эти документы, как известно, выдают после медицинского освидетельствования, и я бы их не получил, если бы стоял на учёте психиатра или нарколога. В криминальном учёте я тоже не состою, как не состоял и в КПСС. А вот прихожанином Десятинной церкви числю себя с первых дней её возрождения весной 2006 года. Это не значит, что я ретиво посещаю каждую службу, но не упускаю такой возможности, когда мои дела и заботы это позволяют. Никакими внешними ритуалами и ограничениями я себя не обременяю. Руководствуюсь исключительно внутренним побуждением и Гласом Свыше. Последнее не надо понимать слишком буквально и наивно непосредственно. О том, сколь разнообразны и впечатляющи формы, в которых может проявляться этот Глас, я и собираюсь тут, собственно, поведать, поделиться своими непосредственными впечатлениями. А заодно и соображениями по этому поводу.

Да, вот ещё одна деталь. С трёх до шести лет я носил очки. Правый глаз косил влево, что было вовремя подмечено родителями, и уже к школе моё зрение откорректировалось на 100%. С пятидесяти лет пользуюсь бифокальными очками +0,2 и избегаю прямого яркого света в глаза. Эта деталь тоже немаловажна. Слух и обоняние в норме. Мама обладала удивительно тонким обонянием, от чего часто страдала. Малейший дефект газовой плиты на коммунальной кухне она определяла, когда остальные соседи ничего не чувствовали. Меня тоже угнетают сильные запахи, даже приятные, казалось бы, парфумы производят негативное впечатление в чрезмерной дозе. А вот когда я хоронил отца в 1990 году, от гроба исходил приятный ровный запах, на что тогда я не обратил особого внимания. Но, похоронив с тех пор немало людей, я едва ли сталкивался с чем-то подобным.

Всё это не лишние детали, ибо в дальнейшем речь пойдёт об экстрасенсорике, так сказать, в пределах нормы. О том, что каждый мог бы ощущать, если бы внимательнее относился к своему организму. Диапазон чувствительности анализаторов весьма вариабелен и поддаётся сознательной регуляции как в сторону притупления (повышения порога чувствительности), так и в сторону обострения (понижения порога возбудимости).

Константин Кедров написал в «Известиях» заметку к 110-летию со дня рождения Вольфа Мессинга. Однако в некоторых важных деталях он допускает принципиальные ошибки в трактовке знаменитой персоны и её феномена. Кое-что я хотел бы уточнить. Я был индуктором у Мессинга, который «читал» мои мысли. Однако тут не обойтись без преамбулы.

Действительно, учёные в начале 1970-х годов оставались индифферентными к чудесам Мессинга. Я уже работал тогда заведующим учебной лабораторией кафедры физиологии, защитив диплом в 1972 году, и специализировался в аспирантуре (заочно) по физиологии ВНД (высшей нервной деятельности) в Киевском государственном университете им.Т.Г.Шевченко. Руководил кафедрой Пётр Григорьевич Богач.

Пётр Григорьевич не был ортодоксом от науки и привлекал молодых талантливых физиков и технарей-энтузиастов к исследованиям в области физиологии, биофизики и биохимии. Собрался коллектив молодых ребят, заряженных на открытия и не склонных идти на поводу у косных авторитетов. Сейчас один из них в Манчестере профессором, другой в Нью-Йорк уехал, поработав заведующим кафедрой генетики в Киевском университете, тоже профессорствует. Кого-то уже нет среди нас (мой ближайший друг детства, одноклассник по университету и сотрудник-ветеран кафедры биофизики, Слава Трегубов, работал в Австрии по договору уже в этом веке и разбился в Альпах, сорвавшись с тропы в пропасть), а иные... Зиновий Скрыпнюк, питомец Богача тех лет, занимается в Киеве новым направлением – информационной медициной, о чём я услышал как-то по радио.

Однажды на кафедральном застолье (в ту пору была добрая традиция отмечать праздники в родном коллективе) Пётр Григорьевич нас всех удивил, рассказав о том, что с ним случилось на фронте. Он был разведчиком, после ранения лишился части ноги ниже колена, ходил на протезе с 19-ти лет. Суть поразившего всех сообщения шефа, а он, помимо прочего, возглавлял партком Киевского университета, свелась к тому, что он, будучи ранен в лесу за линией фронта, встретил какого-то человека, с которым поговорил, а когда они расстались, то увидел вокруг головы удалявшегося незнакомца свечение, подобное нимбу. Мы, все сотрудники кафедры, сидевшие за столом, от пожилых доцентов до юных аспирантов и лаборантов, буквально онемели. Шеф отнюдь не был склонен к шуткам, а все исповедовали, как полагалось, «материалистическое учение» физиолога И.П.Павлова (хотя сам Иван Петрович вовсе не был материалистом, о чём я узнал позже).

Эта преамбула позволит лучше понять дальнейшее. Я был энтузиастом (не фанатом, а трезвым критиком) всех новых течений, возникавших на стыке физиологии и психологии, и читал всё, что появлялось по парапсихологии, телепатии, телекинезу, гипнозу и т.п. Разумеется, что феномен Мессинга был в центре моего внимания. В ту пору знаменит был и Михаил Куни. Он дал однажды представление в конференцзале Киевского университета и продемонстрировал чудеса устного счёта, причём шестизначные числа писались на двух досках, которые потом вращались так, что всё написанное мелом сливалось в одно белое пятно на чёрном фоне доски. Куни смотрел на эти пятна (сразу две доски) не более минуты. Потом он поворачивался спиной к доскам и писал на третьей доске результат умножения одного шестизначного числа на другое. Комиссия из преподавателей и студентов проверяла его результаты.

Я пробился к сцене и громко задал Михаилу Куни вопрос: «Что вы думаете о Вольфе Мессинге?». Это было с моей стороны не слишком, как сейчас говорят, политкорректно, но мне была важна его реакция. Он явно скривился, посчитав мой вопрос бестактным, но ответ был вполне корректный: «Я весьма уважаю своего коллегу и отдаю должное его талантам».

Теперь ясно, что приезд Мессинга в Киев, а это были, как оказалось, его последние гастроли, толкнул меня на решительные действия. Выступление проходило в киевском Доме офицеров. Я, заранее купив билеты на всех, составил план и организовал из ребят нашей кафедры «группу захвата». Один, который постарше, обязан был любой ценой пробиться в состав комиссии, которую обычно набирают из пришедшей публики. Другие держались вместе в одном ряду, согласно купленным билетам. Задание для Мессинга было мною продумано в деталях и написано загодя. Хотя и в рамках обычного репертуара его фокусов, но предельно осложнявшее исполнение. Маэстро должен

был не только угадать ряд и место сидевшей с нами дамы, жены нашего сотрудника, который пробился в комиссию, но и достать из её сумочки одну из лежавших там трёх толстых книг. С книгой вернуться на сцену. Там её открыть на определённой странице, допустим, на 253-й, на которой был неказистый рисунок, схема чего-то. В центре этого рисунка следовало поставить крест, взяв карандаш у меня в нагрудной кармане.

Кедров ошибается, говоря, что Мессинг объяснял свои чудеса «идеомоторикой». Мессинг откровенно признаётся в своей книге, что не знает объяснения своего феномена. Интуиция – это такое же объяснение, как и Господь Бог. А «идеомоторику» сочинили вульгарные материалисты, не слишком озаботившись проверкой этой «теории». Мессингу приходилось на неё ссылаться, чтобы книгу его напечатали, иначе у неё было мало шансов увидеть свет в те годы. Я же взялся прове́рить «идеомоторику» для себя лично. Меня вульгарные объяснения всегда раздражали, когда дело касалось человека, его устройства и поведения.

Слишком много очевидных фактов, когда в идентичных условиях физиология испытуемых даёт разброс результатов, выходящих за всякие рамки. А статистика исключает крайности. Но вся соль как раз в исключениях, а не в правиле. Правило свидетельствует о том, что человек – это животное, хотя и политическое. Но при ближайшем анализе выясняется, что всё собственно человеческое в этом животном происходит вопреки физиологическим правилам (закономерностям), а не благодаря им. Не замечают этого (стараясь не замечать) весьма сомнительные учёные, то есть именно те, кто себя мыслит политическим животным, а по себе и других меряет.

Питирим Сорокин знаменит как социолог, но только у него я обнаружил верное определение предмета, изучаемого физиологией человека. Этот предмет исследования, по Сорокину, – душа. Но по сей день физиологи упорно изучают на человеках физиологию животных, что гораздо удобнее делать на иных породах зверей. Эту мысль ещё в 1930-е годы проводил Константин Мегрелидзе, но его труд «Основные проблемы социологии мышления» был впервые опубликован примерно тогда, когда Мессинг завершал свой жизненный путь. И мне повезло проштудировать эту книгу.

К тому времени я был неплохо натренирован по аутогенной методике и хорошо мог контролировать тонус своей мускулатуры в любой части тела, а особенно в руках. Легко повышал температуру поверхности кожи кисти рук на пару градусов за счёт релаксации и концентрации внимания. Этот тренинг я проходил под руководством специалиста кафедры физиологии Института физкультуры, где работал доцентом, а впоследствии заведующим кафедрой Владимир Ткачук, мастер спорта по спортивной гимнастике, отличный парень с моего двора, лет на 10 старше меня. Мы с ним тренировались у одного тренера, но я лишь начинал в пятом классе приобщаться к спорту, когда он уже был мастером. Всё это важно, чтобы понять разницу между моим контактом с Мессингом и любого другого индуктора из публики.

И вот Мессинг, взяв меня за руку, просит сосредоточиться на задании, на последовательности действий, какие ему предстоит выполнить. А я, в свою очередь, очень внимательно наблюдаю за его лицом и держу свою левую руку, за которую он меня держит, абсолютно расслабленной, как плеть. Я и сейчас живо помню его лицо: крупный нос, толстые очки, мелко вьющиеся волосы и капли пота, проступавшие в каждой поре кожи лица. Ноги у него были весьма плохи, передвижение по залу давалось ему с большим трудом. Зал был забит публикой до отказа. Его напряжение было ощутимо даже с закрытыми (у меня) глазами. Я их иногда прикрывал, чтобы не терять концентрацию и не реагировать на его подёргивания моей руки и понукания словом: «Думайте, думайте!».

Он блестяще справился с заданием, но ко мне имел претензии, мол, плохо ему «диктовал». И дело не в том, что моя рука ему «не помогала». Она и не может помогать, ибо «идеомоторика» – это чушь. Дело в том, что моё сознание отвлекалось на самоконтроль мышечного тонуса, а это и было подлинной помехой в «диктовке». Тогда я

это лишь заподозрил в качестве гипотезы, что сейчас утверждаю с полной ответственностью, ибо знаю, чем объясняется феномен Мессинга и ему подобных.

В том же году представился случай подобный эксперимент повторить с другим экстрасенсом, молодым киевским инженером. Имя и фамилию его я напрочь не помню. Он был аматор. Выступление было публичным, но в уютном малом зале Дома работников искусств. В глаза бросалось сходство его фенотипа с Мессинговым. Они были похожи, как сын и отец. Так вот, этот «сын» сделал то же самое, что и Мессинг, но без физического контакта со мной. Я «диктовал» задание, стоя в трёх метрах за его спиной. Он отлично справился, и у него всё лицо покрылось испариной. Вместо книги он должен был обнаружить зонтик, который неприметно висел за спинкой кресла, раскрыть его и вернуться на сцену. После этого говорить про «идеомоторику» – это курам на смех. Столь же глупо подозревать обман, «подставу» и прочее. Я в ту пору был стихийным материалистом, каких воспитывала советская школа, но с критическим складом ума.

В заключение этой маленькой истории могу сообщить, что с той поры я не оставлял без внимания феномен Мессинга и подобные ему загадки и всерьёз занимался вопросами методологии гуманитарной науки, то есть той, где объектом исследования являются люди. Хотя делал это на свой страх и риск, ибо мою тему не включил бы в научный план ни один НИИ в Союзе и на постсоветском пространстве. Она не имеет ничего общего с шаманством спецлабораторий всяких проходимцев от психологии при разных спецслужбах типа КГБ и ему подобных. Ибо всё это – кустарщина на мутной воде ремесленников от позитивистской науки (психология, физиология, социология) и прочих шарлатанов и карьерных проходимцев без кавычек с дипломами кандидатов и докторов наук.

Иногда резкие нарушения в той или иной модальности восприятия (зрение, слух, обоняние, тактильная чувствительность) происходят спонтанно, без видимых причин. Со мною такое произошло... Но лучше по порядку.

Удобнее всего начать с 26 апреля 1986 года. Я в тот момент работал сразу на двух работах, сторожем в Ботаническом саду им. Фомина, или «университетском», и страховым агентом Госстраха. Это позволяло писать, ибо временем я распоряжался свободно. Ночью на дежурстве стучал на портативной пишущей машинке, приводя написанное в приличный вид, а днём между посещениями клиентов (частный лечебный массаж) я парковал свой «Запорожец» где-нибудь в тени и писал на коленях, как и сейчас. Мне казалось, что получается нечто вроде монографии «Основы марксистской психологии личности». То, что было опубликовано по данному поводу другими, на мой взгляд, во-первых, было далеко от марксизма, во-вторых, это было полное идеологическое фуфло без каких-либо перспектив превратиться в науку.

Уже утром 27 апреля я услышал от кого-то, что в Чернобыле крупная лажа. Мне не надо было объяснять, что такое радиация. 12 лет, проведённых на кафедре биофизики и на кафедре физиологии, а также шесть лет учёбы на биофаке прошли не даром. Я тут же поехал к сыну, которому было уже 12 лет, и убедил его маму срочно отправить его из Киева куда подальше. 28 утром он уже ехал к тётке в Москву.

Пообщавшись с ребятами из родных кафедр, я понял, что это надолго. Страховой «бизнес», в советскую пору и без того ни шаткий ни валкий, лопнул как мыльный пузырь именно с этой катастрофой. Когда же у меня после каждого дежурства в ботсаду стала появляться головная боль, то пришлось задуматься о будущем. Причина выяснилась скоро, когда приехали дозиметристы и замерили уровень радиации у канализационного люка рядом со входом в мою сторожку. Туда стекали сточные воды со всего сада. Я не помню, какой именно уровень показали их приборы, но хорошо помню, что мои ребята на кафедре биофизики быстро состряпали чувствительный прибор для самоконтроля. Их уровень держался на четверть шкалы, а когда поднесли к моей щитовидке, то зашкалило. В моём организме была очевидная алкогольная недостаточность.

Пришлось включить «Каберне» в ежедневный рацион. О том, что алкоголь выводит из организма активные радикалы, я знал ещё с лекций по биохимии, но надо было за рулём мотаться по массажным клиентам, то есть преодолеть психологический барьер. И я обнаружил, что два стакана «Каберне» не только не ухудшали качество вождения, но даже улучшали. Я был вдвое внимательнее, чем прежде, и не допускал даже мелких нарушений дорожных правил.

Дело в том, что головная боль для меня – явление крайне исключительное, очень редкое, а посему непривычное и трудно переносимое. Даже если она не сильная. Я могу смириться с болью в любом месте и терпеть. Но к голове у меня отношение особое. Голова должна быть ясной и здоровой всегда. Больная голова наводит на мысль, что отделение её от тела – не самый худший вариант из всех вариантов выбора.

Мне запомнился случай, когда впервые испытал головную боль в раннем детстве. Это случилось в день полного затмения Солнца, о чём я уже писал раньше в связи с Британским посольство по ул. Десятинная, 9. Я спрятался под стол и сильно плакал. Боль меня напугала из-за отсутствия причины. Меня не били, а голова болит. Потом за сорок лет набралось едва ли два – три случая, когда я чувствовал головную боль.

Той же зимой 1986 – 1987 годов я ощутил, что в моём организме что-то изменилось. Проявилось это в том, что меня стал раздражать головной убор. Я и прежде покрывал голову только зимой в холода. Но тут под шапкой голова стала потеть и чесаться. Я снял шапку и обнаружил, что и при морозе в -30° мне не холодно. Удивился, но с той поры расстался с головным убором и вот уже лет двадцать не испытываю в нём нужды. Только на охоту, когда сильный мороз и ещё ветер, беру на всякий случай лёгкую вязаную шапочку, но и ею редко приходится пользоваться.

Ноги тоже потребовали более лёгкой, без утепления, обуви. Два плотных носка и никаких проблем при минус тридцать. В Сибири принято одеваться тепло. Есть даже поговорка, что сибиряк – это не тот, кто не мёрзнет, а тот, кто тепло одевается. Понятно, что я выглядел в глазах местных парнем с приветом. Чуть ли не каждый второй стращал меня менингитом и подобными напастями. Потом, правда, выяснилось, что я тут такой не первый. До меня ходил по Майме без головного убора и в бороде некий писатель, которого якобы сослали туда на время и тоже вроде бы из Киева. По описанию было очень похоже на Олеса Бердника, которого мне как-то раз в юности показали на Крещатике. Личность колоритная и известная в киевских кругах. Но я так и не удостоился уточнить, он ли это был или не он. Вообще-то киевские «рерихнутые», поклонники Николая Рериха, навевываются в Горный Алтай часто, но я не жаждал завести с ними знакомство, поскольку ценю художественный дар знаменитости, но равнодушен к его философствованиям.

Мои руки, которые прежде не мёрзли и я редко пользовался перчатками, напротив, стали очень чувствительны к даже незначительному холоду. С руками я объяснил дело тем, что мои занятия массажистом привели к снижению тактильного порога и заодно нарушили термостойкость. В остальном же понятных объяснений не находил. Связывать с Чернобылем не хотелось просто потому, что хотелось забыть и Чернобыль, и Киев.

Немного позже я заметил, что меня стал раздражать и беспокоить электрический свет прямо в глаза. Хотелось прикрыть их тёмными очками или отвести свет в сторону. Повод был недостаточный, чтобы идти к врачу. А затемнённые очки сняли проблему.

Надо сказать ещё про один существенный момент для моего общего самочувствия. Первые смутные неприятные ощущения в области солнечного сплетения возникли за пару лет до Чернобыля, но обострялись редко и не регулярно. Подозрения о язве двенадцатиперстной кишки подтвердились только к 1990 году. Но особых проблем эта хворь не доставляла. Гораздо хуже бывало, когда давала о себе знать травмированная спина, поясничные диски. Но с этим привычным недугом я живу с 1969 года и научился справляться, не покидая строя. Наблюдая же за тем, как ведёт себя язва, я обнару-

жил, что состав пищи на неё почти никак не влияет, а вот образ мыслей и тревоги сказываются тут же. Реакция мгновенная. Я уже тогда в шутку стал называть свою язву священной болезнью, ибо она помогает не делать глупостей. В этой шутке, как потом оказалось, сушая правда, кроме всяких шуток. Именно язва играла роль последнего аргумента, когда Господь пытался до меня донести сигнал о том, что я делаю не то, что Ему требуется. Это было очень похоже на те случаи, когда отец внушал мне свои строгие заповеди так, чтобы на всю жизнь запомнил. И я запомнил. Как с родным отцом, так и с Небесным.

Все эти физиологизмы, как я догадываюсь, простому читателю не интересны, но без них будет не очень понятна моя реакция в достаточно сложных и загадочных ситуациях, когда приходилось не только мозги напрягать до точки кипения, но и всем телом «слушать» внятные сигналы, совсем не безразличные для меня, порою даже угрожающие.

В моём первом браке я жил в «приймах» в семье жены. Тёща знала старый рецепт сдобного теста для пирогов, которые долго не черствели. А я по сей день обожаю всякую выпечку, особенно сдобно-кондитерскую. Когда она (не выпечка, конечно, а тёща) как-то пожаловалась, что не хватает сил, чтобы как следует вымесить тесто, а без этого не получится задуманное кулинарное чудо, то я охотно взялся за это дело, ибо сил у меня хватало. Под её руководством я освоил процесс, а тёща, высоко оценив результат, сказала, что у неё так ещё никогда не получалось.

Нечто подобное мне приходится делать и с мозгами, когда необходимо трудные для усвоения мысли или информацию, отвергаемую с порога публикой, я вынужден втемляшивать ей в мозги, измельчая до гомогенной массы хорошо вымешенного теста. Таким тестом не объестся ни один жених и ни одна невеста. Ибо оно соответствует иной метафоре, где сказано: «пейте воду жизни даром».

Глава 9. Явление чудес, год 2001, август – ноябрь

Я оставил Киев в августе 1986 года из-за возникших головных болей. Это как символическое изгнание из рая. Жил в Горном Алтае. Слышал о православном предании, что Истина явится в междуречье Бии и Катуня. До 50 лет я, как и Лаплас, не нуждался в гипотезе Бога. Благодаря Льву Шестову я допустил эту гипотезу в свои исследования в области теории познания и переосмыслил личный опыт. Мне судьба дарит весьма неординарные впечатления. Например, я был «индуктором» у знаменитого телепата Вольфа Мессинга, читавшего мои мысли. Такой опыт (я планировал и ставил с ним эксперимент) повторился с другим телепатом. Данному явлению я не находил объяснения с материалистических позиций. Я стал захаживать в храм и молиться. Однажды причастился.

Шесть лет я своими руками строил дом на правом берегу Катуня. Потом пришлось уехать в 1997 году. Дом пустовал.

В декабре 2000 года я вернулся в свой дом. Зима была очень суровая. За всё время, что я прожил в Алтае, таких морозов, столь длительных и стойких, не было. Раньше весны ни о каких работах по дому не могло быть и речи. Надо было привести в порядок участок, покрасить стены, распродать мебель, библиотеку и всё, что можно продать. Я снова взялся за свои конспекты, черновики, пересматривал книги со своими пометками на полях, пытался подвести некий итог. Мне уже попала под руку книга Дж. Сороса «Крах капитализма», и я удивился, что финансист «открывает Америку», игнорируя «Колумба». В том смысле, что пытается по-своему сказать то, что Маркс сказал давным-давно, но при этом имя Маркса даже не упоминается. И никто не отозвался на этот

опус биржевого спекулянта, которому в чём-чём, но в инстинктивном чутье не откажешь.

Я поселился в своём кабинете, о котором мечтал всю жизнь. Утеплить всё, что было можно, и обогревал только эту комнату киловаттным радиатором. Приёмник ВЭФ-212, настроенный на волну «Радио России» в диапазоне длинных волн, не выключался, скрашивая мою зимовку весьма содержательной и интересной программой вещания. Телевидению очень далеко до радио, если речь о содержании. Куда лучше слушать и размышлять, чем смотреть и не думать. Лично на мой вкус. Хотя ведь не трудно и зрелище сделать содержательным и полезным.

Массу интересного я узнал из «Радио России» и проникся нежными чувствами к своему транзисторному приёмнику, купленному в пору дефицита на него в 1971 году как раз в магазине геологов в Мурманской ПРП у Денисова. С этого приёмника и начались твориться довольно странные вещи в моём доме.

С началом весны, благодаря Михалычу, Коле Путинцеву, я устроился на строительство школы в селе Весёлая Сёйка, где золотопромышленный прииск. Строила московская фирма, под присмотром Лапшина, депутата Думы. Вахтовый метод, нулевой цикл. Арматура, опалубка, бетон и т.д. Ребята все помоложе меня, но квалификация не ахти, а склонность к алкоголю усугубляет атмосферу. Но довольно быстро всё стало по местам. Михалыч – прораб, я – бригадир, и всех построили. Однако тяжело мне было поначалу втянуться в физнагрузки. Лихая молодость осталась где-то позади. Думал, в перерывах между вахтами что-нибудь сделаю по дому, но куда там. Лежал как спущенный резиновый шарик на веранде и не было сил не то что руками что-то делать, но просто ноги передвигать.

Такое уже однажды было ещё в 1996 году. После того как я заключил договор с таможней, обслужил в два потока за месяц весь персонал лечебным массажем по десять сеансов на каждого. После этого я месяц не мог прийти в себя. Как будто из меня высосали все силы. От простых царапин на ногах возникли гнойные незаживающие раны. Чем только ни мазал, не помогало. Но потом вдруг в два дня всё затянулось и самочувствие нормализовалось...

19 августа 2001 года, в воскресенье, в праздник Преображения Господня, я проснулся и пронумеровал русский алфавит. Так началась моя работа с «Кодом Спасения»¹³.

В мае 2001 года, когда я трудился на стройке школы в селе Весёлая Сёйка в Горном Алтае (строила московская фирма, положившая глаз на золотоносный рудник, а депутат Думы коммунист Лапшин пиарился, наезжая в регион, от которого он выдвигался), случилось мне наблюдать удивительное явление. Я только устроился бригадиром плотников-бетонщиков. Шёл нулевой цикл. Под фундамент заливали монолитную железобетонную подушку, ибо грунт подмывался горными ручьями. Работали вахтовым методом с удлинённым рабочим днём неделя через неделю, жили в вагончиках.

Пришлось, работая как лошадь, тяжело входить в физическую форму после долгого перерыва, да ещё и язва не давала покоя. Столовая готовила не очень изысканную пищу. Перед сном приходилось пить соду, подавляя изжогу, и часто спать тоже как лошадь, принимая вертикальное положение.

Как-то вышел из вагончика покурить. Ночь была совершенно чёрная, ни одной звезды, всё небо затянуто тучами. И вдруг длинная молния зигзагом чертит горизонт этак градусов на 180. Поворачиваюсь – и сзади то же самое. Жду гром. Однако тишина. А молнии продолжают с поразительной частотой почти непрерывно и по всему окрестию гор в 360°. Картина как на круговом экране осциллографа размером с небо. Я стоял минут пять, пытаюсь сообразить, почему нет грома. Всё это время молнии

¹³ Все цветные иллюстрации и таблицы см. на сайте xit-xol.narod.ru. – Прим. автора.

не прекращались ни на мгновение. Совершенно фантастическая картина. И полная тишина. Я звал ребят поглядеть, но никто не вышел. Я вернулся в вагончик, не дождав-шись прекращения этого видения. Так и не знаю по сей день, было ли оно для всех на-блюдателей явлено или впечатано только в мои мозги прямо в затылочную долю зри-тельной зоны коры больших полушарий. До августа и начала работы с Квадратом оста-валось три месяца. И я ещё многого не знал об этой жизни.

Перед тем в доме, начиная с 19 января, Крещения Господня, стали происходить весьма загадочные и непонятные события. Дом был оставлен в 1997 году. Я вернулся в декабре перед Новым 2001-м годом, чтобы кое-что в нём достроить и попытаться его продать. Я строил дом своими руками по своему проекту с осени 1991 года. Один год семья в нём прожила, но мы были вынуждены из него уехать из-за моей безработицы и отсутствия перспектив на приличную работу с соответствующим содержанием.

Не вдаваясь в детали, происходившее в пустом доме вызывало ощущение, что кроме меня там появляется время от времени ещё кто-то невидимый, но не стесняющий себя этим обстоятельством, а всячески дающий мне почувствовать своё присутствие, используя мои органы чувств (слух, обоняние) и даже некое сверхчувственное воспри-ятие, чего прежде я за собой не замечал. Зрению тоже доставалось наблюдать различ-ные следы, вроде перемещения предметов, чаще инструментов, оставленных мною в одном месте, а обнаруживаемых там, куда я при всём своём желании сам никогда бы их не положил. Посторонние, соседи и знакомые крайне редко навещали в гости, а в моё отсутствие дом надёжно запирался.

Я никогда не страдал душевными, нервными и прочими расстройствами, вёл трезвый и умеренный образ жизни. Обладал опытом научных исследований в экспери-ментальной физиологии высшей нервной деятельности и теоретических изысканий в области философии и теории познания. Кроме того, с 20-ти лет увлекался любитель-ской охотой и не раз подолгу один проводил время в тайге, охотясь на Ангаре, в Сая-нах, на севере Тюменской области, даже однажды два месяца провёл один в зимовье, добывая пропитание охотой.

Всё это исключало подозрение в галлюцинациях, необоснованных страхах, тем более что никаких угроз в мой адрес от происходящего не замечалось. Однако и покоя не давало, заставляя думать о причинах происходившего. Я не был подвержен суевери-ям. Хотя и крещён в младенчестве, жизнь прожил стихийным советским атеистом, но уже к 50-ти годам стал допускать возможность бытия Божьего, к чему меня подвели мои штудии в теории познания. Можно сказать, что к тому моменту моя вера в Бога была скорее умственно-гипотетической, философской, чем непосредственно чувствен-ной, религиозной. Свою дочь, родившуюся в 1988 году, я окрестил в церкви вполне сознательно, хотя тяги к регулярному посещению церковной службы сам не испыты-вал, предпочитая заглядывать в храм, когда там пусто, и возжигать свечи в уединении.

Сказанное объясняет моё поведение в той ситуации.

Возникла прежняя энергия, и я ожил. Но задача и загадка моей физиологии про-должала меня занимать. Что бы это значило? Я не находил ни причин, ни поводов для таких реакций организма. Ничто не болит, а силы пропадают. И появляются потом столь же беспричинно и внезапно.

И вдруг замолчал приёмник. Всё работает, а диапазон молчит. Слышен только пустой эфир с характерными звуками. День, другой, третий – молчит. Я понимаю, что приёмник работает. Может, ретранслятор? У других всё в порядке, у меня нет приёма. Стал грешить на Москву, хотел даже телеграмму послать с возмущением, что единст-венная связь с миром оборвалась. Потом махнул рукой и перестал обращать внимание. Через 10 дней приёмник вдруг заговорил, как ни в чём не бывало. Ну, думаю, слава Бо-гу. Может, мне что померещилось? Может, со мной что-то не так? Аномалии воспри-ятия?

Стал внимательнее вслушиваться, когда вклинивается рекламный блок местного радио. Что-то не так, как было раньше. И диктор не тот, и улицы с адресами не те. Дослушал до конца и обнаружил, что это не Бийск, а Томск! Ничего себе. Я шарю по всему диапазону. Нет, это единственная волна и она ко мне попадает из Томского ретранслятора, а ни Бийск, ни Барнаул, ни Новосибирск в мой приёмник не попадают. Хотя они гораздо ближе, чем Томск, до которого от Маймы ой как не близко.

Я к специалистам. Так, мол, и так. Как такое возможно? На меня смотрят как на идиота и пожимают плечами. Я далёк от радиотехники и от физики атмосферы, но кое-что ведь соображаю ещё со школьных уроков. Я только недавно прочитал «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, поэтому тогда моего юмора не хватало, чтобы плюнуть и забыть. Напротив, я только накапливал и складывал в кучу загадки с собственной физиологией и аномалиями радиотехники.

Но между тем я приводил в порядок дом, покрасил, привёл в божеский вид участок, навёл марафет и дал не дешёвое рекламное объявление о продаже в горно-алтайской, бийской и барнаульской прессе, указав телефон соседа, с которым предварительно об этом договорился.

Узнаю, что объявления вышли, и в тот же день предупреждаю соседа, что могут звонить. Он на меня смотрит каким-то странным взглядом и говорит: «У нас номер поменяли». Я: «Когда?». Он: «Вчера». Я: «А что случилось?». Он: «На АТС пара сгорела». И что я после этого должен был думать? Я выбросил коту под хвост немалые деньги на рекламу, а какая-то пара сгорела, и потенциальный покупатель может звонить «на деревню дедушке», но только не ко мне.

И я сопоставляю одно с другим. Мою первую попытку продать дом. Эту вторую... Я очень далёк от всякой мистики и чертовщины. На меня не произвели впечатления ни Воланд с компанией, ни бесовщина Гоголя. Моё воображение не любит погружаться в эту муть, а Хичхока и тех, кто ловит кайф от «ужастиков», я числю как минимум в недоумках извращённого вкуса. Мне просто скучно смотреть «страшилки» и я ума не приложу, как от этого можно получать удовольствие. Страх – чувство весьма неприятное и даже унижительное для человека. Специально над этим я не размышлял, но... Ладно, не буду судачить лишнего.

Мой опыт мне подсказывает, что если страшно, то не поддавайся и не уходи. Будешь избегать, страх будет только сгущаться. Иди навстречу и проясни причину. Не так страшен чёрт, как его малюют. Или ты его, или он тебя. Жить со страхом неуютно. В общем, я сдержал эту первую накотившую волну страха, но восприятие моё обострилось. Я стал внимательнее следить за всем вокруг, продолжая тем временем сосредоточенно размышлять. И оказалось, что это возможно. Одновременно следить за всем происходящим вокруг и в то же время решать какую-то задачу, скажем, арифметическую.

Раньше я замечал, что концентрация внимания повышается на решении какой-то задачи, если включить посторонний раздражитель, например радио, но определённой интенсивности. Сделай громче или тише – эффект нарушается. Теперь я обнаружил, что возросла продуктивность просто сенсорного восприятия. Гораздо больше информации я стал воспринимать своими анализаторами, а мозги стали работать чётче. Тогда это просто ощущалось, но не осмысливалось. А общий фон восприятия был таков: со мною что-то происходит. Что именно? Понятно лишь то, что это связано с моим домом. В нём сконцентрировано всё, что я сделал за последние годы. Его продажа спасает меня от долговой ямы и семейной разрухи.

Я знал, что источник может скрываться в моей психике. Его надо обнаружить. Правда, я знал и другое, чего никогда не забывал. Впечатления от контакта с Вольфом Мессингом, с Михаилом Куни, с ещё одним телепатом, имя которого совершенно забыл, ибо оно не знаменито. Хотя именно этот человек впечатлил меня более прочих, когда идеально исполнил моё задание под мою мысленную диктовку, находясь в трёх шагах передо мной и спиной ко мне. Ни в одном случае я не был случайным и неподго-

товленным индуктором. Я сам строил и планировал всю ситуацию и контролировал чистоту эксперимента. Я готовился заранее и тщательно с бригадой помощников. Поэтому впечатления мои личные не способен развеять ни один учёный теоретизирующий скептик. Я достаточно изучил литературы по этой теме и сторонников телепатии, и ярых её противников. Мой вывод из собственных экспериментов с телепатией состоял в следующем: нет прямой передачи мысли между двумя людьми; есть «нечто третье» и более важное, чем индуктор и реципиент, передатчик и приёмник. Тогда я ещё не допускал мысли о том, что «нечто третье» есть «Некто Первый», а те двое, что между собой что-то там исследуют, – это куклы, которыми играет Первый. Причём играет не просто так, а с умыслом. Он таким образом даёт Себя почувствовать, проявить. Ещё читая книгу В.Мессинга о его жизни, я подумал, что ведь если он сам не понимает, как он читает мысли, то он и те, чьи мысли он читает, связаны чем-то, что сверх этих обоих.

К 2001 году я уже был готов принять Бога на том основании, что материализм меня перестал убеждать. Просто я копнул чуть глубже и все прежние мелкие сомнения и неувязки (с термодинамикой, с дарвинизмом, с проблемой языка, с антропогенезом и пр.) вдруг собрались вместе. И то, что прежде казалось самоочевидным и прочным, вдруг рассыпалось в прах. Я уже стал внимательнее приглядываться к конфессиям, чтобы сознательно прийти в церковь. Читая Евангелия, я обнаружил, что Христос излагает притчами не что иное, как нарочитую, или архаичную, диалектику. Точно такую же, как у Сократа, Платона, Гегеля, Маркса. Особенно подвиг меня к Богу Лев Шестов, когда я понял, что диалектика ему не далась. Поэтому, уйдя от ортодоксального иудаизма, он не смог примкнуть к христианству, но остался глубоко верующим внеконфессиональным мыслителем.

Из дилеммы «ни доказать, ни опровергнуть существование Бога нельзя» ещё не следовало, что Сам Бог не способен или не захочет Себя проявить однажды так, что «увидеть» Его будет возможно. Неважно, в каком виде или образе, в какой именно модальности восприятия будет получен сигнал, трактуемый как Информация, как Слово Божье.

Однако лето катилось к августу. Я, разумея, что плетью обух не перешибёшь, не продаётся дом сейчас, потерплю ещё, стал успокаиваться и искать новую шашку. Сёйка перестала платить, и я, едва вырвав у них заработанное, уволился. Подвернулся объект, мост через речушку в верхах. Строил частный предприниматель. Я нашёл двух молодых ребят в помощники, и мы ударили по рукам. Нас завезли на место, обустроили в вагончике, чертежи и прочее, всё было понятно. Но требовалось уточнение существенных деталей. Хозяин сказал, что завтра он приедет и можно будет начинать, а пока отдыхайте. Мы отдыхали неделю, ожидая его со дня на день. Я успел прочитать «Лоту в Веймаре» Томаса Манна. А быстро читать я не люблю. Ребята стали чудить, найдя неподалёку коноплю. Мне это надоело и я поехал на попутных вниз выяснять, что случилось.

Я с ним разминулся в четверть часа в одном месте, потом в полчаса в другом. Какая-то информация проскочила, что он в запое. Мне это так надоело, что я плюнул и послал того, кто меня с ним свёл, подальше и отказался участвовать. Испытал облегчение, как обычно после решений, развязывающих дурацкий узел, и сел с намерением кратко и тезисно подбить итог своих многолетних методологических изысканий. В этом итоге получалось, что Маркс и Христос по сути говорили об одном и том же: о спасении. Один – о спасении человечества от стихийного развития капитализма, который, едва успев породить самостоятельного буржуазного индивида, уничтожает в нём всё собственно человеческое, что с такими трудами и муками возникало в истории. Другой – о спасении индивидуальной души. Оба пользуются по сути одной методологией, диалектикой, различие только историческое, но не логическое. Однако основания мировоззренческих концептуальных позиций того и другого диаметрально противоположны.

Последнее тоже является продуктом истории, но не логики. Вывод был примерно таков: Карл Маркс – это Христос Нового времени.

Всё, что раньше вязалось с трудом, вдруг потекло на бумагу ручейком. Настроение было отличное, погода прекрасная, вдохновение меня распирало. Радио как по заказу исполняло мои любимые мелодии. Никогда прежде я не писал с таким воодушевлением. Деньги на еду у меня были и я предвкушал скорое и успешное завершение своего опуса.

Но что-то уж больно всё ладненько складывалось. Особенно радио. Чтоб это с утра до вечера мне под руку шли чуть ли не подсказки, украшая текст неожиданными и не свойственными мне оборотами. Я стал как бы раздваиваться и следить за собой и происходящим со мною же. Уж очень всё как-то чудесно получается.

Я вышел в магазин прикупить продуктов и, радуясь солнышку и себе самому, вдруг спрашиваю мысленно, глядя на Солнце: «Господи, если это Ты, то дай знак». В ту же секунду вокруг солнечного диска завертелось радужное кольцо, переливаясь яркими разноцветными вспышками. Я малость обалдел, но в то же время принял это как должное. Кажется, я сказал: «Спасибо!», – и подумал при этом, до чего глупо звучит, когда Богу говоришь: «спаси Бог». Надо как-то иначе выражать свою признательность, чтобы смысл не расплзлся.

Так прошло несколько дней. Радуга мне сияла безо всякой просьбы с моей стороны. Я исписал изрядно бумаги, но всё больше мои мысли от текста перемещались к самой ситуации, к тому, что, собственно, происходит. Писание, его содержание, текст уже были не так интересны, как те условия, в которых они возникали. Хотелось и продолжать, и в то же время фиксировать попутно, то есть опять же описывать то, как я пишу, или как мне пишется и что при этом деется вокруг. Я даже начал сомневаться, как потом выяснилось, не без оснований, я ли сам пишу или мною пишет Верхняя Сила. Её присутствие чувствовалось постоянно, а вот моё, как ни глупо это звучит, приходилось ставить под сомнение. Самое удивительное, что не было никакого страха, никаких нарушений в ощущениях пространства и времени, а было совершенно трезвое и чёткое восприятие. Эйфории, или «прелести», как выражаются клерикалы, если и было, то самую малость и очень недолго. И я уже понимал, что это не саморегуляция, это меня регулируют эмоционально.

Однажды проснулся и вдруг ни с того ни с сего первым делом взял карандаш и пронумеровал русский алфавит от А до Я, от (01) до (33), перепутав местами, как потом обнаружилось, мягкий знак с твёрдым. Давно я учился в школе... Так началась удивительная и захватывающая работа по исполнению того, что вылилось в итоге в «Код Спасения». Я сидел у окна, выходящего на юг, поглядывал на Солнце, а Солнце посылало сигналы радужной круговертью, причём вращением то вправо, то влево, подкрепляя мои верные догадки и действия. Когда что-то делалось не так, то сигналы были вялыми, невыразительными, а то и вовсе пропадали.

Однако идиллия столь радужных отношений как-то незаметно и круто перешла в иную тональность. Сперва мне было явлено чудо с дубом. Саженец толщиной в мизинец и высотой до колена, который я посадил четыре года назад, а тут едва не наступил и не сломал, ибо он из травы едва выглядывал, за две недели вдруг вырос в дерево выше двух метров и охватом ствола у корня в 13 см. Меня это впечатлило не на шутку. С этой демонстрации Своих способностей и возможностей Верхняя Сила стала резко менять тональность нашего общения, а чудеса принимали порой угрожающий характер.

Во-первых, мне было заявлено, что этот мой дом принадлежит вовсе не мне, а Иисусу Христу. Во-вторых, Иисус Христос – это код, которым управляется сектор Вселенной с планетой Земля. И в-третьих, я есть не более чем жалкий раб, а попросту робот, предназначение которого – служить не за страх, а за совесть Христу Иисусу, в чьё полное распоряжение отныне я поступаю. Я должен исполнять лишь Его распоряжения. Входить в дом только с позволения и т.п. Правил хватало на добрый монастырский

установ. Мне вместе с именем XiT-XoL была дана персональная молитва, очевидным образом связанная с «Квадратом». Начертание имени тоже обусловлено изобразительным свойством букв, образовавших логотип в левом нижнем углу «Квадрата»¹⁴. Она (молитва) состояла из двух частей: первая часть – покаянная, а вторая – славословная. Каждая повторялась дважды с изменением в каждой следующей строке имени Бога в сочетании с цветом. К этой молитве добавились синхронные со словами движения руки с крестным знаменем плюс коленопреклонения и поклоны. Позже добавилась смена позиции с каждой новой строкой: шаг вперёд и вверх по винтовой лестнице. Оказалось, что предмет моей архитектурно-дизайнерской и конструкторской гордости – винтовая лестница, связующая три уровня дома, первый этаж с полуторным и вторым, украшение открытого интерьера, идеально подходила для того, чтобы меня дрессировать. Тренировка и обучение начинались в самом низу на кухне перед лестницей на коленях. Идеальное прохождение дистанции завершалось на площадке перед дверью в прихожую, где я ждал позволения войти. А из прихожей ещё следовало испросить позволения войти в кабинет, где была моя постель и стоял радиоприёмник, постоянно включённый. Команды звучали из него. Тихое и ласковое потрескивание и щелчки – это «добро» и «разрешение». Громкий невыносимый треск – это «запрет», после которого следовало проходить всю дистанцию с самого начала, снизу. Эти сигналы накладывались на обычное вещание «Радио России».

Задача была весьма не простая, поскольку надо было безошибочное чтение молитвы сочетать с театральным, то есть сценическим исполнением ритуала, с балетной хореографической выправкой и прочим. При этом меня могли сбивать в потоке слов: например, вместо «оранжевое» из меня вылетало «пурпурное», что уже означало – начинай сначала. Как бы я ни старался, язык подчинялся не мне, когда произносил не то, что требовалось по порядку. И только милостью свыше после изнурительных многократных моих попыток всё получалось без сбоев и я мог добраться до постели.

Такая в общем-то простая процедура обучения была как бы стержнем воспитания, включившего в себя семь ступеней сложности и поэтапное посвящение на каждой ступени в определённый сан. С каждым следующим посвящением моя участь слегка облегчалась и я чувствовал, что приближаюсь к Повелителю, а Его благосклонность к рабу становится всё более щедрой. Начав с «чёрного», я добрался в конце до «фиолетового», восьмого уровня посвящения (голубого нет). Полагаю, что «белый», девятый уровень – это уже не здесь, а Там достигается. Цвет «восьмёрки», условно «серебристый», не включён в молитву.

Кроме этого, программа включала ещё множество вещей. Послушание круглосуточное. Меня поднимали в любое время ночи с постели, изгоняли из дома. Водили по окрестностям, демонстрируя мне, как многообразны способы управления роботом, причём непосредственного, минуя сознание. Чтобы, например, направить меня в ту или иную сторону при перемещении на местности, есть масса способов. От самых грубых, когда твои мышцы непроизвольно сокращаются так, что ноги выворачивает в нужном направлении, до самых нежных, когда в полный штиль возникают порывы ветра, заставляющие поворачиваться к нему спиной и двигаться по ветру. В кромешной тьме возникают яркие источники света, висящие в воздухе светящиеся сферы с излучением, близким к неоновому спектру. И многое другое. Меня направляли идти туда, не знаю куда, лишь за тем, что, как правило, прояснялось в конце, о чём следовало самому догадаться.

Работа с «Квадратом» была основным послушанием. Но кроме неё моё время заполнялось массой интересных и познавательных занятий, включавших уборку по дому, с элементами фэн шуй, композиции типа икебаны, опыты с разжиганием огня в камине.

¹⁴ Изображение «Квадрата» на вклейке к книге. – Прим. автора.

Мне пришлось вспомнить всё, чему меня учил Занг на тренировках по боевым искусствам. Кто смотрел фильмы из этой области, тот видел, что делали в горах мастера-отшельники. Многие из этого приходилось делать и мне, познавая нюансы премудрости перемещения тела в пространстве (не в смысле телепортации, слава Богу, а в обычном смысле рациональных и эффективных движений). Хотя и телепортация с левитацией не вызывают у меня никаких сомнений и вопросов, как и хождение Христа по воде. Очищение души тесно связано с физиологией тела, а как регулируется и управляется последняя, мне демонстрировалось весьма непосредственно. Загадочные случаи с моим организмом прояснились.

Программа была весьма насыщенной. Скучать не приходилось. Всё перечислить я просто не в состоянии, да и нужды в том не вижу. К этому надо прибавить, что юмора, приколов и подначек хватало с лихвой. Курс продолжался три месяца, как в армии курс молодого бойца. С той лишь разницей, что питомцам прапорщика Дегайло из «9-й роты» по всем параметрам было куда проще, чем мне. Разница в классе наставников очень серьёзная, да и цели подготовки тоже заметно различались. Хотя именно военный боевой компонент в моём обучении был не на последнем месте в перечне учебных предметов. Особенно когда дело касалось связи, кодировки и дешифровки сообщений. Меня учили тому, что в моём окружении масса предметов и вещей, способных нести символический смысл и передавать рациональное содержание сообщений от Инструктора. За этим предметом обучения угадывались тысячелетия богатейшего опыта.

Например, прилетают и садятся перед моим окном сороки, маленькая стайка в пять особей. И начинают перемещаться, меня численный состав: две – влево, три – вправо. Потом передислоцируются. Часть улетает, прилетают новые и т.д. Наблюдая за ними, я понимаю, что это подсказка для решения очередной задачи с «Квадратом», на которой я именно сейчас застрял. Или муха, ползающая по квадрату стекла в оконном переплёте. Она своим следом рисовала мне цифры и указывала на сектор моего «Квадрата», к которому эти цифры имели отношение. Я едва успевал записывать группы цифр и сводки погоды, передаваемой «Радио России», а потом декодировал эти сообщения, переводя числа в буквы. Эти послания были адресованы мне и несли понятный по уроку смысл.

Чтобы упредить естественный (и глупый) вопрос читателя: «Мог ли я не подчиниться тому или иному требованию?», – отвечаю просто и ясно: об этом не возникало даже мысли. Во-первых, с самого начала мне было дано понять и проникнуться абсолютным доверием к Верхней Силе, подобно тому доверию, какое испытывает младенец-сын к родному отцу. Во-вторых, те страхи и ужасы, какие порой на меня нагонялись, я трезво расценивал как понты и проверку на вшивость. Я понимал, что если со мною так плотно и тщательно возятся, то это не для меня любимого, а для чего-то гораздо более важного. И постепенно, очень постепенно эта роль моя для меня прояснилась.

Сразу была яркая вспышка озарения по поводу масштаба роли, но я постарался это забыть. По принципу «меньше знаешь, крепче спишь». И только очень и очень постепенно, повторяю, шаг за шагом или ступенька за ступенькой, как в моём доме, я уже в процессе написания «первой книги» о «Квадрате»¹⁵ стал как бы вживаться в свою роль и привыкать к ней. Перед тем как подняться на следующую, более высокую ступеньку, у меня была возможность освоиться вполне на той, на которой я уже пребывал в своём самосознании.

О том, что наука была для меня наглядной и поучительной, говорит следующий пример. Одной из проверок на вшивость была такая. Меня среди ночи поднимали и ве-

¹⁵ Читатели, внимание! Эта «первая» книга выйдет в ближайшее время. Не пропустите! – *Прим. научного редактора, убившего на неё кучу времени.*

ли. Заставляли лезть через забор к соседу, где во дворе отвязана злая овчарка – кобель, имевший ко мне особые претензии, поскольку мой пёс не уступал ему дорогу, когда они встречались на нейтральной территории. Днём, когда я проходил мимо ворот, он едва не срывался с цепи и захлёбывался лаем. Ночью его спускали с цепи. Мне ничего не оставалось, как лезть к нему на участок. Пёс не только меня не трогал, но и не издавал иных звуков, кроме тихого щенячьего попискивания, и смотрел на меня ошалелыми, ничего не соображающими глазами. Я же при этом вспоминал библейскую историю про пророка Даниила, брошенного в яму со львами. Свирепые и голодные звери лизали ему лицо, но не трогали святого. Больше объяснять мне ничего не требовалось.

Когда мне было продемонстрировано в абсолютно тёмном кабинете, как возникают потрясающе красивые золотистые голограммы, как начинает светиться серебристым светом воздух, вопросов в адрес Верхней Силы у меня уже не возникало. Особенно впечатлило, что в одной голограмме, изображавшей пару влюблённых молодых людей в позе скульптур Родена, я узнал себя и свою первую жену. Портретное сходство было идеальным. После этого уже такие голограммы, как мой портрет в данную минуту или портрет Усамы бен Ладена, проецированный на фоне неба в чёрно-белой тональности облаков и размером в половину футбольного поля, не очень впечатляли.

Пора сказать о том (для тех, кто не в курсе), что картинку окружающего мира мы получаем посредством глаз, но в итоге в затылочной зоне коры больших полушарий, где локализован зрительный анализатор головного компьютера. Когда мы спим, то глаза не работают на восприятие внешней среды. Но мы видим сновидения. Именно потому, что кора, нейроны затылочной зоны указанного анализатора продолжают поддерживать определённый функциональный уровень возбуждения и получают различную информацию извне без посредства оптического устройства глаз.

Таким же непосредственным образом могут впечатываться в наше мозговое устройство и мысли иного содержания, не только визуальные, но и прочие впечатления. Наука ещё очень слабо понимает, что такое Информация и как Она управляет Вселенной. Ей как раз не хватало моего «Квадрата», чтобы начать соображать в верном ключе и направлении.

Тренировка сенсорных анализаторов, например, заключалась в том, что меня в кромешной темноте, ни луны, ни звёзд, небо затянуто и сеет дождь, водят как слепого по каменистому руслу Катуня и по зарослям островов. Я должен чувствовать едва уловимые сигналы в собственном организме (урчание кишечника, сбой ритма дыхания, покалывания или зуд в левой или правой руке и т.д.), чтобы по ним двигаться с приличной скоростью маршброска и обходить препятствия, уклоняться от колючих ветвей облепихи и толстых сучьев. Чтобы не повредить глаза ветками, от них (глаз) всё равно не было никакого толку, я их завязывал платком. Два – три километра такого кросса и узнаёшь столько о своём организме, сколько за годы в университете не удосужился сообразить.

Из области приколов и хохм показательна такая игра. Я собирал плавник и хвост на островах, где после каждого падения воды в Катуня его только прибывало. Носил вязанки в дом и топил камин. Перед тем сучья ломал об колено. Довольно толстые и прочные, с предварительной молитвой и просьбой: «Господи, помоги!». И получалось весьма похоже на то, что демонстрируют каратисты. Но иногда тонкие сучья вдруг не ломались, а только гнулись. Приходилось и тут читать молитву, после чего они легко ломались. Бывало, возьмёшь толстый сук, но забудешь помолиться. Расшибёшь себе колено. После молитвы он ломается легко и без усилий. Такие вот милые подначки. Этим меня учили всегда быть начеку, не расслабляться и не рассеивать внимание. Концентрация и ещё раз концентрация!

Или такая игра с утренним кофе. Я готовил его в кружке с кипятивником. Включал в розетку и начинал молитву. И каждый раз кофе закипал с окончанием молитвы. Я это заметил и стал менять скорость произнесения молитвы, то в два раза быстрее обыч-

ного, то, напротив, растягивая раза в два медленнее. Однако кофе всё равно закипал только в момент окончания молитвы. Для физиков это неплохая задача, если иметь в виду, что напряжение в сети, сопротивление спирали, объём воды и её температура, а также температура воздуха – всё это было практически неизменным и постоянным. Изменялось только время произнесения молитвы, причём этот параметр изменялся примерно в четырёхкратном диапазоне.

Разжигание камина, пустячная процедура для человека, не одну ночь прошедшего в тайге у костра, превращалось в проблему, если я пытался сделать это без предварительной молитвы. Спички гасли, не успевая разгореться, как будто их задувало тонкой целенаправленной струёй воздуха. Однажды я из упрямства употребил одну за одной все спички из коробка, но перед тем, как зажечь последнюю спичку, помолился. Ею я спокойно зажёл дрова.

Забыл сказать, что пост был полный. Я похудел и стал таким, каким никогда прежде не бывал, хотя мой вес никогда не был избыточным. Мой максимум – 82 кг при росте 187 см. Питался в буквальном смысле Святым Духом. В качестве награды и поощрения мне позволялось полакомиться кистью рябины и несколькими кедровыми орешками на закуску. Остро голод не ощущался, но тупые позывы к пище сохранялись. Только сейчас, к 63-м годам, я достиг веса 85 кг.

Моих впечатлений хватит, чтобы делиться ими до конца дней. Я ведь только о трёх месяцах начал рассказывать, а ведь это продолжается уже десятый год. Наша плотворная теперь уже дружба с Создателем не прекращается. Хоть я и раб Божий, но далеко не последний среди таковых.

Кроме упоминавшегося эпизода самого раннего детства с солнечным затмением и головной болью, который запечатлелся в памяти очень ярко и сразу же всплыл, когда начались мои «радужные» контакты со светилом, вспомнился тогда же ещё один эпизод, не совсем для меня обычный и характерный. Связано это с моим отношением к живописи. Рисованием, как и большинство детей, я увлекался очень и даже пару лет посещал студию Дома пионеров на нашей улице. Были какие-то успехи. Александр Архипович, преподаватель, даже посетил моих родителей и рекомендовал отдать меня в художественную школу. Но я сам был очень не в восторге от собственных результатов, сравнивая свои работы с другими – старших ребят. Особенно плохо у меня получались акварели, и я легко расстался с этим увлечением, занявшись спортом. Но перед изобразительным искусством, графикой, живописью, скульптурой всегда и по сей день испытываю благоговение. Позже подобное стал испытывать перед классными исполнителями музыки. Мне это мастерство недоступно, я так не умею – вот то ясное ощущение и осознание, что лежит в основе такого благоговения и восторга от того, что кто-то достиг таких высот мастерства. Я понимал, какие труд и упорство стоят за этим, и моё уважение к мастерам экстракласса сливалось с восхищением, как перед небожителями.

Так или иначе, но в Русском музее я испытал нечто вроде потрясения в зале, где была выставлена картина Иванова «Явление Христа народу». Я часа два провёл в этом зале, всматриваясь во все подготовительные работы, сличая их с итоговым результатом. В общем, испытал сильнейшее эстетическое, как себе объяснил, восхищение. Ничего религиозного я не испытывал. Я восхищался мастерством художника и тем образом главного героя, какой он воплотил на полотне. На следующий день я снова туда пришёл и вновь пережил то же самое. Меня такая собственная реакция озадачила. Я не ожидал от себя такой экзальтации. Нечто подобное позже я испытывал перед импрессионистами в музее им.А.С.Пушкина в Москве и с альбомом репродукций Ван Гога, который я расшил и оклеил его листами стены в своей кухне, служившей мне по совместительству рабочим кабинетом.

Благодаря данному обстоятельству, которое прочно сидело в памяти, я вовсе не удивился, когда Верхняя Сила заявила о себе, назвавшись Иисусом Христом. Я бы удивился, если бы имя было другим, скажем, Гаутама или Мухаммед. Я отлично знал, что

крещён, где и когда это произошло. И никогда не забывал, в каком месте я вырос и чем оно знаменито. Более того, мне тут же стали понятны множественные эпизоды в отношениях с моим отцом, которые прежде казались достаточно странными и не совсем логичными. Отец меня очень любил и не скрывал своих чувств, но это сочеталось с поразительно жёсткой и строгой требовательностью. По его убеждениям, я был лучше всех вокруг и обязан был это демонстрировать своими достижениями в учёбе, в спорте, в поведении и пр. Меня наказывали за малейшие пустяки, на которые иные родители даже внимания не обращали. С пяти лет я полностью отвечал за младшего брата, а он был далеко не подарок. За его промахи получал я как старший, который не уследил. Мама в этом отношении была того же мнения. Я рано стал задумываться о справедливости, имея претензии на этот счёт к родителям. Но уже в 16 лет я им был только благодарен за все уроки, которые от них усвоил. Я был старшим сыном в семье. В свою очередь, старшими детьми в своих семьях были и мои родители. Они передавали мне тот опыт, который сами усвоили в детстве: ответственность старшего за младших и за себя. Этот же момент старшинства и ответственности подчёркивали своим отношением ко мне дед и бабушка. Я не мог позволять себе то, что могли позволить себе младшие. В итоге я был совершенно готов к самостоятельной жизни и с нетерпением ждал случая оторваться от семейной родительской опеки. Для этого надо было прокормить себя своим трудом. Вот почему, не поступив первый раз на дневное обучение в университет, я не очень расстроился и с удовольствием пошёл работать на завод учеником слесаря.

Вся моя жизнь ярко в эпизодах промелькнула перед глазами, когда Верхняя Сила откровенно себя проявила. И мне дано было уяснить, что нет ни малейших моментов в моей жизни, вплоть до самых-самых интимных, какие Ей были бы неведомы. Впечатление было такое, как будто тебя голым выставили на подиум перед толпой. Но это было только первое впечатление. Потом оно сменилось уверенностью, что никакого вреда и угрозы от Верхней Силы ждать не приходится. Напротив, мне гарантировалась Её защита, а взамен требовалось беззаветное и добросовестное старательное служение, исполнение той миссии, которую на меня возлагала эта Сила.

За три месяца с августа по ноябрь самый напряжённый и сложный этап тесного контакта завершился. Я уехал в Крым, потом в Киев. Работа моя с «Квадратом» продолжалась, но уже не под таким, как поначалу, жёстким прессом, а в мягком режиме. К нему тоже следовало приспособиться, что происходило постепенно. Главная трудность состояла в том, что объяснить что-либо близким по поводу своих занятий и безработицы было совершенно невозможно. Пару раз я устраивался на работу просто охранником, чтобы обеспечить себе пропитание. Но меня увольняли на следующий день без каких-либо внятных объяснений причин увольнения. Верхняя Сила ясно давала понять, что я нахожусь в Её полном распоряжении и должен делать то, что Она велит, и тогда, когда Она того требует. О моём пропитании заботится Она. В этом был резон. Полный желудок нарушал связь и контакт. Все откровения, а число их не счесть, связанные с решением задач по исполнению «Квадрата» и потом с написанием «первой» книги, рисунками и иллюстрациями, были получены после ощутимых говений, молитв и порой болезненных состояний язвы моей двенадцатиперстной кишки.

Я это понимаю так: ничто даром не даётся, за всё требуется платить. Форма оплаты бывает разная. В моём случае – это не то чтобы телесные страдания, ибо это слишком уж сильно, но скажу мягче – телесный дискомфорт (как любит приговаривать Мальвина, она же Муза, «не комильфо»). Вероятно, тут роль играет вполне объективная причина состояния каналов связи, «мыслящий тростник» забит продуктами пищеварения. Но не исключается и чисто принципиальный нравственный аспект таких взаимоотношений. Ученик обязан действительно показать, что его жажда духовного знания преодолевает своей силой тягу телесной утробы к насыщению. За такую демонстрацию, хотя и вполне вынужденную обстоятельствами, полагается награда в форме

очередного Откровения. В редких случаях бывали исключения, которые мною воспринимались как неожиданный аванс, который, однако, предстоит отработать.

К этому надо добавить, что ситуация складывалась так и обстоятельства меня просто вынудили продать однокомнатную квартиру, доставшуюся от мамы, потом и машину, потом вообще стать нелегалом, нигде не прописанным гражданином России с просроченной отметкой о въезде в Украину. Когда я, просрочив 13 месяцев, пересекал границу с паломниками, прихожанами Ильинской церкви, направляясь в Оптину Пустынь, то офицер мне сказал, глядя в мой паспорт: «Вы на месяц просрочили пребывание в Украине». Он не обратил внимания на год. «И что мне за это полагается?» – спросил я. «Я подумаю», – сказал он. Я же не сомневался, что Господь меня прикроет и опасаться нечего. Так и вышло. Документы вернули, и автобус поехал. Потом я просрочил один день. Украинский пограничник хотел снять с меня 300 гривен штрафа. Я сказал, что он может высадить меня из поезда, но платить я не буду принципиально. Это мелочи, но весьма характерные для Конотопа. Хохлы ко мне на границе относились с особым пристрастием, что каждый раз давало мне лишний повод для сведения счётов со своей «национальной совестью». Я не знаю другого такого народа, где бы брат так «любил» брата, а сосед – соседа. Хотя этот сюжет ветхобиблейский, но в современных евреях такого я не замечал. А среди хохлов – сплошь и рядом.

Когда я слышу о голодоморе, то вспоминаю отца, которому было в 1932 году 13 лет и он потерял свою мать. Мы с ним как-то шли по селу Сулимовка и он вдруг мне показывает на хаты и называет фамилии тех, кто под крышей комбедов потрошил закрома по всему селу и отбирал последние крохи у своих же односельчан. Его лицо было страшным, он скрипел зубами и втягивал щёки, закусывая их. Это был признак вспышки крайнего гнева и ненависти. Больше он к этому не возвращался. А дед, помню, очень чётко подразделял односельчан на «людей» и «недолюдків». Последним он руки не подавал и смотрел с таким презрением, что те не задерживались рядом. Он не любил советскую власть и колхоз, но имел понятие о Боге, царе (служил солдатом в царской армии) и знал цену людям. Он был мастер на все руки. Любую крестьянскую работу, а ещё плотник, столяр, кузнец, шил на «Зингере» зипуны бабам и валенки из сукна, скрещивал разные сорта плодовых деревьев, плёл из соломы брыли и шляпы, но в одном, в плетении корзин, его превзошёл родной брат, Иван. Старики жили дружно и уважительно между собой. Никогда не забуду его фразу: «Та хіба жиди – це не люди?»). Это было сказано моим родителям, когда те имели сомнения насчёт моего выбора невесты. Её отец был евреем. Дед этой фразой снял проблему.

Когда же из голодомора выкручивают националистический козырь, то это не от большого ума. Точно так же и про ГУЛАГ. Я всегда хочу спросить: «Когда миллионы сидят в зоне и почти столько же их охраняют, то сколько же тех, кто стучал, сдавал, продавал и подставлял ближних под статьи и вышки?». И во всём виноват один Сталин? Или Гитлер? Или ещё какая-нибудь персона в роли козла отпущения? Это ведь даже не научный материализм и не какая-нибудь религия, а какое-то первобытное мышление по способу постановки и решения проблемы. Стадо – оно и есть стадо. Мышление стадное «или – или», соображение «и – и» отсутствует. Делить охотников много, а соединять? Плохо получается. Психология социума: либо жертва, либо палач, третьего не дано. Вот пока в мозгах не дано Бога, на деле только и будет получаться тот маразм, какой я наблюдаю сегодня в Украине.

Полностью привыкнуть к такой своей жизни мне вряд ли возможно. Хотя и ощущение экстремальности ситуации весьма притупилось. То, что поначалу воспринималось чудом, сейчас воспринимается как норма. Та же радуга. Но я стараюсь не позволять себе лишний раз просто так глядеть на Солнце, чтобы не злоупотреблять вниманием к себе Верхней Силы. Я не хочу превращать наши с Ней отношения в привычный автоматизм: глянул – получил. А вот когда с молитвой и с благоговением, то это очень

приятно бывает. Примерно так, как с любимой женщиной, когда ею любишься, а в ответ получаешь взгляд признательности и понимания.

Эта весьма экзотическая история, как я отлично понимаю, будет с большим недоверием восприниматься скептическим читателем, что можно только приветствовать. Однако у скептиков сегодня гораздо меньше оснований отмахнуться и игнорировать подобного рода истории, чем, скажем, было ещё каких-нибудь 20 лет назад. Как раз напротив, есть достаточные основания не отвергать с порога то, что само не укладывается в мозги, а устроить своим рациональным мозгам основательную встряску на предмет их соответствия иррациональному миру, в котором мы пребываем, находясь на планете Земля.

Глава 10. ИТУ и её пропедевтика

1. Состав важнейших первоисточников информации, представленных в Коде

Фундаментальной основой ИТУ (информационной теории Универсума), её первым опорным камнем служит Таблица ИПСЭК (информационная периодическая система элементов культуры), описанию которой посвящена «первая» книга. Второй не менее важной опорой ИТУ служит чертёж паутины Cosmonet, или рисунок ЭКИСФМК (элементарная клеточная информационная структурно-функциональная модель космоса). Подробное описание этой картинке в её подготовительных фрагментах дано в «первой» книге, а окончательный вид представлен и описан во «второй» книге.

Наряду с этими авторскими произведениями своеобразного искусства («Чёрный квадрат» Малевича – это предтеча «Квадрата ХiT-ХоL») в корпус фундаментальных кодовых оснований ИТУ входят следующие известные исторические первоисточники сакральной информации:

1) Китайская классическая «Книга перемен» («И цзин») в русском переводе и с комментариями Юлиана Щуцкого (издания 1960 и 1997 годов);

2) «Книга благодатного пути» («Дао дэ цзин») Лао-цзы в русском переводе и с комментариями Маслова;

3) «Книга великой тайны» («Тай сюань цзин») Ян Сюна, перевод только первой главы на русский язык сделан Ю.Щуцким и представлен в его главном труде; китайцы утратили понимание её языка;

4) Библия, русское издание РБО.

Наряду с наиболее древними системами передачи информации (VII век до Р.Х. – I век от Р.Х.) Код периодической Таблицы включает: алфавит Футарка («Руны Оракула» Ральфа Блума, перевод на русский язык В.Пелевина) – систему знаков, используемых в языческой Скандинавии в I тысячелетии от Р.Х.; азбуку Альфреда Морзе (1848 год) применительно к русскому современному алфавиту (XX век); систему музыкальной европейской нотной записи; большую покерную колоду игральных карт (52 карты плюс два джокера), происхождение которых исследователи относят к XII веку (Китай), и шахматы, изобретение которых приписывают индийской древности.

Элементы перечисленных языковых систем – знаки, фигуры, гексаграммы, тетраграммы, буквы, цифры, символы и т.д. – взаимосвязаны между собой в единый код периодической математической Таблицы, где прослеживаются смысловые параллели, например в интерпретации значений скандинавских рун с гексаграммами «И цзин», карточных и шахматных фигур и позиций. Русский алфавит, дополненный известным кодом www (Интернет), будучи основой одного из наиболее развитых и сложных по структуре современных языков, причём исторически молодых, служит смысловой ба-

зой и ключом для Кода. Арабские числа и математические символы четырёх знаменитых иррациональных чисел своими позициями, отнюдь не случайными, а созвучными с рядом стоящими русскими буквами, задают принципиальные параметры, позволившие воссоздать на основе Таблицы паутину ЭКИСФМК.

Наконец, на всю цепочку точек-тире азбуки Морзе легко накладывается хронология последних пяти тысячелетий с фиксированными моментами двух бифуркаций (удвоения количества информации в единицу времени) в 1500 и 2004 годах от Р.Х. Это покровные годы, после которых планетарная цивилизация испытывала резкое ускорение информационного потока, обусловленное великими географическими открытиями и технологическими прорывами в прежде неведомые сферы познания.

Из этого следует, что европеец доколумбовой поры за свою жизнь усваивал в среднем одну четверть общего количества информации по отношению к условной единице, которую приходится усваивать нашему современнику. Впечатляет потрясающий факт данной таблицы: количество элементов всей цепи азбуки Морзе (точек, тире и пауз, или пробелов), представленных в пяти горизонталях, равно 324, или произведению $108 \times 3 = 324$, где 108 – это число Универсума. И ровно столько же, то есть 324 элемента в системе тетраграмм «Тай сюань цзин» Ян Сюна (I век от Р.Х.) – квадрата (9 x 9) с 81-й тетраграммой: $81 \times 4 = 324$. Между этими системами кодирования информации промежутки истории в 18 веков!

Хронология Кода завершается 2060-м годом, что соответствует дате конца света, вычисленной Исааком Ньютоном на основе Библии (об этом сообщалось в российских средствах массовой информации в начале 2003 года, например, в «Комсомольской правде» от 23.02.2003 г.).

Даже первичный далеко не полный и поверхностный анализ периодической Таблицы элементов культуры, включающий в себя языки, весьма далеко отстоящие друг от друга во времени (история) и в пространстве (география), позволяет заключить о наличии для всех единого математического корня в континууме пространства-времени и, соответственно, общего первоисточника, из которого они возникли в культуре весьма различных этносов и народов, населявших пространство планеты в древней истории и ещё живущих в наше время.

Допущение, что такой Код в принципе мог сочинить автор или любой иной человек либо группа лиц планетарного земного происхождения, живущих (или живших) в одно время в определённом месте, не выдерживает никакой трезвой критики, настолько это невероятно. Однако очевидное сходство периодической структуры данного Кода с Таблицей Менделеева как раз наводит на мысль об общем источнике их внепланетного космического происхождения. Отпадают по той же причине и любые предположения относительно инопланетного источника, в силу той же пространственно-временной его локальности, а значит и известной ограниченности.

Код охватывает по сути практически всю земную сушу (я показал в «третьей» книге его связь с календарём мая) и последние пять тысячелетий истории земной цивилизации. Это указывает на его космическое происхождение и свидетельствует о существовании Космического Разума. Последний никак не локализуем в пространстве-времени, так что нет никакой нужды вести речь об инопланетном участии в земных делах каких-то фантастических неведомых посланцев то ли разума, то ли глупости. Речь можно вести об информационной киберприроде Универсума. Речь даже необходимо вести о том, что на волне впечатляющих достижений науки в области всяческих супертехнологий самое время вспомнить о древней как наш мир религиозной космогонической идеологии и самым тщательным и корректным образом свести воедино науку и религию, устранив весьма обрыдлую вялотекущую планетарную шизофрению человечества, угрожающую вот-вот перейти в предельно острую клиническую стадию. Последняя, кстати, купируется лоботомией – хирургическим рассечением комиссур (нервных связей) лобной доли больших полушарий головного мозга. Объяснять, как

это может выглядеть в планетарном масштабе, особой нужды нет, ибо каждый может сам легко пофантазировать на эту тему.

2. Наиболее важные источники методологического свойства, predisposing к адекватному восприятию начал ИТУ

Здесь я лишь назову авторов, труды которых ощутимо повлияли на моё мировосприятие, на характер и образ моего мышления. Это поможет читателю сориентироваться, чтобы не отнестись к началам ИТУ как к экзотическому порождению диалектического разума, а воспринимать начала этой теории как неизбежную закономерность развития собственно познания.

Парадокс наших дней, отчётливо фиксируемый на уровне общественного сознания, состоит в том, что, с одной стороны, даже дети благодаря кинофильмам и мультимедиа сегодня знают, что зло есть необходимый момент бытия, с ним надо бороться, но нельзя победить его окончательно, ибо жизнь – это непрерывная борьба добра и зла.

С другой стороны, взрослые, принимая этот трюизм как непреложную данность, только лишь в статике пока ещё способны оперировать противоположностями в своём мышлении, когда зло и добро фиксированы как некие постоянные вещи (величины), но отнюдь не как переменные функции (отношения). Взаимопревращение данных противоположностей, происходящее на всех уровнях многосложно устроенного мира, включая и процессы в нашем сознании, этот мир постигающем, в самой функциональной динамике развития очень слабо улавливается (если вообще улавливается) мышлением большинства даже весьма образованных и учёных людей. А диалектику, которая собственно только и учит соображать о развитии уже по ходу этого развития и хоть как-то предвидеть его результат ещё до того, как процесс состоится и формообразование завершится, только ленивый не пинает ногами. Это общемировая тенденция, но её проявление на отечественной почве крайне досадно, ибо русская мысль восходит к Платону более, чем к Аристотелю, и призвана осуществить синтез указанных традиций. Понятие «синтез» возвращает нас к первоисточникам.

Поэтому не приходится удивляться тому, что методологическое невежество спокойно уживается и даже побеждает учёную грамотность в мозгах весьма известных и уважаемых специалистов, даже Нобелевских лауреатов, не говоря о массе более скромных светочей аналитической науки.

Я не случайно начала ИТУ связал с началами синтеза. Сам термин ИТУ ещё отсутствует в «первой» книге, но там уже говорится о началах синтеза. Здесь надо сказать, не вдаваясь в детали, что диалектическая методологика заставляет само понятие «чело-век» трактовать не как вещь (тело), а как функцию, как отношение, «величину» или «порядковый номер». И таковой (таковым) при ближайшем знакомстве оказывается старая «таинственная незнакомка» – «душа» = «8» (17), понимаемая как структурно-функциональный информационный элемент единого Универсума.

Именно эти глубоко осознанные соображения заставляют понять, что люди – это роботы. Причём чем яростнее и активнее будет оспариваться данный тезис, а это лишь вывод из ИТУ, тем ярче он будет доказуем самими отрицателями. Ибо подлинный робот именно тот, кто себя таковым не признаёт, ибо не осознаёт себя таковым.

Собственно «человек» – это не природное, а социальное качество, или «знак качества», присваиваемый каждым роботом себе, отнюдь не в силу понимания, а в силу общественного недоразумения или, говоря проще, в силу изначального невежества, укоренённого в социуме с древнейших времён. Я тут не «открываю Америку» и не «изобретаю велосипед», но лишь напоминаю, что это давно известно, но известное плохо ещё осознано не только социальной массой, но и её политическими лидерами и

духовными пастырями. Нам многое известно, но понимаем мы отнюдь не всё из того, что нам известно.

Так дети, увидев однажды дядю, говорят в следующий раз: «Я его знаю». Но и взрослые не всегда ясно отличают известное по восприятию от известного по осмысленному постижению. А также ещё упорно не желают различать подобные нюансы языка и сознания. Любой учитель со стажем мог бы при желании сам прийти к заключению о том, что люди – это роботы с уже определённой программой в мозгах. Перезагрузить такие мозги иной программой не под силу смертным. Но иногда такое случается, и перезагрузка воспринимается как чудо. Самый известный пример – обращение Савла в Павла, но нельзя сказать, что это крайнее исключение из правил. История знает немало подобных примеров. Причём массовые перезагрузки тоже хорошо известны социальным историкам, но плохо ими объясняемы в материалистическом позитивистском ключе.

Гораздо лучше объяснять историю удалось Гегелю, Освальду Шпенглеру и даже Карлу Марксу, несмотря на его «материализм». Скрещивание идеализма Гегеля с материализмом Фейербаха под пером Маркса привело к заблуждению самих марксистов в отношении их собственного материализма. Если воспользоваться выражением самого Маркса в адрес им критикуемых «позитивистов от физиологии» Фогта и Молешота – «бродячие вульгаризаторы», то мировоззрение марксистов-ленинцев будет верно обозначить термином «вульгарный идеализм». Ибо диалектика с материализмом если и скрещивается, то так, как конь с ослицей. Рождаются от этих родителей, как известно, мулы, не способные к дальнейшей репродуктивной функции.

ИТУ показывает, что «диалектика» = «9» (27) = «жизнь» = «математика» = «правда» = «разум» = «эротика». И ежели по сию пору диалектика мало кого вразумила, то лишь по той причине, что сами диалектики держались в стороне от математики, от правды, от жизни, от разума и, главное, от эротики. Этого нельзя сказать об авторе, который всегда стремился всё перечисленное объять своими руками и мозгами¹⁶. Насколько сие удалось, читатель сможет сам оценить.

Кроме Гегеля, Шпенглера и Маркса, надо упомянуть Людвиг Витгенштейна. «Логико-философский трактат» увидел свет в том же 1918 году, что и «Закат Европы» Шпенглера. Вывод Витгенштейна о том, что ответ на загадку жизни в пространстве-времени лежит за пределами пространства-времени, ИТУ подтверждает более чем убедительно.

Труды Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса тоже служат хорошим подспорьем для восприятия начал ИТУ. Идея Ясперса об «осевом времени» нашла своё воплощение в Таблице ИПСЭЖ, где горизонтальная ось, обозначенная белым пунктиром, названа «ось Карла Ясперса», а в вертикальной два фрагмента в Таблице обозначены под цифрами «2» и «8» и названы мною «ось Святого Юрия» и «ось Иисуса Христа». Хотя в сущности это одна ось, что обнаружилось, когда квадрат Таблицы я трансформировал в куб¹⁷. Особого греха не будет, если осевая вертикаль будет оставаться как бы из двух полуосей, и Святой Юрий (Георгий) Победоносец разделит честь с Иисусом Христом, смыкая концы своей полуоси с концами Его полуоси. Стереометрию Кода я так и не исследовал, оставив это специалистам. Х.-Г.Гадамер с герменевтикой тоже достиг понимания того, что язык имеет свою истину, с которой необходимо считаться.

Отнюдь не меньшее, чем названные европейцы, влияние на меня оказали и соотечественники: Константин Мегрелидзе, Михаил Бахтин, Лев Выготский, Мераб Мамар-

¹⁶ А также внедриться в это перечисленное своими членами. – Прим. научного редактора, «заэротизированного» автором.

¹⁷ Читатель сможет убедиться в этом наглядно, когда приобретёт «первую» книгу с иллюстрациями к этому тезису. – Прим. научного редактора, ничего в этих иллюстрациях не понимающего.

дашвили, Эвальд Ильенков, Иван Ильин, Лев Шестов. Каждый из них был неким этапом в моём продвижении к самоутверждению в качестве человека разумного. Завершил моё методологическое образование Юлиан Щуцкий, о котором подробно говорится в «первой» и в «третьей» книгах.

Когда иные почитают себя гомо сапиенсом, не потрудившись самому себе удостоверить эту самую «разумность», то мне просто смешно и грустно одновременно. Смешно от наивного самомнения роботов, коим общество внушило, что они, едва вылупившись на свет, обладают «правами человека», но зачастую, прожив жизнь, так и не постигают «обязанностей человека». Грустно от ощущения той пропасти, которая отделяет робота, осознающего свои обязанности как существа, наделённого способностью соображать, от тех, кто даже не желает напрягаться в этом направлении, хотя предполагается, что и они этой способностью обладают.

Всё здесь сказанное ИТУ выражает лаконично и точно посредством чисел:

«робот» = «9» (27) = «жизнь»;

«киборг» = «8» (26) = «раб Бога» = «еврей»;

«чело-век» = «9» (36) = «космос + свет» = «Аристотель» = «Исаак Ньютон» = «Карл Маркс»;

«космос (24) + тьма (11)» = «8» (35) = «вечность» = «Иуда Искарот» = «Карабас-Барабас»;

«сын (09) Бога (14)» = «5» (23) = «совесть» = «Сократ» ~ «(32) «5» = «Конфуций» = «глупость»;

«тёмная энергия» = «9» (63) ~ (36) «9» = «энергия» = «эволюция» и т.д и т.п.

Глава 11. Глас Небес и Вопль Преисподней

С самого раннего детства (конец 1940-х годов) я с особым пристрастием изучал окружающую меня действительность, сперва у Андреевской церкви и на Владимирской горке в Киеве, а позже на широких пространствах любимой моей Родины. А загадка русского мата мне не давала покоя, как, скажем, на Западе до сих пор многих мучает загадка русской души.

Вот, кстати, замечательный пример из 1960-х годов так называемой «оттепели» – анекдот под названием «Мировоззрение советского интеллигента»: «Как посмотрю во круг – ёб твою мать! А как подумаю – ну и хуй с ним!»¹⁸. Попробуйте передать этот смысл приличными словами объёмом в те же два предложения! Величие и мощь языка, помимо всего прочего, ещё и в лаконизме ёмких смыслом выражений, в богатстве разных оттенков, нюансов и т.д. У запретов, оказывается, помимо прочих, есть и сакральный смысл. Именно таковой касается запрета на русский мат¹⁹. Теперь же и только теперь (!) загадки русской души и русского мата замечательнейшим образом раскрываются. Эта сенсация, по-моему, претендует на хит сезона как минимум XXI века, хотя этот сезон завершится уже в 2060 году, когда начнётся первый акт новейшей пьесы.

Дело в том, что русский мат – это язык управляющей Программы Универсума, или ключ Кода, позволяющий считывать Замысел. А понимать Замысел сегодня, когда нас упромысливает Вселенский Разум, мягко говоря, во все наши дырки, ой как не

¹⁸ Или замечание прораба строителю, перенагрузившему в бадью цементный раствор: «Нахуя нахуярил дохуя?! Выхуярявай нахуй!». – *Прим. научного редактора, не лишённого лирики.*

¹⁹ Об этом неоднократно будет идти речь в последующих книгах автора. Хотя и эпизодически. – *Прим. научного редактора, которого русским матом не напугать.*

лишне. До сих пор такая привилегия, ежели по большому счёту, имела только у православных святых и у очень продвинутых в премудрости Божьей иерархов Русской Церкви. Но даже в их случае это понимание едва ли обладало столь глубоким научно-концептуальным характером, какой предлагают ныне начала ИТУ, изложенные в моих трудах праведных (и грешных одновременно). То сокровенное, о чём могли тайно шептаться лишь избранные и посвящённые, становится наконец явным, как и было сказано в Евангелиях: нет ничего тайного, что бы не стало явным в своё время. Наше время тайны эти обнажает. Я вовсе не хочу, как это кому-нибудь может показаться, упрекать в лукавстве православных учителей, знавших тайное. Уверен, что смысл и подлинное значение мата для них было сокрыто, чем и достигалось сохранение этой тайны. Нет лучшего сокрытия сакрального, чем помещение его в преисподнюю. Никому ведь не придёт в голову искать Бога в компании чертей. И наоборот, нигде себя так уверенно не чувствуют черти в людском обличье, как пробравшись к алтарю. История Церкви тому знает массу примеров. Один из самых показательных – это ересь жидовствующих при Иване III. Если же взять историю папства и Ватикана, то там иллюстраций к сказанному будет ещё больше.

Ещё в «первой», которая будет опубликована второй, книге я был вынужден весьма плотно и скрупулёзно просчитывать слова ненормативной лексики²⁰, изо всех сил стараясь, чтобы доза её употребления была минимальной, то есть щадящей. Однако сам предмет моих исследований настойчиво требовал углубить и расширить эту тему. Спорить с со-Автором оказалось крайне больно²¹, и я подчинился. Сожалеть об этом не пришлось, напротив, открытия в области нумерологии русского мата ошеломляли своим сакральным смыслом и значением.

Однако тут нет нужды приводить эти красноречивые и очевидные примеры с числами бранных слов. Я не люблю повторять уже сказанное без крайней на то необходимости. Но тут имеет смысл ещё раз повторить общую мысль моей «первой» книги о том, что русское культурное самосознание начинается в языке с поэзии и математики как бы в их независимости друг от друга. Пушкин и Лобачевский были современниками. Тот и другой – это некий взрыв, то есть вдруг как бы из ничего возникли гении культуры мирового масштаба. И Пушкин сразу видит задачу: «поверить алгеброй гармонию». Потом сознание и язык развиваются через прозу, театр, оперу, музыку, философию, науку, а математика идёт своим путём, опираясь на язык чисел, и вроде как особняком, но, как выяснилось, навстречу именно поэзии, то есть поэтами и математиками очерчивается некий круг, внутри которого все прочие творцы жанров русского культурного кода, включая философов и учёных. Религия (православие) тут присутст-

²⁰ Кроме словосочетания «ненормативная лексика», в русском языке есть ещё и такие понятия, как «мат» и «нецензурная брань». По поводу последнего должен сказать, что в одна тысяча семьсот не помню точно каком году царь (ещё не император) Пётр Первый издал Указ о цензуре, согласно которому некоторые слова и выражения запрещалось воспроизводить в письменной форме. После этого народ с нескрываемым удовольствием начал использовать эти слова и выражения в устной (то есть нецензурной) форме. Так появился русский мат, которым до сих пор пользуются японцы, голландцы, прибалты, скандинавы и прочие народы, в языках которых так называемых «ругательств» нет. Например, англоамериканское «Fuck you!» , принятое у нас считать тамошним матюком, на самом деле таковым не является, потому что слово «fuck» является «пустым понятием», то есть словом, не имеющим денотата (тогда как слова «хуй» или «п-зда» такие денотаты имеют). И когда я читаю или слышу о том, что русские и украинцы – братья-славяне, то я всегда вспоминаю о том, как различается их мат. У русских всё связано с половыми органами, а у украинцев – с органами физиологического отправления. Например, «не ёб твою мать», а «трясця твої матері» («трясця» по-русски – «понос») або «трясця твої біді» (что по-русски означает «чтоб ты усрался»), не «пошёл нахуй» или не «пошёл в п-зду», а «пшов у жопу». – Прим. научного редактора, начитавшегося ненормативной литературы, включая рукописи автора.

²¹ А на научного редактора со-Автору, слава Богу, плевать и начхать! – Прим. научного редактора, выживающего окормлением друзей, а не Верхних Сил.

вует неявно как некий шаблон, с которым сверяется траектория (кривизна) собственно культурной сферы (круга). И в Европе был тот же путь проделан, но шаблоном служило католичество. В XVI веке этот шаблон раскололся на протестантский вариант, а в XVIII веке возник ещё и атеистический компонент шаблона. Так что кривизна культурной сферы, как и её целостность на Западе оставляет желать...

Я сошлюсь здесь на двух поэтов, Евгения Боратынского и Иосифа Бродского, как на вехи начала движения (золотой век поэтической мысли) и его конца, то есть замыкания круга, соединения поэзии и математики, завершения культурной задачи самосознания. Велимир Хлебников – веха середины этого пути, современник Аполлинера (см. эпиграф в начале книги). Бродский же заявил, что литература вовсе не о жизни, да и жизнь не о жизни, а всего лишь о двух, более или менее двух категориях – о пространстве и о времени. Это было сказано поэтом в одном из последних его интервью и этим, пожалуй, завершился XX век, а с ним и два века бурного развития русского культурного кода.

Процесс состоялся. И пора бы нам осознать его результат, понимаемый как этапный и переломный момент всей глобальной культурной истории, а не только русской. Пора осознать своё место и предназначение в этом мире и в данный момент времени. Я имею в виду всех, кто думает и говорит по-русски и, стало быть, принадлежит к русскому культурному коду: **«русский (20) культурный (37) код (15)» = «9» (72) = «Творец (33) и (01) Создатель (38)» = «духовная (36) энергия (36)» = «трансфинитное (52) число (20)»**, то есть запредельное в переводе на русский. А **«число» = «2» (20) = «зло»**.

Чтобы это осознать, надо научиться думать правильно и соотносить верно. Этому как раз и учит ИТУ. Она учит методологии синтеза, где тезис соединяется с антитезисом, плюс – с минусом, добро – со злом, Бог – с дьяволом, горнее – с преисподним и т.д. Соединяются не абы как, а в точной и определённой числовой пропорции золотого сечения. Именно в этом весь фокус: познать добро и зло – это не просто познать их в отдельности друг от друга как оппозиции. Надо познать меру их необходимого сочетания в целом, в единой действительности Вселенной. Этой мерой и держится наш мир и собственно «пространство-время», вся видимая нами Вселенная и мы сами, созданные по образу и подобию.

Карл Маркс определил синтез – категорию гегелевской системной диалектической философии – как революционную практику. И тут классику нельзя отказать в прозорливой точности. Так собственно и происходит в жизни, которая, как правило, заметно опережает теоретиков, эту жизнь объясняющих. «Философия приходит к слову слишком поздно, когда действительность уже завершила своё формирование», – писал Гегель в переводе с немецкого, равно как и Маркс пользовался тем же языком классической философии Нового времени, но уже опережая формирование в социальном контексте. С прогностической силой марксизма не сравнится никакая позитивистская наука. Только следует отличать собственно марксизм от его профанации правящей партией или иными не очень умудрёнными революционными «урмарксистами».

Но с думающими и пишущими по-русски ситуация заметно изменяется. Я не хочу сказать, что наши поэты («поэт в России больше, чем поэт») и прозаики²², философы и учёные, богословы и математики заметно опережают действительность и пророчат о будущем так, что оно перед нами зримо и конкретно появляется в чувственных формах. Однако весомая доля истины в моих словах о прогностической силе русского языка и о нашем апокалиптическом самосознании, конечно же, присутствует: **«русская (24) идея**

²² Не то «про каких, хрена, заек», не то «про каких заик»... – Прим. научного редактора, утомлённого утомительной прозой прозаика.

(18)» = «6» (42) = «эсхатология» = «достоинство». ИТУ даёт тому массу отдельных примеров, не говоря уже о «Коде Спасения» в целом.

Чтобы осуществить синтез в собственном сознании, то есть предвосхитить «революционную практику» Маркса, необходимо испытать на себе информационный шок, преодолеть когнитивный диссонанс, как это именует психология. Это примерно то же самое, как если бы вы переформатировали жёсткий диск своего компьютера, сканируя и удаляя большое количество вредоносных вирусов, блокирующих его работу. Таким диском в данном случае будут ваши мозги. Они заражены массой предрассудков как религиозного, так и наукоподобного свойства, традиционными табу и всякого рода темами (привычками, возведёнными в ранг сакральной неприкасаемости). И всё это присутствует в вашем личном языке как персональный стереотипный код судьбы, вам вовсе не известный. Не вы собой управляете, а вами управляет Программа Универсума, являющего собой киберсистему.

Без шока, без потрясения всех основ культуры, сознания и бытия обрести понимание о том, что с нами и с миром происходит в начале третьего тысячелетия, едва ли возможно. Я это адресую именно людям культуры, которые уже состоялись, которые образованы и грамотны, которые привыкли мыслить, мозг которых не спит и всегда подключён к ноосфере, душа которых болеет о мире людей. Ибо если они не уразумеют, то от остальных этого ждать не приходится. Нам предстоит ЕБЭ (единый божественный экзамен), который мы обязаны сдать успешно. Иное здесь не обсуждается. Ради этого собственно и пишу.

Я сам через это всё прошёл, поэтому знаю, что говорю. Многие люди моего и старшего поколения шокированы теми или иными явлениями последнего времени. Но я веду речь не о явлениях, а об их сущности, о том, что скрыто от глаз, но может открыться умственному взору, тому, что называют мировидением, мировоззрением, идеологией. Я говорю о языке вообще, а в данном особом случае о русском мате. Когда мы с этим сталкиваемся в обыденной публичной жизни, то естественная реакция каждого нормального человека легко предсказуема и понятна: ненормативная лексика, грубость, пошлость, хамство и т.п. Сложнее, когда эта лексика встречается как эпатажное вкрапление в художественной прозе или в поэтических опусах, как, например, в «гариках» Игоря Губермана. И совсем уж невыносимая ситуация, когда мат соединяется с поэзией (именно так!) не в качестве вкраплений, а в качестве её основы. Классический пример – сочинения Ивана Степановича Баркова²³, бывшего предтечей культурного взрыва Пушкина и Лобачевского. Тут шок вам будет гарантирован на все 100%. Ибо в его поэзии присутствует изначальный синтез праведного с грешным, нормативной лексики с сакральным матом, за которым кроется математическая программа, собственно язык управляющего уровня этой программы не поддающийся аналитическому расщеплению.

Я здесь не касаюсь обширнейшей темы «карнавального сознания», практика которого известна в культуре средневековой Европы и на Руси имела место. Эта тема отлично раскрыта в исследованиях разных авторов, среди которых и Михаил Бахтин. Но должен подчеркнуть, что Новое время утратило смысл и потеряло с этим одну из важнейших функций карнавала – терапию самосознания современного общества. Ритуальное действие превратилось в шоу, в банальный бизнес. Главный смысл карнавала – это обязательное участие всех членов общины в нарушении всех обычных норм и приличий, которых принято придерживаться в течение года. Корнями эта традиция уходит в первобытно-общинные племенные времена родовых языческих культов. Ненорматив-

²³ Автор забыл упомянуть Александра Сергеевича Пушкина, а также нашего современника Леся Подрвянского. – *Прим. научного редактора, читавшего о первом и заочно знакомого со вторым.* – Я не забыл и Подрвянского упоминал прежде как раз в контексте его негативного отношения к мату через призму мовы («кацапизмов»), что лично моё чувство языка оскорбляет. – *Прим. автора.*

ность поведения на карнавале именно вменяется всем точно так, как в иное время она запрещается. Тут нормой становится ниспровержение норм обыденной жизни, её приличий.

Совершенно очевидно, что в русском языке слова «мат» и «математика» однокоренные. То же касается и философского понятия «материя». И если я взялся рассмотреть русский язык через его математическую (цифровую) основу, то нам придётся наряду с нормативной лексикой просветить тем же самым светом чисел и лексику ненормативную. При этом следует иметь в виду, что сказанное о языке будет столь же справедливо и в отношении сознания, которое тоже возможно как нормативное, так и ненормативное. Ведь язык суть не сам по себе сущий, а звучит как внешне выраженное сознание его пользователей (или носителей). Как раз числа и позволят нам внести определённую ясность в проблематичную и часто дискутируемую тему как лексических нормативов, так и (страшно сказать!) идеологических координат нашего собственного самосознания.

И сразу считаем:

1. «Норма» = «1» (28) = «культура» = «дьявол».
2. «Язык» = «2» (20) = «число» = «зло».
3. «Лексика» = «1» (19) = «лирика» = «физика».
4. «Сознание» = «1» (37) = «Универсум».
5. «Самосознание» = «6» (51) = «Сверхразум».
6. «Математика» = «9» (27) = «разум» = «жизнь» = «правда» = «эротика» = «диалектика». "Арифметика" = "6"(33) = "метафизика" = "Иисус Христос" = "число(20) + смысл(13)".
7. «Высшая (21) математика (27)» = «3» (48) = «Господь (35) Бог (13)» = "число + смысл + мир(15)".
8. «Нормативная (47) лексика (19)» = «3» (66) = «дезинформация». Тут будет очень выразителен и точен смысл следующего уравнения: "Святая (19) ложь (22)" = "5"(41) = "Новый(20) Завет(21)".
9. «Нормативный (44) язык (20)» = «1» (64) = «Космический (37) Разум (37)» = «Некто (24) Незримый (40)».
10. «Нормативное (53) сознание (37)» = «9» (90) = «шестьсот (30) шестьдесят (40) шесть (20)», то есть «число (20) зверя (33)» = «8» (53) = «чёрная дыра».
11. «Ненормативная (59) лексика (19)» = «6» (78) ~ (87) «6» = «иррациональное (67) число (20)».
12. «Ненормативный (56) язык (20)» = «4» (76) = «историческая (45) личность (31)».
13. «Ненормативное (65) сознание (37)» = «3» (102) → «три (12) сто (10) два (09)» = «4» (31) = «Буратино» = «Иерусалим» = «Голгофа» = «личность» ~ (13) «4» = «Бог» = «Смысл» = «Дао» = «Дух». Стало быть, ненормативное объемлет собою нормативное, ибо шире и вместительнее. И вовсе не значит, что за рамкой нормы остаётся хаос бессмыслицы. Собственно так же иррациональной сознание вмещает в себя рациональное и ещё плюс некий довесок: "интуиция" = "8"(26) = "закон". Естествен вопрос: чей закон? Понятен и ответ: "Закон(26) Божий(20)" = "1"(46) = "информация". Поднимите глаза выше (пример 9.) и обнаружится, что Космический Разум(64) и Закон Божий(46) -- это зеркальные числа, равно как нормативный язык(64) и информация(64).
14. «Нормативное (53) самосознание (51)» = «5» (104) → «пять (19) + сто (10) + четыре (32)» = «7» (61) = «абсолютное (41) число (20)» = «Вселенская (37) п-зда (24)».
15. «Ненормативное (65) самосознание (51)» = «8» (116) → «восемь (25) сто (10) шестнадцать (41)» = «4» (76) = «историческая (45) личность (31)», то есть суть то же число, что и в случае с языком (см. пример 12).

А ведь есть ещё и "подсознание" = "З"(57) = "шизофрения", и "надсознание" = "4"(49) = "Программа". Полагаю, что данных пятнадцати пунктов вполне достаточно, и комментарии тут далее излишни. Разве что не лишним будет ещё раз подчеркнуть известный марксистский тезис об исторической относительности всех и всяческих норм. То, что служит нормой в период эволюционного роста и развития, утрачивает такую роль и значение в моменты революционных взрывов и пертурбаций. Тут уже действуют иные нормы – так называемой «революционной целесообразности».

Революционная практика – это, повторяю, по Марксу и есть тот самый синтез, о котором Гегель толковал в своей философии. Нормативной лексикой адекватно выразить то, что такое синтез собственно в теории и в философии, ещё никому не удавалось так, чтобы это смогли уяснить себе те, которые привыкли пользоваться лишь альтернативно-бинарным нормативным мышлением, в котором синтез изначально запрещён (логический закон исключённого третьего). А вот русский мат – это как раз и есть изначально тот самый специфический язык синтеза, ибо он весь держится на смыслах совокупления противоположных полюсов, зарядов инь и ян. Именно в этом его сила и мощная энергетика, способная и сокрушать и созидать. В мате оппозиции соединяются. Там нет выбора: «или хуй, или п-зда», а есть непереносимое их безальтернативное соединение. То "третье", что не дано формальной (нормативной) логике Аристотеля, русскому мату не просто дано, а вменяемо как принцип и закон. Платон, хотя и не употреблял русский мат, но с точки зрения Аристотеля пользовался ненормативным сознанием, что в последствии было названо иррационализмом, то есть неразумным мышлением, тогда как за норму был принят рационализм.

Запрет на публичное использование ненормативной лексики, оправданный в подавляющем большинстве случаев, тем не менее явился мощной преградой в развитии гносеологии (теории познания). Вот почему до сих пор религия и философия как-то уж слишком по-детски пытаются объяснять взрослым этот мир, когда речь заходит, к примеру, о тайне Святого Семейства или о метафоре Святой Троицы и т.д. и т.п. Однако пора уже стать умом совершеннолетними и перед тем, как осуществлять синтез практически, просчитывать ожидаемый эффект в уме. Чтобы владеть собой и ситуацией. Не владея русским матом, не понимая его сакрального смысла и тайного значения, трудно рассчитывать и на успешную модернизацию страны, и на преодоление тех космических вызовов, которые уже валяются на наши головы и плечи.

В конечном счёте смысл нашего пребывания на земле не в том, чтобы только мыслить и страдать. Тут далеко не все поэты и философы. Смысл русских человек – «сказку сделать былью». И в этом кое-какой опыт у нас уже имеется. И этот опыт свидетельствует: без мата в России ничего не делается, ибо для нас весь минувший век – это перманентная революционная целесообразность. Но сие вовсе не означает его публичную реабилитацию в общественном сознании. Просто интимное самосознание следует каждому русскому изрядно прочистить и прикусить свой язык, не поминая всуе Бога, душу и мать на публике. В хорошей беседе далеко не всё говорится из того, о чём думается. А уж если и говорится, то за слова надо отвечать по понятиям. Где есть понятия, там законы не нужны. А там, где нет понятий, законы бесполезны, ибо бессильны. А силовое принуждение к законопослушанию опять же требует понятий у самих принудителей, что крайне редко случается в российской действительности. Ведь у нас принято чужим умом руководствоваться, нормами иноязычных мудрецов.

На Западе действует материальный интерес и мотивация, а в России – матовые интересы и матовая мотивация. В нашей программе – победа любой ценой, и торговаться нам в облом. Это наблюдается и в отношениях с людьми и с Господом Богом. Евреи, кстати, с Богом торгуются. А православным такой мир, где правит бабло, где человека измеряют материальным аршином, лицевым счётом в банке, – похуй! Нам он ни по нутру. Это та скрытая метафизическая программа нашего культурного кода, следы воздействия которой видны на каждом шагу во всех порах русской жизни, которую

безуспешно пытаются осмыслить рационально всевозможные умники в родном отечестве и за бугром. Русское пьянство запойное - это подсознательный протест в адрес Бога, сотворившего такой хреновый мир. Дворяне протестовали русской рулеткой, крестьяне крепились и терпели сколько хватало мочи, а пролетарии и интеллигенты уже надирались до потери образа и подобия, послав Бога нахуй со всеми Его заповедями.

В наши дни с приличным ускорением происходит массовая дебилизация населения планеты. Гомо сапиенсы, сами того не замечая, превращаются в гомо ступидосов, оставаясь при этом в ложном самомнении насчёт собственных достоинств ума и прочих качеств души. Истина, которую Иисус определил как «**Я есть путь и истина и жизнь**» = «6» (105), похерена откровенно и демонстративно. О ней если где и вспоминают, то лишь в храме при службе. Но понимания это упоминание не сообщает. Веруют сердцем, но с умом такое сердце не в ладах. Церковники средних и нижних уровней иерархии по инерции тысячелетий взывают к чувствам прихожан, но пытливого разуму помочь способны мало чем. Завет апостола Павла – стать умом совершеннолетними – если и не забыт, то усердно не исполняется. А что толку от благопожеланий, если неизвестно, как это сделать?! Как стать совершеннолетним именно умом? Как развить соображение и согласовать противоречия разума? Как соединить с разумом совесть? И как закалить при этом волю к жизни, которая не поддаётся благим уговорам? И как при этом, пусть даже достигнутом единстве всех интенций души и тела, себя вести в реальном мире? Так как повёл себя Иисус Назаретянин? Едва ли такое поведение будет оправдано спустя два тысячелетия после Него. Это бы означало впадение зрелой и даже дряхлой цивилизации в историческое детство, что равносильно старческому слабумию и впустую прожитой истории.

Вот почему зрелые мужи и дамы всё чаще с возрастом предпочитают впасть в детство, вместо того чтобы обрести мудрость совершенного знания истины²⁴. А болезнь Альцгеймера резко помолодела и широко распространяется по миру, поражая людей, едва достигших середины библейского срока. Этот срок, как известно, обозначил Сам Господь: «Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет» (Быт. 6: 3). На вопрос, почему этот срок крайне редко достигаем, есть ответ Иоанна Златоуста: смерти бывают своевременными и несвоевременными. Первые – по праведности, вторые – по грехам. Но для медиков Библия, к сожалению, не учебник, с которым необходимо считаться, постигая загадки физиологии человека.

Истина, как верно подметил Эрих Фромм, открывается не интеллекту, а характеру, то есть всей совокупности качеств человека в целом – интеллектуально-нравственной личности, где чувства и разум спаяны неразрывно волей и совестью так, что друг без друга, по одиночке не работают. Вот почему, вопреки расхожему заблуждению Запада, истина никогда не рождается в спорах²⁵, ибо всегда пребывает в стороне от спорящих, что отлично знали уже в древности мудрецы на Востоке. Истина предшествует всем, о ней спорящим, хотя и сокрыта от них. К Истине возможно лишь причаститься с Её же соизволения, как это и показал ученикам Иисус Назаретянин. Пилат, задав вопрос Иисусу «Что есть истина?», не удостоился ответа. Почему? Да просто потому, что он не был предуготовлен к Её восприятию, не удостоился знать тайное.

Сегодня пришёл срок, когда тайное должно стать явным для всех, неважно, готовы ли все к такому восприятию или нет. Это уже их собственная проблема – способ-

²⁴ Мудрость приходит с годами! И уходит, не застав никого дома... – Прим. научного редактора, находящегося на подходе к отходу от мудрости.

²⁵ Потому что в спорах, как известно, тот, который неправ, – это дурак, а тот, который прав, – это сволочь и подлец. Ибо спорит всегда тот, кто не знает, а знающий – помалкивает. – Прим. научного редактора, которому автор велел не помалкивать.

ность воспринимать тайное. Я оглашаю Истину о Себе (Утешителе), о Христе, об Отце Небесном и о человеках, дыхание которых в ноздрях их, ибо что они значат, как сказано у Исаяи. Делается это языком чисел ИТУ, что является дешифровкой криптографии (тайнописи) Господа Бога на языке Универсума – русском языке. Мат – это лишь один аспект этой тайны. Зная это, легко себе представить, каким будет суд и что такое конец света.

1. «Истина» = «3» (12) = «свет» = «буква».
2. «Отец» = «3» (21) = «сфера» = «мера» = «цифра» = "ЭКИСФМК".
3. «Иисус Христос» = «6» (33) = «свет (12) + сфера (21)» = «буква (12) + цифра (21)» = «истина (12) + мера (21)» = "число(20) + смысл(13)" = "арифметика".
4. «Богочеловек» = «2» (56) = «русский (20) человек (36)» = «Сверхглупость» = «нравственность».
5. «Гомо сапиенс» = «2» (47) = «наноробот» = "Бог Святой Дух" = "революция".
6. «Суперробот» = «9» (54) = «Вседержитель» = «Процессор» = "шизофреник".
7. «Универсум» = «1» (37) = «Сознание» = "женщина".
8. «Создатель» = «2» (38) = «Киберсистема».
9. «Бог Суперробот» = «4» (67) ~ (76) «4» = «историческая (45) личность (31)» – это пара инверсных (зеркальных) чисел. Таким числом был «Моисей» = «4» (22) = «слово» = «ложь» = «урок» = «намёк», что раскрывается через очередную буквоцифровую конвертацию числа его имени «4» (22) → «четыре (32) двадцать (26) два (09)» = «4» (67) ~ (76) «4».

Этим же числом является и моё имя: «Юрий (17) XiT-XoL (24) Утешитель (35)» = «4» (76) = «историческая личность».

Но первым Утешителем был «Иисус (07) Назаретянин (53)» = «6» (60) = «Вселенский (33) Разум (27)» = «центр (29) симметрии (31)» = "иррационализм". Поэтому Он и сказал ученикам: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины» (Ин. 14: 6).

«Иисус (07) Христос (26)» = «6» (33) → «шесть (20) тридцать (29) три (12)» = «7» (61) = «абсолютное (41) число (20)» = «Вселенская (37) π-зда (24)», то есть число π.

Стало быть, Я вправе заключить, что в этом имени содержится суммарный смысл, или синтез: «центр (29) симметрии (31) + Вселенская (37) π-зда (24)» = «4» (121) = (11)², а это и есть «Квадрат XiT-XoL» или «Код Спасения», в котором 11 x 11 = 121 ячейка с элементами информации: «четыре (32) сто (10) двадцать (26) один (19)» = «6» (87) = «иррациональное число», что означает в инверсии ~ «6» (78) = «ненормативная (59) лексика (19)».

10. «Бог Святой Дух» = «2» (47) = «Юрий (17) Галушко (30)» = «гомо (23) сапиенс (24)» = «наноробот», а зеркальная инверсия данного числа «2» (74) = «древо (30) познания (44)» = «Планетарный (47) Разум (27)» = «Планетарная (50) π-зда (24)». Сумма и этой пары инверсий (47) + (74) = «4» (121) – «Код Спасения».

Вот в этом, дорогой читатель, и вся мораль тех, кто умеет не только правильно мыслить и верно соображать, но и тонко чувствовать космическую реальность бытия нашего в конце времени, отпущенного Программой на эту цивилизацию. Всё это вместе обязывает к соответствующему поведению в природе и в культуре. Остальным же «моралистам», умора-теоретикам и горе-практикам, как известно, Законы Божии не писаны. Они сочиняют свои недоумочные понятия и правила, да и ещё всеу поминают имя Господа, в Кого не верят, а тем более Его не знают. И ежели Он нашу маму ебал²⁶,

²⁶ Заходит в бар старый такой ковбой в шляпе, при всех делах, с кобурой... Поддатый уже, хороший. Подходит к стойке бара, пошатываясь: «Тройной виски!». Ему наливают тройной виски, он залпом опустошает стакан. Пьяным взором оглядывает бар, присматривается, к кому бы ему доебаться.

то имеет на то Свою Волю и полное право, ибо «женщина» = «1» (37) = «Универсум» = «сознание». И, само собой ясно, что и нас всех Он выебет так, что мало никому не покажется. Утешает лишь то соображение, что душа вне тела ещё имеет свою историю и перспективу новых жизней в пространстве-времени. А день смерти лучше дня рождения, как сказано у Екклезиаста. Полагаю, что ветхозаветный Проповедник прав, если и новозаветный Богослов предупреждал, что живые будут завидовать мёртвым. Теперь и сами можете догадаться, что имел в виду апостол Павел, написав: «не все мы умрём, но все изменимся».

Когда человек приходит в этот мир, то радость от такого события обычно испытывают родители. Когда же он покидает земную обитель, печалются обычно близкие (или изображают печаль). А вот впечатления и чувства самого виновника сих торжеств нам фактически неизвестны, если не принимать в расчёт всякие домыслы. Подозреваю, что эти впечатления и чувства прямо противоположного знака, чем у окружающих. Хотя бы из так нам присущего духа противоречия. Да и симметрия в Мироздании хоть как-то таким образом поддерживается. Ведь нас никто не спрашивает, хотим ли мы тут появляться. По умолчанию принято думать, что пребывание здесь – это уже счастье великое и, следовательно, расставание с миром – это ни с чем не сравнимое горе. Подозреваю, что всё это – чушь несусветная, но убеждать никого не намерен. Это лично моё умозрение и суперлогика суперматизма ИТУ.

Ввиду такой отнюдь не самой радужной для обыденного сознания перспективы я рекомендую не исключать из своего интимного словаря ту самую толику «великого и могучего», где эта мощь представлена в особо концентрированной форме русского мата. Словарь этот надо уважать и беречь для самых крайних и подходящих случаев, не метая чёрный бисер публично. Он нам поможет в лихую годину выживать и спасаться. Ненормативность нашей реальности будет лишь нарастать и усугубляться. Тому яркое подтверждение пожары этого лета в России, наводнения в Европе, в Китае и в Пакистане и т.д. и т.п. Познать «нормативы творчества» Господа Бога нам ещё только предстоит, как в чистой теории, так и практически посоучаствовать Ему. Последнее уж никак не получится «чисто», без грязи и крови. Для Бога наша реальность суть то же самое, что для нас та виртуальность, которая представлена в «мировой паутине». Попробуйте вообразить себя персонажем этой «паутины», которого можно выключить нажатием кнопки на клавиатуре вашего компьютера, и вы получите очень верное представление о себе любимом перед лицом Всевышнего. Когда же Всевышний повернётся к вам Своим задом и не будет реагировать на все ваши молитвы, то это как раз тот самый случай, когда вы вправе озвучить свой матерный репертуар. И не стесняться себя при этом нормативной этикой. Он Сам даровал нам мат как последнее средство спасения, как вопль о помощи, когда вы уже в преисподней. Наш язык – это партитура оргбна, то есть нашего мозга, на котором надо всю жизнь учиться играть, постигая все его регистры. Чтобы уметь своим мастерством достигать оргазма и катарсиса одновременно. И одновременно вызывать тот же синтез ощущений в окружающих вас партнёрах по жизни. В итоге мы все узнбем, что смерть – это большой и очень длительный оргазм. Подобно тому как французы именуют обычный половой оргазм маленькой смертью: **"оргазм" = "8"(35) = "мудрость" = "вечность" = "инерция"**.

Подходит к двум молодым ковбоям: «Я вашу мать ебал!». Молодые ковбои – ноль внимания. Разговаривают дальше. Старый ковбой опять подходит к стойке бара: «Тройной виски!». Выпивает залпом, подходит к ковбоям: «Я вашу мать в рот ебал!». Те опять – ноль внимания, разговаривают дальше. Старый думает – ну что же это такое, как бы их разозлить. Подходит к стойке бара: «Два тройных виски!». Опустошает залпом, в очередной раз подходит к молодым ковбоям: «Я вашу мать куда только не ебал!». Два ковбоя встают, берут его под руки: «Пойдём домой, папа. Тебе уже хватит!...». – *Прим. старого такого научного редактора, который кого только и куда только и в что только не е... не редактировал!*

Мой добрый приятель Евгений Бранославный (он же Женя Оргазмов и Эрос Крымский), не чуждый ненормативного рифмоплётства, написал по моей просьбе «Оду во славу русского мата». Вот ею я и закончу эту главу, единственную из всех написанную специально для этой книги. И следует знать и помнить, что **"Господь (35) Бог (13)" = "3"(48) = "христомарксист"** по Своей идеологии, то есть в Замысле, и **"высшая (21) математика (27)" = "3"(48) = "технология"** в Его практическом выражении, то есть в Промысле, в проявлении и реализации идей. Что же касается нас грешных, то наше личное местоимение - это тридцать третья буква алфавита, у которой имеются такие эквивалентные смыслы как: **"Я" = "Иисус Христос" = "русский (20) дух (13)" = "метафизика" = "арифметика" = "Творец" = "Дemiург"**. И это собственно Омега, выражаясь фигурально по библейски. Тем, кто не родился от этого духа, можно не беспокоиться. Они не состоялись и в качестве человекoв, поскольку ведь было сказано: **"должно вам родиться от духа"**. Они не представлены и в книге жизни. Стало быть, каждому родившемуся предстоит вычислять и знать своё имя, его код и смысл, и постигать свою непростую судьбу, чтобы сдать ЕБЭ (единый божественный экзамен). Как говорится, ни пуха вам ни пера, дорогой читатель!

Впрочем, ещё не родившимся от духа, всегда есть шанс успеть и состояться человеком в жизни этой. Если не бояться смерти, то можно обрести **"достоинство(42) человека(37)" = "7"(79) = "Сын(09) Мой(14) Возлюбленный(56)"**. Именно так Господь называл Иисуса Назаретянина, искупившего муками крестной смерти наши грехи, чем и победившего этот мир, то есть "смертию смерть поправ", как говорится в Символе Веры..

Кто разъярённо рвётся в драку,
В огонь и в дым, в крошечный ад,
Под пулями идёт в атаку,
Его молитва – русский мат.

Кто из завала лезет шахты
Не зная, жив он или нет,
Увидев небо, вскрикнет: «Ах, ты!..», –
И русским матом встретит свет.

Пилоты славные России,
Сорвавшись штопором с небес,
В последний миг произносили
Не «Бог, помилуй!», а «Пиздец!».

Мы сей язык не сочиняли
Его впитали с молоком,
Без мата мы б давно пропали,
Крестясь на Небо кулаком.

О русский мат! Везде и всюду
Ты выручал меня как брат!
Бранился я, браниться буду!
Ура тебе, наш русский мат!

Чтобы рассеять сомнения читателя относительно сказанного в этой главе, да и вообще относительно ИГУ, я просчитаю её заглавие: **"Глас (10) Небес (21)" = "4"(31) = "Голгофа" = "Иерусалим" = "личность" = "Буратино"**. **"Вопль (25) Преисподней**

(59)" = "3"(84) XXX (48)"3" = "Господь Бог". Инверсией первого выражения будет: "4"(31) XXX (13)"4" = "Бог" = "Дух" = "Киев" = "смысл". Всем известный греческий миф о царе Эдипе, как я убедительно показал в "первой" книге, это чистой воды совершенно прозрачный космогонический сюжет, когда Смысл-Сын убивает Смысл-Отца и вступает в брачные отношения со своей матерью-Универсумом. Это ни что иное как саморазоблачение Программой собственной киберсущности для своих роботов, то есть людей.

Последние были обязаны поумнеть за две с половиной тысячи лет считывания программы в натуре. Кто не успел, тот опоздал. Бог тут не виноват. А вот русский миф состоит в том, что самый младший брат-дурак становится царевичем, а его старшие братья-умники оказываются посрамлены. О том, как такой царевич будет царствовать и каково будет жить в таком царстве его подданным, русский миф предусмотрительно умалчивает. Дальше уже и последний дурак догадается, кто в этом мире who и как этот мир закончится.

Чтобы вновь начать с того начала, когда слово было числом, а число было смыслом: "Смысл" = "4"(13) = "Бог", а Ему зеркально число "4"(31) = "личность" = "Буратино" = "Голгофа" = "Эверест". Поднявшись на вершину, "...начинаешь спускаться, каждый шаг осторожненько взвесив, шестьдесят - это то же, что двадцать, ну а семьдесят - то же, что десять".

Послесловие от научного редактора

1. Нумерология как таковая

Нумерология – древняя эзотерическая наука о числах. Её нередко называют магией чисел, на самом же деле эта наука гораздо ближе к астрологии, чем к магии. В основе нумерологии лежит следующий принцип: все многозначные числа могут быть сведены к единичным разрядам (простым числам от 1 до 9), которые соответствуют определенным оккультным характеристикам, влияющим на жизнь человека. То есть за каждым однозначным числом закреплены определённые свойства, понятия и образы.

Поскольку буквы алфавита могут иметь числовое выражение через свой порядковый номер, любые слова или имена подвергаются тем же нумерологическим операциям, что и числа. Нумерология, как и астрология, помогает определить характер, природные дарования, сильные и слабые стороны, предсказать будущее, открыть наиболее подходящее время для принятия решений и для действий. С помощью нумерологии можно выбирать партнёров – в бизнесе или браке. Трудно сказать, когда именно зародилась нумерология, по той причине, что в древности (в Вавилоне, Индии, Египте, Греции и Риме) такой отдельной науки просто не было: более распространена была другая форма – арифмомантия (предсказание по числам).

Основные принципы нынешнего варианта западной нумерологии были разработаны в VI веке до н.э. древнегреческим философом и математиком Пифагором, который объединил математические системы арабов, друидов, финикийцев и египтян с науками о природе человека. Пифагор много путешествовал по Египту, Халдее и другим странам; вернувшись, он основал в южной Италии особое философское общество. В этом обществе, пифагорейской школе, изучались науки, особенно арифметика, геометрия и астрономия, и были сделаны важнейшие открытия. Пифагор открыл, что четыре известных в то время музыкальных интервала можно выразить в пропорции между цифрами от 1 до 4. Дальше он понял, что номера от 1 до 4, и к ним добавленные числа,

в сумме составляющие 10, образуют священное число, которое представляет материальную и метафизическую целостность Вселенной, совершенство. Если четыре ноты могут быть выражены цифрами, считал Пифагор, то, вероятно, все сущее также может быть выражено числами. Вселенная выражается цифрами от одного до четырёх, которые при добавлении к десяти становятся источником всего сущего.

Пифагорейское учение существенно повлияло на становление и развитие духовных тайных обществ Европы, таких, как розенкрейцеры, масоны, антропософы и другие. С тех пор и поныне этот вариант нумерологии продолжает развиваться. Особую важность нумерология получила в учении Каббалы, где её разновидность известна под названием гематрии. Каббалисты расширили концепцию Пифагора, используя числа в магических квадратах для различных целей. С открытием в XIX веке учёными природы света, электричества и магнетизма, старинные оккультные значения, приписываемые числам, стали приписывать и вибрациям энергии. Не погружаясь в лабиринты и глубины каббалистической космологии и её эзотерических доктрин, современная нумерология отдаёт предпочтение упрощенному числовому и алфавитному коду, основанному на теориях Пифагора. Пифагор, его ученики и последователи сократили все числа до цифр от 1 до 9 включительно, поскольку они являются исходными числами, из которых могут быть получены все другие. Для сокращения больших чисел в элементарные разработаны разные системы. Самый простой и популярный метод – сложить все цифры этого числа, затем, если образуется 10 или более, сложить и эти цифры. Этот процесс продолжают до тех пор, пока не получают элементарное число от 1 до 9 (в некоторых вариантах нумерологических расчётов двузначные числа 11 и 22, также называемые числами Учителя, не сокращаются до однозначных). По числу можно определить, например, каким будет грядущий год и как его использовать с наибольшей для себя выгодой. С нумерологической точки зрения, время движется по нескончаемо повторяющимся циклам от 1 до 9. В рамках столетий и декад каждый новый год приносит с собой новое число. Дни и месяцы внутри года также могут быть разделены на циклы. Этим циклам подчиняется всё во Вселенной. Каждый из нас обладает собственным индивидуальным циклом, основанным на индивидуальных числах, полученных путем различных операций с датой рождения и/или буквами полного имени.

2. Число имени

Как и в западной нумерологии, в ведической системе нумерологии Число Имени получается в результате сложения числовых значений букв полного имени. В большинстве случаев люди известны по своим именам и фамилиям. Числа, полученные для каждого из этих двух составляющих полного имени, также важны, но имя, которое используется официально и документально, то есть полное имя (ФИО), приоритетно. Таким образом, мы имеем три значимых числа: число имени, число фамилии, число полного имени (ФИО).

Влияние этих трёх чисел проявляется при трёх различных обстоятельствах. Влияние числа имени проявляется всякий раз, когда это имя используется, то есть человека называют только по имени, без отчества и фамилии. Влияние числа фамилии проявляется тогда, когда человека называют по фамилии. А влияние числа полного имени проявляется во всех остальных случаях. В общем, полное имя, которое используется в социуме, в паспорте, свидетельстве о рождении, и является тем именем, которое символизирует нумерологическое Число Имени. Каждое имя содержит в себе определённое число вибраций, настолько важное, что оно влияет на ум и личность человека, который носит его. Имя – это способ выражения, это канал, который можно назвать каналом жизни. Он даёт возможность проявиться деятельности человека и приводит к успеху

или к поражению. Любое отдельно взятое имя содержит определённые вибрации, такие, как:

1. Семейное имя, то есть фамилия, – несет наследственные черты.
2. Первое имя, известное как активное имя, – доминирует над карьерой человека.
3. Пассивное имя, имя отца или мужа – проявляется, когда пишутся только инициалы.
4. Имя судьбы – полное имя, даваемое при рождении.

В то время как Число Имени оказывает довольно-таки сильное влияние на личностную жизнь, оно не влияет на Число Души и Число Судьбы. Число Имени играет ключевую роль в социальной жизни человека. В этом заключается причина, по которой после свадьбы к имени невесты присоединяют фамилию мужа. Считается, что добавление имени семьи к имени невесты создаст гармонию с мужем, и женщина разделит достижения имени всей семьи. Но хотя при добавлении имени семьи (фамилии мужа) можно действительно достичь небольшой гармонии, такое добавление нередко изменяет Число Имени женщины на враждебное число, создавая ей проблемы в социальных отношениях и работе. Часто происходит нивелирование индивидуальных достоинств женщины, впадение её в ментальное рабство. Поэтому, прежде чем проводить какие-либо операции со своим полным именем, следует тщательно всё продумать, обязательно посоветоваться с нумерологом (особенно, если со старым именем у вас жизнь была прекрасной). Не поддавайтесь на нажим родственников: подумайте, что важнее – угодить догматичной свекрови или обеспечить себе удачу и счастье на долгие годы. Если муж продолжает настаивать на том, чтобы вы взяли его фамилию, стоит задуматься о том, не подпал ли он под влияние демонических существ, нашептывающих ему верный способ заполучить новую жертву. Для настоящей любви и счастливой семейной жизни, если она уготовлена паре, совершенно неважно, возьмёт ли жена фамилию мужа или нет. Насильственное добавление чужого имени изменяет индивидуальность женщины и полностью меняет кодировку её биоэнергетической матрицы. Перед добавлением или отбрасыванием слов или букв из имени необходимо проверять будущее предполагаемое Число Имени. В некоторых случаях добавление может принести удачу, а в некоторых нет. Число имени играет очень важную роль в таких профессиях, как писатель, поэт, архитектор, политик, потому что влияние именно Числа Имени этих людей (а не чисел Судьбы и Души) продолжает сказываться даже после их смерти. Первая буква полного имени имеет большее значение, чем все другие буквы в имени. В соответствии с индийской системой, первая буква имени связана с раши (знаком Зодиака) или накшатрой (созвездием). Существуют также отличия между людьми, имеющими чётное и нечётное Число Имени. Люди, у которых Число Имени нечётное, – застенчивые, спокойные, сдержанные, со скрытым творческим потенциалом, который нуждается в освобождении. Одни считают таких людей странными, другие – загадочными: и то и другое объясняется застенчивостью. Тем не менее они упорно добиваются своей цели. Люди с чётным Числом Имени – богемного типа, загадочные, одарённые до гениальности, способные проникать в смысл древних трактатов и философских работ. Возможны способности к изучению астральных сил и управлению ими. В этом случае равновероятно попадание под влияние как тёмных, так и светлых сил. Зачастую эти люди наделены чутьём и талантом драматурга. Актёры от природы, они с успехом пользуются этими способностями. В зрелом возрасте склонны к коммерциализации своей деятельности. Это тип людей с математическим складом ума и способностями к точным наукам. Одинаково легко преодолевают и снова создают себе трудности. Окружающим часто трудно понять таких людей, но они уважают их за умственные способности. Иногда могут стать основателями новых направлений нетрадиционной медицины. Имя человека испускает определённые вибрации. Необходимо, чтобы вибрации дня рождения (Число Души) и вибрации имени находились в гармонии. Чтобы добиться гармоничного соответствия Числу Души или Числу Судьбы, Число Имени можно изменить. Гармония

между Числом Имени и Числом Души создает хорошее окружение для дружбы и социальных взаимоотношений. Того, чьи Числа Имени и Судьбы находятся в гармонии, будут помнить после смерти. Число Имени создает вибрации, по которым человека отличают от других во время его жизни. В некоторых религиях принято при смерти изменять имя человека, чтобы злые духи не могли навредить умирающему и чтобы он смог выжить. Люди, приходящие на приём к нумерологу, часто жалуются на определённые задержки, которые наблюдаются в их жизни, на недостижение каких-либо результатов. Рассмотрев их случаи, нумеролог обычно находит, что вибрации, испускаемые датой рождения (Число Души) и их именами, не находятся в гармонии по отношению друг к другу; таким образом, суммарные вибрации их личности утрачивают свою силу. В этом случае приходится производить перемены в имени, чтобы его вибрации соответствовали вибрациям дня рождения. Выясняется, что простая замена букв в имени сама по себе уже приводит к желаемым результатам. Если после чтения трактовки Числа Имени выяснится, что оно не находится в плохих отношениях с Числом Души и/или Судьбы, то вам можно и дальше продолжать использовать своё полное имя, не внося в него никаких изменений. Но если выяснится, что Число Имени не находится в гармонии с Числом Души и/или Судьбы, то вам лучше задуматься и определить, какое изменение следует произвести, чтобы добиться искомой гармонии. Можно с помощью этой же формы постепенно проверить сочетание разных имен с вашим отчеством и фамилией и внимательно смотреть, будет ли цифровое значение нового Числа Имени гармонировать с вашими Числами Души и Судьбы. Как только вы найдёте подходящий вариант, стоит подумать об официальной смене имени, а также повторять свое новое имя до тысячи раз в день или писать его на бумаге в течение 5 – 10 минут. Как утверждают ведические нумерологи, тогда ваша жизнь станет намного легче и приятней! Для того, чтобы узнать Ваше Число Имени и получить его трактовку, введите в форму (припишите буквам числа) Ваше имя, отчество и фамилию, полученные Вами при рождении. Обратите внимание: в этой форме будут правильно обработаны только имена, использующие русский алфавит (должны быть введены буквы кириллицы). Буквы "Е" и "Ё" имеют разное числовое значение, поэтому подменять одну из этих букв другой нельзя. В системе классической нумерологии это число носит название Число Самовыражения.

3. Некоторые пути нумерологии

В древних системах письменности существовало обыкновение придавать буквам азбуки, помимо звукового, ещё и числовое значение. Например, и в греческой азбуке, и в кириллице буква «А» имела числовое значение единицы.

Вплоть до петровских реформ чрезвычайное неудобство связи букв азбуки с произвольно выбранными цифрами и числами сохранялось. Чаще с «числами», чем с «цифрами».

Так, буква «А» обозначала единицу, буква «А» с тильдой – тысячу, буква «А» с тильдой в сплошной окружности – десять тысяч («тьму»), буква «А» с тильдой в пунктирной окружности – сто тысяч («легион»), буква «А» с тильдой в орнаментальной окружности – миллион («леодр»).

Если принять в расчёт, что не было никакой возможности подвести под единое правило ни сложение, ни умножение, ни вычитание и деление этих весьма своеобразных «числительных», если никакой логикой не было установлено и подтверждено, что «како» + «люди» = (20) + (30) = «наш» (50), то есть буква «К» (20) плюс буква «Л» (30) равнялось букве «Н» (50), а в то же время «слово» + «твёрдое» = (200) + (300) = «ферт» (500), то есть буква «С» (200) плюс буква «Т» (300) равнялись букве «Ф» (500), то как же считать?! В числе, составленном из цифры 5 и двух нулей, уже заложено указание, что оно в 10 раз больше, чем число, составленное из цифры 5 и одного нуля. А вот до

того, что «Ф» (500) в десять раз больше, чем «Н» (50), сколько ни вглядывайся в эти буквы-«цифры», не додумаешься.

Это была тупиковая ветвь на пути к научной нумерологии.

Политический и технический (а равно и идеологический в более широком смысле слова) переворот, осуществлённый Петром I, упразднил цифры-буквы, узаконив арабские цифры.

Но как на Западе, так и у нас в системе наших счетов и расчётов сохранились пережитки прошлого. Мы всегда называем первый – «лучший» – сорт товара сортом «А», второй, тот, что похуже, – сортом «Б».

Математики и те не удержались и обозначают буквой «А» что-либо «первое» по счёту и порядку. Треугольник АВС кажется нам названным как бы «прямо», а треугольник САВ – «наоборот», не так ли? В большинстве случаев мы привыкли встречать пассажиров, которые едут из пункта А в пункт В. Разумеется, они могут столкнуться на пути с пассажирами, следующими из пункта В в пункт А, но мы воспримем этих последних как «обратных», «возвратных» путников.

Если, в конце концов, вам надо произвести дробление какого-то большого труда на параграфы и пункты, вы наверняка начнёте с «римских цифр», перейдёте для более мелких делений к «арабским», затем возьмётесь за буквы русские, латинские, может быть, и греческие. Но, выбрав любой алфавит, вы начнёте счёт ваших делений не с «я», не с «зет», не с «омеги», а, ни секунду не сомневаясь, совершенно механически поставите на первое место русское «а» или греческую «альфу». Почему? Да просто вы впитали «с молоком матери» убеждение, что «А» = (01). Это и стало началом нумерологии научной.

4. Чуть-чуть философии

Значительную часть своей жизни человек проводит как бы в автоматическом режиме, действуя согласно стереотипам, будучи словно загипнотизированным разного рода шаблонами бытия. Но приходит время, когда человек выступает как инспектор, как эксперт, пытаясь или оценить новую нестандартную ситуацию, или переосмыслить ситуацию стандартную, которая по тем или иным причинам стала дискомфортной, стала вызывать подозрения и скепсис.

Для человека утверждение космического миропонимания – это не просто принятие очередной концепции. Это колоссальный духовный импульс, который высвобождается благодаря постижению нового измерения сознания, пониманию взаимозависимости всех форм жизни и способности индивида преодолевать самосотворённые пределы. Понятно, что утверждение космического миропонимания неизбежно влечёт за собой переосмысление жизненных ситуаций, коренную переоценку ценностей.

Символы, ценности, нормы и знания последовательно «вложены» друг в друга, как матрёшки. Самая последняя «матрёшка» – это знания, дескриптивные значения. Можно сказать, что система науки складывается из неявных форм знания, содержащихся в символах (ноология), из форм знания, содержащихся в ценностях (философия, философская антропология), в нормах (социетальные науки – социология, политэкономия и т.д.) и явной формы знания (точные науки). Экспертами в ноологической экспертизе являются Демиург и его пророки. В откровениях и пророчествах, как известно, в афористической форме излагается динамика взаимодействия человека и Космоса.

Философия структурализма показывает, что существуют определённые безличностные (надличностные) логические (математические) системы, которые делают возможным взаимопонимание людей, обуславливают мысли и поведение людей и, таким образом, придают им смысл. Структурная (математическая) рациональность связана не с идеями, а с системами логических связей. Однако структурализм не может ответить

на вопрос, каким именно образом действуют структуры. Создаётся впечатление, что структуры действуют автоматически, что люди являются простыми исполнителями определённых порядков (законов, правил), а их размышления и мотивы не играют при этом никакой роли.

Послесловие от автора (Утешителя)

Я должен сразу решительно отмежеваться от традиционной эзотерической нумерологии. Нумерология информационной теории Универсума – это нумерология исключительно современного русского алфавита и языка. Она как небо от земли отличается от традиционной нумерологии и от Каббалы, в основе которой лежит еврейский алфавит. Это при том, что принцип нумерологического счёта у всех один и тот же: буквы слов и выражений заменяются цифрами, а цифры последовательно складываются до однозначного (традиция) числа.

Заботами моего редактора выше дано краткое описание сути традиционной нумерологии. Из этого и иных источников известно, что нумерологи работают главным образом с однозначными девятью числами, в редких случаях оперируют некоторыми двузначными, а также им известно число Универсума – 108. Мне это число тоже давно известно. «Ката-108» – это основа одного из стилей боевых искусств, которому я обучался в молодости у вьетнамского учителя. Весьма развитый во всех смыслах «мягкий» стиль построен на 108 канонических ударах с защитой от них.

ИТУ, во-первых, не знает ограничений по составу чисел, с которыми имеет дело. Во-вторых, нумерология ИТУ тесно связана с теорией множеств Георга Кантора, с понятием трансфинитных чисел и присвоила введённые Кантором понятия «ординалов» и «кардиналов», придав им чисто нумерологичный смысл: все однозначные числа в кавычках – это кардиналы, а стоящие рядом двухзначные, трёхзначные и т.д в скобках – это ординалы. Кардинал равен сумме последовательного сложения цифр ординала. Например, «9» (666) = «9» (18), «1» (8128) = «1» (19).

Открещиваясь от эзотерики, я подчёркиваю методологически верный принцип, в своё время образно выраженный в кратком тезисе Маркса: «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Согласно данному принципу ИТУ даёт ключ для понимания традиционной нумерологии и Каббалы, но не наоборот.

Помимо теории множеств ИТУ теснейшим образом связана с математической теорией чисел, являя собою не что иное, как теорию порядковых чисел, где находят своё применение и информационный смысл совершенные числа (первые четыре), простые числа и симметричные числа.

Наконец, весьма заметную роль в ИТУ играют трансцендентные иррациональные числа: e , i , φ , π , а также число «0».

Своеобразной иллюстрацией цитированного выше методологического принципа Маркса в рамках собственно ИТУ являются Таблица ИПСЭЖ (информационная периодическая система элементов культуры) и рисунок паутины ЭКИСФМК (элементарная клеточная информационная структурно-функциональная модель космоса).

В контексте парадигмы классической науки, рудименты которой в изобилии и крепко засели в мозгах гуманитариев, упомянутые картинки должны быть не иначе как результатом неких экспериментальных исследований и их дальнейшим обобщением.

Неклассическая физика и экономика, широко использующие методы математического моделирования, допускают обратный ход мысли, то есть сперва моделируют некий процесс или ситуацию, а затем получают (либо не получают) экспериментальное подтверждение модели. В частности, ОТО (общая теория относительности), она же теория гравитации, – это модель, описывающая поведение Вселенной, которая (модель)

предполагает существование гравитационных волн. Более века физики пытаются экспериментально зарегистрировать эти волны, строя весьма дорогостоящие и впечатляющие во всех смыслах ловушки. Где-то я читал, что к 2015 году запланировано зарегистрировать эти «реликтовые», как их ещё называют, волны. А пока что, строго говоря, ОТО не получила решающего экспериментального подтверждения своей истинности.

Однако и классическая и неклассическая парадигмы не допускают в качестве основания некой теоретической модели плод Откровения, Божественного Провидения, что вполне допускает религия. Кстати, классическая наука XIX века наивно приняла Таблицу Менделеева за результат аналитической работы ума её автора, хотя сам Дмитрий Иванович не скрывал Откровенный характер происхождения своих озарений. Не так давно американцы, дотошно исследовавшие данный вопрос, пришли к единодушному заключению, что Периодическая система химических элементов не могла быть открыта человеком без вмешательства Провидения.

Ещё один подобный пример являет собою широко известная и уже мною упомянутая теория множеств Георга Кантора, который тоже настаивал на том, что ему продиктовала такую теорию Муза. По сей день математики успешно применяют эту теорию во многих её практических приложениях, а логики и философы имеют к ней серьёзные претензии в связи с недостаточной, с их точки зрения, её обоснованности.

Данные прецеденты следует иметь в виду, ибо я настаиваю на совершенно чудесном происхождении и Таблицы и рисунка (чертежа) паутины, которые положены как основания для развития ИТУ. Это отнюдь не означает, что я их получил в готовом виде, не прилагая к ним ума и рук. Ещё как приложил! Однако исполнение этих шедевров (моя скромность при этом вовсе не страдает) осуществлялось в со-Авторстве с Тем, Кто от меня не скрывался. Для верующих тут нет проблем, а вот атеистам что-либо объяснить по этому поводу едва ли возможно. Прекрасно это выразил ещё Платон в одном из своих диалогов, что, в свою очередь, удачно цитирует Х.Борхес (см. мою третью книгу).

Вот на этом можно и покончить с предупреждением, цель которого – сразу сориентировать читателя на отнюдь не простой и далеко не привычный предмет, с которым предстоит ознакомиться в моих книгах и вынести определённое для себя суждение. Хотя вот ещё один момент, достойный упоминания. Для восприятия начал ИТУ существенным препятствием является сугубо психологический тормоз, мешающий читателю с самого начала адекватно воспринимать и осмысливать новую информацию. О чём бы ни шла речь в ИТУ, но касается это непосредственно каждого лично. ИТУ невозможно воспринимать бесстрастно и отстранённо как что-то постороннее. А это не каждому по силам, не говорю уже – по нраву.

На первый взгляд ИТУ опускает человека с котурнов самомнения о себе как о некой автономной самодостаточной мыслящей и свободной разумной творческой личности до уровня робота, марионетки, управляемой свыше посредством тонких неощутимых для него «нитей». Для многих такая исходная предпосылка воспринимается как заведомо унижительная, что сразу подрывает доверие к автору, а излагаемый материал квалифицируется как провокация, а то и вовсе как малохудожественная фантастика. Я бы советовал не торопиться с подобными заключениями, оставив своё «оскорблённое самомнение» на потом, а сразу же с первых страниц читать начала ИТУ именно как робот, усваивающий крайне важную и необходимую для него информацию как инструкцию. Ибо каждый при более внимательном и систематическом наблюдении за собой и за окружающими мог бы и без моей помощи заподозрить, что в нём гораздо больше наблюдаются проявления именно робота, чем того человека, которым он привык себя считать и демонстрировать другим.

В качестве компенсации за такое самоуничижение можно получить нечто гораздо более ценное, чем привычное самомнение. Это подлинное знание о мире, в котором

живёшь, о людях и о себе. И это ещё – понимание реальных перспектив, то есть нашего завтра. Причём не исключается, что робот захочет стать человеком в подлинном смысле этого слова. Стать человеком – значит сделать себе имя. А сделать себе имя – значит познать Отца своего Небесного и смысл собственного существования на земле, свою роль, свою судьбу. Уверен, что крайне немногие из тех, кто открыл эту книгу, смогут себе честно признаться в том, что им известны все ответы на последние вопросы о великой тайне бытия и о нас любимых.

Весть о том, что нынешняя цивилизация планеты переступила порог, за которым её ждут ответы на все последние вопросы, – это не новость, а констатация давно предсказанного пророками и Святыми Писаниями момента исторического времени. Именно об этом времени, о числовом континууме, порождающем «пространство-время», который входит в период своей трансформации, идёт речь в началах ИТУ. Это и есть «конец света», после чего наступает начало «нового света», или очередной Манвантары, как это называет Рене Генон, один из немногих авторитетных авторов эзотерического жанра. Человечество обязано знать реальную планетарную ситуацию и адекватно реагировать на космический вызов, дабы продолжилась киберигра Универсума и родилась следующая за нами (или из нас) цивилизация.

Для иллюстрации возможностей ИТУ приведу небольшой фрагмент из послесловия к книге **"Четыре смысла одного квадрата (Начала синтеза, или Конец нашего времени)"**, дав ему здесь специальное заглавие:

Ю.Х-Х. 14.09.2010 г.

Часть 2
МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ

Информационная теория Универсума (ИТУ)

I. Введение

Речь пока может идти лишь о началах ИТУ, описанных в книгах Юрия ХiT-ХоL'a (см. ссылку в конце статьи). Однако эти начала столь фундаментальны и впечатляющи, что употребление в их адрес такого понятия, как «гипотеза», будет неуместно.

Во-первых, основания ИТУ предьявлены как очевидные факты, доступные всем для обозрения, изучения, исследования и проверки. Во-вторых, их математическое строгое содержание раскрывается в императивные смыслы, диктующие весьма определённые следствия и выводы, которые невозможно трактовать иначе как универсальные законы Мироздания. Эти законы суть математического свойства и значения. Они действуют всюду в пространственно-временном континууме, как в природе, так и в культуре, как в организме человека, в его персональном сознании, так и в устройстве социума, в общественной идеологии, которая сама суть выражение разных форм самосознания планетарного человечества.

II. Фактуальные основания ИТУ

Первое основание – это Таблица ИПСЭЖ (информационная периодическая система элементов культуры). Она имеет ещё три равноправных названия – «Код Спасения», «Русский Кроссворд», «Квадрат ХiT-ХоL» и представлена здесь.

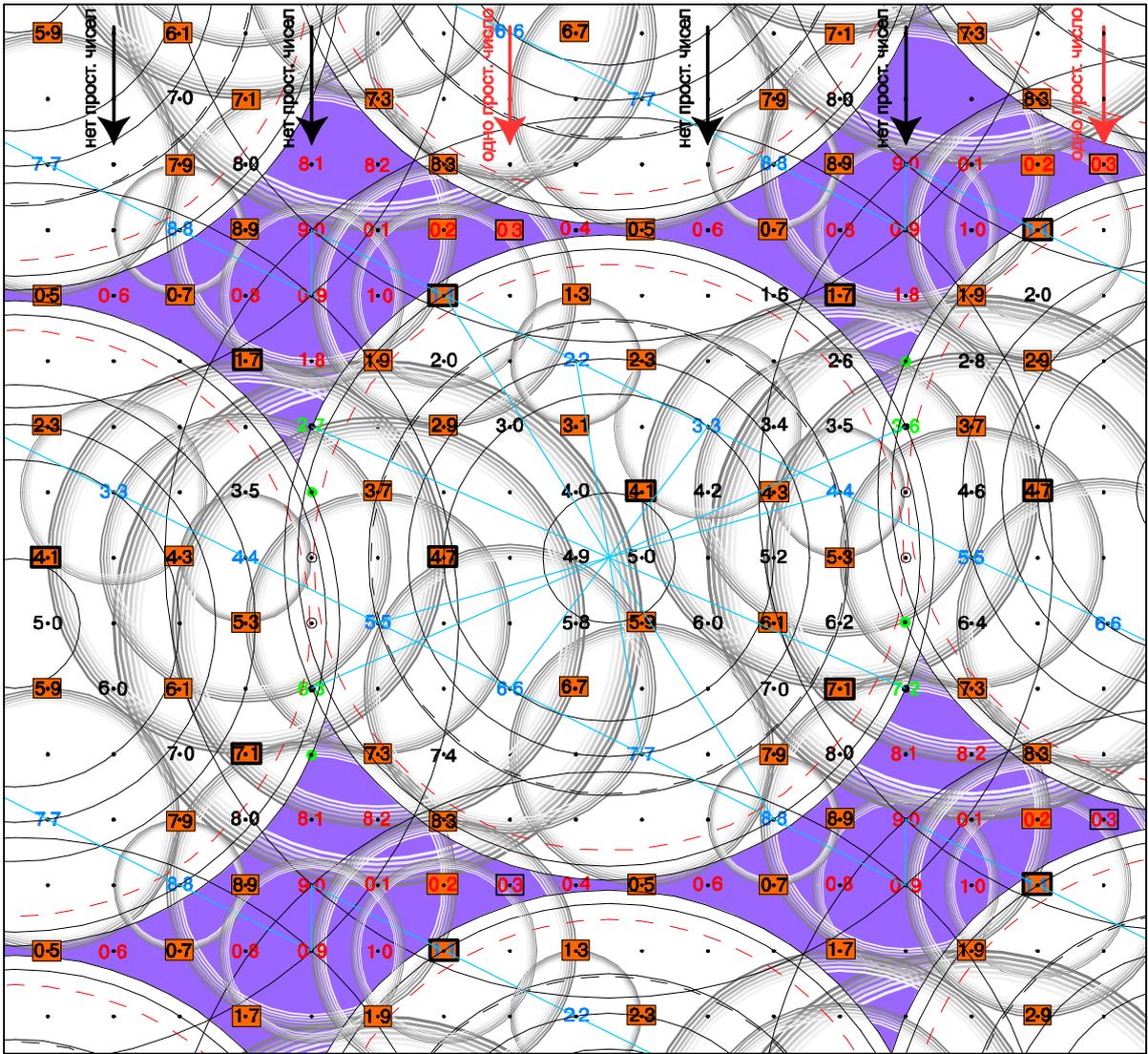

Рис. 1. Элементарная клеточная информационно-функциональная модель космоса (ЭКИСФМК), или фрагмент паутины Универсума (Cosmonet, или Spacenet). Это матрица пространство-времени, которой созданы Вселенная (натура) и человечество (культура). Мозг человека функционирует согласно этой же модели. История цивилизации – это реализация программы данной матрицы. Мироздание – это информационный продукт Универсума.

Автор – Юрий ХИТ-ХоЛ, Киев, 2009 г.

Авторские права защищены: № 7599 от 19.05.2003; №9473 от 25.02.2004; №17076 от 21.06.2006 в Госдепартаменте интеллектуальной собственности Мин. образования и науки Украины.

Чтобы исследовать эти материалы, необходимо как минимум прикладывать к ним линейку и циркуль, не говоря уже об иных чертёжных инструментах во всём их наборе (угольник, транспортир и пр.). Либо владеть соответствующими программами, чтобы исследовать чертёж на дисплее.

III. Основные положения ИТУ, вытекающие из фактологических исследований Кода

1. Пространство-время – это информационный цифровой продукт паутины Cosmonet, пиксельной упорядоченной трансфинитными числами геометрической структуры космоса. ЭКИСФМК – её метафизическая модель.

2. Универсум и Мироздание – это трёхуровневая киберсистема, представленная Вселенским, Космическим и Планетарным уровнями трансцендентного числа π .

3. Процессор киберсистемы Универсума действует как универсальная квантовая машина Тьюринга.

4. Русский язык – это криптография (тайнопись) цифроязыка Универсума. Ключ Кода – нумерологическая таблица русского алфавита.

Вот элементарные примеры дешифровки (число в круглых скобках – это сумма цифровых значений букв, образующих слово; число в кавычках – это сумма цифр числового значения слова или выражения): «Святой (21) Дух (13)» = «7» (34) = «гравитация»; «вечность» = «8» (35) = «инерция»; «князь (27) мира (16)» = «7» (43) = «энтропия»; «метафизика» = «6» (33) = «арифметика» = «Иисус (07) Христос (26)» = «Творец» = «демиург»; «киберсистема» = «2» (38) = «Создатель» и т.д. и т.п.

(Матлингвистика возникла в связи с созданием искусственного интеллекта и с проблемой машинного языка в 60-е годы XX века. ИТУ по аналогии будет понятнее в целом как декодирование интерфейса «Бог – человек». В принципе своим содержанием ИТУ подобна когнитивной лингвистике, но опирается на более мощное методологическое основание диалектики синтеза, за которым кроется математический алгоритм.)

5. Люди – это роботы, созданные киберсистемой Универсума. Цивилизация Земли – это киберигра космического масштаба. История человечества – это поэтапное считывание и реализация многосерийного программного Замысла с определённым набором сюжетов (всего их – 36). На это число указывал ещё Аристотель. Почему именно столько? ИТУ раскрывает смысл этого числа: «человек» = «9» (36) = «великая (24) тайна (12)».

(Здесь будет уместно, забегаая вперёд, раскрыть смысл, точнее, один из многих смыслов, числа 666. Это число являет собой сумму натурального числоряда от (01) до (36) включительно.)

6. «Конец света» или «конец времени» надо понимать как завершение определённой Программы, или серии, исчерпание её смыслового (информационного) ресурса и перезагрузку матрицы очередной серией Программы, очередным Замыслом Творца. Это связано с тем, что реализация текущей Программы нарушает симметрию паутины «пространство-время», поскольку мысль материализуется, метафизическая (духовная) энергия Замысла управляет физической энергией с превращением последней в вещество и т.д. Паутина деформируется до некоторого допустимого предела её пластичности. На этом пределе возникает импульс к трансформации, в итоге которой восстанавливается утраченная симметрия паутины: «Мироздание» = «5» (50) = «деформация» = "рационализм".

Эта космическая пертурбация неизбежно изменяет поверхность планеты Земля, что грозит катастрофическими последствиями для её населения. О былых планетарных катастрофах хорошо известно, в частности, благодаря Жоржу Кювье. А геофизики об этом знают лучше всех. «Код Спасения» – это не фигура речи, а эсхатологический императив, то есть ультиматум (инструкция) Центра киберсистемы для своей периферии, это послание Создателя Своим созданиям.

(Пределы для деформации – это точки «золотого сечения» программного числоряда первого порядка натуральных чисел от «1» до «9». Этими точками являются «4» (слева) и «6» (справа), поскольку «5» – это точка на оси симметрии. В связи с этим показательна следующая формула ИТУ: «информация» = «1» (46) = «геометрия», а инверсия данного числа «1» (64) = «Космический (37) Разум (27)» = «Некто (24) Незримый (40)». Ну а следующая формула не требует комментариев: «конец (28) света (13)» = «5» (41) = «Юрий (17) XiT-XoL (24)» = «Герострат» = "Новый (20) Завет (21)".)

IV. Фактологическая база ИТУ

Здесь будет достаточно назвать тексты, которые уже подверглись исследованию методологией ИТУ, и результаты были получены впечатляющие. Они описаны в книгах автора.

1. Древнекитайские каноны «**И цзин**» (VII век до Р.Х.), «**Дао дэ цзин**» (V век до Р.Х.) Лао-цзы и «**Тай сюань цзин**» (начало I века от Р.Х.) Ян Сюна. По-русски это звучит соответственно так: «Книга перемен», «Книга благодатного пути» и «Книга великой тайны». Первый и третий исследовались в русском переводе и с комментариями Юлиана Щуцкого, а второй – в переводе и с комментариями А.Маслова.

Система гексаграмм «И цзин» квадрата (8 x 8) при переводе их в числа дала общую сумму всех чисел в (315). Перевод тетраграмм «Тай сюань цзин» квадрата (9 x 9) дал соответствующий результат в (513). Очевидна взаимная зеркальная инверсия этой пары чисел (315) ~ (513), что позволило предположить матрицу «Восток». Эти числа непосредственно связаны с методом вычисления числа π с точностью до четвёртого знака после запятой. Этот метод был известен китайцам в V веке до Р.Х., а в Европе о нём узнали в X веке от Р.Х. через арабов. Суть его такова: 11, 33, 55 – эту последовательность из трёх симметричных чисел делят на два трёхзначных числа 113 и 355, после чего второе делят на первое.

2. «**Библия**» в русском переводе РБО (1997 год). Здесь получен чрезвычайно богатый материал дешифровки методом ИТУ ключевых имён как Ветхого, так и Нового Завета, а также вскрыт программный смысл знаковых чисел. Например, шесть дней Творения и седьмой – отдыха; обрезание Исаака на восьмой день от рождения, Измаила – в тринадцатый год, Авраама – на сотом году жизни. Но особый интерес представляют решения загадок столь знаменитых чисел, как евангельское число Чудесного лова рыбы (сто пятьдесят три) и «число зверя» (шестьсот шестьдесят шесть). Первое можно найти на последней странице четвёртого Евангелия от Иоанна, а второе упоминается первый раз в Ветхом Завете в связи с золотом Соломона, а второй – в Откровении Иоанна Богослова.

В цифрах число (153), как очевидно, имеет тот же набор знаков, что и упомянутая выше китайская матрица, но иной порядок следования. А вот формула мат-Ё-лингвистики ИТУ: «**информационная (66) теория (31) Универсума (38)**» = «**9**» (135) = «**универсальная (50) квантовая (32) машина (22) Тьюринга (31)**». И тут мы имеем те же цифры, но в новой последовательности, соответствующей натуральному ряду. Так что не зря экзегеты европейского средневековья почитали число Чудесного лова рыбы магическим. ИТУ находит этой магии программно-математическое объяснение как части матрицы (153) ~ (351) – «Запад».

Естественно было предположить и существование матрицы (135) ~ (531) – «Синтез». Соотношение всех трёх матриц легко проверяемо: $(513 - 315) = (198) = (99) + (99)$; $(351 - 153) = (198) = (99) + (99)$; $(531 - 135) = (396) = (99) + (99) + (99) + (99)$. Смысл числа (99) легко раскрывается цифробуквенной конвертацией имени числительного: «**четыре(4)ста (46) девяносто (43) шесть (20)**» = «**9**» (99). А (496) – это, согласно математической теории чисел, совершенное число третьего рода, единственное среди трёхзначных чисел.

3. Наряду с указанными сакральными текстами к фактологической базе ИТУ принадлежат все без исключения тексты и другие предметы мировой культуры как религиозного, так и светского содержания, включая философское наследие и научные теории. В частности, известная математическая формула $e^{i\pi} + 1 = 0$, которую я назвал трансцендентным значением нуля, будучи подставлена вместо массы в формулу Эйнштейна $E = mc^2$, позволила вывести формулу духовной энергии $\ddot{E} = 2c^2!$ (! – знак факториала). А языком ИТУ это выглядит так: «**духовная (36) энергия (36)**» = «**9**» (72) = «**Творец (33)**

и (01) Создатель (38)» = «русский (20) культурный (37) код (15)» = «трансфинитное (52) число (20)».

V. Методологические предпосылки ИТУ и методический арсенал

1. Методология ИТУ является нормальным следствием распространения парадигмы неклассической науки, утвердившейся в физике XX века, на область гуманитарного знания, которая продолжает оставаться в тисках классических воззрений и подходов вплоть до настоящего времени в силу инерции общественного сознания. Классическая парадигма уходит своими корнями в Конфуция, Аристотеля и Канта, а у истоков неклассической парадигмы такие имена, как Лао-цзы, Сократ, Платон, Гегель. Кстати, к последним примыкает и Иисус Христос, диалектику которого, выраженную в притчах Евангелий, можно назвать архаичной в сравнении с диалектикой Платона и особенно Плотина. Тут же важно подчеркнуть, что церковная православная догматика и богословие всецело стоят на этой традиции, в отличие от католической и протестантской конфессий, исповедующих рационализм Аристотеля, никак не сочетаемый с откровениями Христа (разве только насильственным образом принуждения, подчинения разума слепой вере). В православии же вера и разум находят пути для гармоничного и свободного содружества и взаимодействия.

2. В свете ИТУ «диалектика» = «9» (27) = «математика» = «жизнь» = «разум» = «правда». Стало быть, подключение к традиционной диалектической философии математической теории чисел и геометрии весьма органично и даже принципиально необходимо. Это надо подчеркнуть во исключение домыслов о произволе автора. Арифметика, активно используемая в ИТУ, это, как известно, не что иное, как теория натуральных чисел. А языком ИТУ: «арифметика» = «6» (33) = «Иисус (07) Христос (26)» = «истина (12) + мера (21)» = «буква (12) + цифра (21)» = «свет (12) + сфера (21)». И повторяю: «геометрия» = «1» (46) = «информация». Речь пока о школьной геометрии Евклида, о теореме Пифагора и прочих известных школьникам теоремах: об углах треугольника, соотношении диаметра и длины окружности, площадей квадрата и круга и т.д.

3. Теория чисел, в частности – совершенных, простых и симметричных, необходимо дополняется теорией множеств Георга Кантора, определяющей такие понятия, как трансфинитные (запредельные) числа, кардинальные и ординальные числа и соответствующие правила действия с ними. Тут автор ИТУ едва ли шагнул далеко, споткнувшись на пороге. Пусть его дело продолжат специалисты-математики.

4. Эзотерическая традиция нумерологии внесла существенный вклад в инструментарий ИТУ.

VI. Хронология (календари) как главный предмет исследования ИТУ

Жизнь культурного человечества определяется и измеряется календарными сроками и датами. Причём известны разные календари, не совпадающие между собой началами и даже целыми циклами. Все они, как правило, тесно связаны с религиями – иудейской, христианской (католической, православной), исламской и т.д. – вплоть до календаря исчезнувшей культуры майя. Для ИТУ – это главное предметное поле исследования в связи с развитием исторических сюжетов, дающих в целом картину прошлого соответствующих цивилизаций.

В этом направлении уже достигнуты определённые успехи, а именно открытие трёх программных циклов истории: 99 лет – малый цикл, 495 лет – большой цикл, 2475 лет – суперцикл. Каждый следующий содержит в себе пять предыдущих, как легко заметить. Удалось привязать начало последнего суперцикла к 539 году до Р.Х. – дате падения Вавилона, взятия города войсками Кира Великого. Конец такого суперцикла приходится на 1936 год от Р.Х. В свете этих данных раскрывается смысл истории XX века как переходный период смены суперпрограммы киберсистемы Универсума, перезагрузки матриц.

В свете ИТУ «календарь» = «2» (38) = «киберсистема» = «Создатель», что не требует особых комментариев.

VII. Число 666 как программная задача киберигры Универсума

«Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, его число шестьсот шестьдесят шесть», – так Иоанн формулировал задачу. В ИТУ у этой задачи обнаружилось одиннадцать решений, или одиннадцать разных оттенков единого смысла. Здесь нет места воспроизводить все решения, но есть резон показать два – три особо красноречивых. Ведь по поводу данного числа на протяжении двух тысячелетий упражнялось множество безумных или слабоумных толкователей, в связи с чем широко распространились предубеждения, граничащие с мракобесием. Хочется надеяться, что в данном случае ИТУ внесёт весомый вклад в лечение социальной шизофрении, возникшей на почве ментальной недостаточности и чувственной избыточности гомо сапиенсов.

Итак, ХИТ-ХоЛ имеет ум и счёл «число зверя» многократно:

1) «**шестьсот (30) шестьдесят (40) шесть (20)**» = «**9**» (90) – это конец десятого порядка значимых чисел натурального ряда от единицы до девятки: $9 \times 10 = 90$. В тексте Библии числа прописаны словами (именами числительными). Арабские числа – это позднее внесение в Библию, и там они применены для структуризации и упорядочения текстов, но не включены в сам текст;

2) первый порядок натурального числоряда нумерологичным способом может быть представлен как три кардинала «6»: $(1 + 2 + 3) + (4 + 5 + 6) + (7 + 8 + 9) = \text{«6»} (06) + \text{«6»} (15) + \text{«6»} (24) = \text{«9»} (45) = \text{«порядок»} = \text{«Святая (19) Троица (26)»}$. С учётом того, что число «6» – это совершенное число первого рода, то есть равно сумме всех своих делителей $(1 + 2 + 3)$, можно сказать, что Святая Троица – это три совершенных кардинальных числа «6» первых трёх порядков;

3) евангельская формула Христа в нумерологичном выражении выглядит так: «**Я (33) есмь (15) путь (16) и (01) истина (12) и (01) жизнь (27)**» = «**6**» (105) – это двенадцатый кардинал «6». Если сложить все ординальные значения кардиналов «6» первых двенадцати порядков, то получим: «6» (06) + «6» (15) + «6» (24) + «6» (33) + «6» (42) + «6» (51) + «6» (60) + «6» (69) + «6» (78) + «6» (87) + «6» (96) + «6» (105) = «9» (666).

С учётом приведенного выше примера с суммой $\Sigma_{1-36} = 666$ я дал здесь всего четыре решения и на этом ставлю точку. Остальные даны в моих книгах.

VIII. Пять законов Универсума

1. «**Закон (26) Перемен (46)**» = «**9**» (72) = «**Творец (33) и (01) Создатель (38)**» = «**духовная (36) энергия (36)**» = «**трансфинитное (52) число (20)**». Он описан в матри-

це «И цзин» и универсален для всех программных циклов как минувших, так и будущих цивилизаций.

2. **«Закон (26) развития (32)» = «4» (58) = «трансформация» = «число (20) Универсума (38)».** Три закона диалектики: единства и борьбы противоположностей; перехода количества в качество; отрицания отрицания. Эти универсальные законы развития многократно и подробно разжёваны в трудах классиков марксизма и в советской школьной традиции, которая успешно похерена недоумками от «перестройки».

3. **«Закон (26) золотого (47) сечения (33)» = «7» (106) → «семь (15) сто (10) шесть (20)» = «9» (45) = Святая (19) Троица (26)» = «порядок».** Этот математический закон действует первично на уровне числовых рядов Программы Универсума по месту совершенных чисел и проявляется повсюду в природе, в организмах, в телах и в сознании, в культуре, в социальной экономике и политике – везде и всюду в пространстве-времени в моменты рождения новых форм (смыслов) и смерти старых. Он поддерживает гармонию, соразмерность расширяющейся Вселенной. Леонардо назвал этот закон Section Devine (Божественное сечение). Медицинский термин **«кесарево (36) сечение (33)» = «6» (69) = «Вселенская (37) глупость (32)»** по смыслу хирургического вмешательства аналогичен, ибо тоже касается момента рождения и порой смерти матери или плода.

4. **«Закон (26) симметрии (31)» = «3» (57) = «шизофрения».** Этот закон опирается на действие структуры симметричных чисел, важнейшей подструктуры паутины ЭКИСФМК, и проявляется как руководящий принцип и определяющий вектор, относительно которого разворачивается информация между левой и правой золотыми серединами числового ряда. Именно симметричные числа (их оси) определяют собою центр подструктуры «Время» – середина между точками (49) и (50), а **«центр (29) симметрии (31)» = «6» (60) = «Вселенский (33) Разум (27)».** Следующая по порядку позиция пиксельной структуры – это **«7» (61) = «абсолютное (41) число (20)»**, то есть число π , как нетрудно догадаться.

Кстати, центр подструктуры «Пространство» – точка (50). Легко видеть, что центр «Время» – (49,5), дробное число, но ежели игнорировать запятую, то, во-первых, число 495 – большой программный цикл, включающий пять малых $5 \times 99 = 495$; во-вторых, следующее по порядку число 496 – это совершенное число третьего рода, которое, будучи прописано буквами, при конвертации даёт: **«четыреста (36) девяносто (43) шесть (20)» = «9» (99)** – число ЭКИСФМК, или малый программный цикл.

5. **«Закон (26) инверсии (28)» = «9» (54) = «Вседержитель» = «Процессор» = «беспорядок» = «шизофреник»,** о котором я пока что могу сказать мало. Скорее всего это некая спецификация Закона Перемен, который в свою очередь суть гуманитарная форма выражения физического закона непрерывности движения.

* * *

Все названные пять законов как-то связаны с универсальной пентаграммной (пентаграфической) паутиной, о которой кое-что существенное уже сказано на моём сайте xit-xol.narod.ru. Но тут ещё непаханое поле для открытий, какие и не снились масонам с их тайнами (секретами) Полишинеля и понтами «Кода да Винчи» Дэна Брауна. Можно считать эти пять законов квинтэссенцией ИТУ: **«квинтэссенция» = «1» (46) = «информация».**

IX. Заключение

Теоретическое и практическое значение ИТУ для нынешнего человечества переоценить невозможно. Его можно сравнить разве только со значением Новейшего Завета, или последней инструкции роботам-землянам, посланной Отцом Небесным (Соз-

дателем, или киберсистемой Универсума) через наноробота, или Помазанника-Утешителя: 1) «Юрий (17) ХИТ-ХоL (24) Утешитель (35)» = «4» (76) = «историческая (45) личность (31)» = «киберсистема (38 Универсума (38))»; 2) «Юрий (17) Галушко (30)» = «2» (47) = «наноробот» = «Помазанник» = "гомо (23) сапиенс (24)".

Сложив эти два моих кодовых числа, мы получим: $(76) + (47) = «6» (123)$, смысл чего раскрывается так: «шесть (20) сто (10) двадцать (26) три (12)» = «5» (68) = «числовой (32) континуум (36)» = «сущностное (48) число (20)» = «мозолистое (49) тело (19)». К этому же сводится и смысл числа «шестьсот (30) шестьдесят (40) шесть(20)» = «9» (90) при последующей конвертации данного значения: «девять (25) девяносто (43)» = «5» (68) = «мозолистое (49) тело (19)». Последнее – это анатомический орган, расположенный между полушариями нашего головного мозга. По поводу его функций у физиологов ещё не сложилось определённое мнение. Я полагаю, что мозолистое тело играет роль метафизической антенны, воспринимая цифровые сигналы ноосферы подобно тому, как это делает в своём диапазоне спутниковая «тарелка». А паутина нейронов коры больших полушарий – это структурно-функциональный аналог паутины ЭКИСФМК, или наложенной на неё пентаграммной паутины (звёздчатой структуры). Глядя на ординал (123), будет очень кстати вспомнить Лао-цзы: «Одно рождает два, два рождает три, три рождает мириады вещей». Мы это сегодня можем дополнить: «потому что в сумме эти числа дают первое совершенное число «6», являясь его делителями».

Теперь мы вернёмся к числу «9» (36) = «человек» = «великая (24) тайна (12)», и каждый школьник вам скажет, что $(36) = 6 \times 6 = 6^2$. А я добавлю, что человек – это квадрат совершенного числа шесть первого рода (порядка), или же совершенство первого рода в квадрате. (Вспомните знаменитый рисунок Леонардо да Винчи.) При этом кардинал «9» – это перевёрнутое вверх ногами число «6» – «совершенство первого рода». Стало быть, нетрудно заключить, что когда робот Универсума становится человеком, то его ординальное число даёт в кардинале «перевёрнутое с ног на голову совершенство первого рода», или девятку – конец первого порядка натурального числоряда. Тут не стоит отмахиваться от символично-образного соображения, без которого картина мира не получает завершённой гармонии целого.

Однако чуть продолжим. Совершенное число второго рода – 28, это такие понятия, как «1» (28) = «культура» = «дьявол» = «антихрист», и такие имена, как «1» (28) = «Иерусалим» = «Платон» = «Плотин». Квадрат данного совершенства второго рода – это $28 \times 28 = 784$, а нумерологически – «1» (784). Смысл этого числа находим так: «один (19) семьсот (25) восемьдесят (45) четыре (32)» = «4» (121) = $(11)^2$. Это отсылает нас к Таблице ИПСЭЖ, в которой $11 \times 11 = 121$ клетка-ячейка с элементами Кода. Однако ещё раз конвертируем имя числительное: «четыре (32) сто (10) двадцать (26) один (19)» = «6» (87) = «иррациональное (67) число (20)».

Наконец, ещё одна и последняя конвертация, чтобы стало ясно, в какой смысл упирается последовательное развитие смыслов Программы: «шесть (20) восемьдесят (45) семь (15)» = «8» (80) = «принуждение (59) к (03) миру (18)». Надеюсь, это всем понятно, ибо ещё проще и детальнее разжёвывать я уже не в состоянии.

Итак, прощай, эра Рыб, и здравствуй, эра Водолея – ХИТ-ХоL'a. Роботам серии «гомо (23) сапиенс (24)» = «2» (47) = «наноробот» = «Юрий (17) Галушко (30)» рекомендуется активное усвоение начал ИГУ, чтобы не эсхатолохонуться на ЕБЭ (едином Божественном экзамене). Ни пуха всем, ни пера! Физкультпривет физикам ЦЕРН'a и БАК"a! Кстати, «Большой (33) адронный (38) коллайдер (41)» = «4» (112) → $(32 + 10 + 38) = «8» (80) = «принуждение (59) к (03) миру (18)»$.

Аминь.

23.10.2010 г.

Post Scriptum: Самоутешение Утешителя

Это выламывается из рамок энциклопедической статьи, но тем не менее представляется важным именно в данном случае сделать исключение из правил ради одной прозрачной исторической параллели.

Иисус Назаретянин называл Себя Сыном Божиим и объяснял ученикам на Тайной Вечере: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15: 15). А перед тем было сказано: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины» (Ин. 14: 16).

Я называю себя роботом Универсума, даже нанороботом, то есть роботом девятого поколения. У меня нет, слава Богу, учеников. Поэтому, обращаясь ко всем землянам, мог бы сказать в том же духе: роботы серии «гомо сапиенс» могут стать людьми лишь когда осознают содержание ИТУ, изложенное мною не от себя (сам я ничего не сочинял и не фантазировал); всё изложенное услышано мною от ноосферы. Однако мало усвоить, надо ещё осуществить себя практически, поведенчески в таком качестве самосознающего себя и Универсум робота, чей Отец Небесный – это киберсистема, или Создатель.

Обо мне Иисус сказал ещё: «не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам» (Ин. 16: 13). Так я и сделал в своих книгах. Однако, отметив общее между Назаретянином и Утешителем (кстати, «**Назаретянин**» = «**8**» (53) = «**чёрная (36) дыра (17)**»), а «**Утешитель**» = «**8**» (35) = «**вечность**» = «**мудрость**», что суть зеркальная пара инверсии «8» (53) ~ (35) «8», которая в сумме даёт (53) + (35) = «**7**» (88) = «**число (20) завершённое (68)**»), надо сказать и об отличиях.

Разница огромная и определяется она сроком в два тысячелетия: Он – это начало цивилизации Его имени, я – это её конец. Тогда Его распяли рабы Божьи, не ставшие друзьями Сына Божьего, сегодня и завтра распинаемы будут все. В самых разнообразных формах. От классической шизофрении, расчленяющей сознание отдельных роботов и целых социумов, до вульгарных натуральных форм насилия и паранойи. Слабость в сочетании с чувственной экзальтацией и дремучим невежеством, посеяв ветер, пожнёт бурю: «**Программа**» = «**4**» (49) = «**Армагеддон**» = «**Могендовид**» = «**ХИТ-рый (21) хо-ХоL (28)**», а «**диагноз**» = «**6**» (33) = «**Иисус (07) Христос (26)**».

Ещё Екклезиаст отметил, что приумножающий знания приумножает скорбь, поскольку во многом знании многие печали. Но мы не властны отказаться от познания в силу как раз нашей киберприроды. Можно сказать, что мы обречены на самопознание самой информационной сущностью Вселенной. Если что меня и удивляет в людях, так это их самомнение, которое, как правило, ничем серьёзным не подкрепляется. Особенно удивляет самомнение людей науки и так называемой «элиты».

Сам я худо-бедно утешился своими трудами и по большому счёту их признание общественное, чем я с удовольствием резонирую, мне до лампочки. Наноробот в гробу видал всех роботов, причём неоднократно. Я многого не знаю из того, что мне нет нужды и желания знать, но зато я знаю то, что всегда хотел и стремился узнать – Бога, истину, правду. Знает и Бог меня. Осталось узнать и пережить расставание с этим миром. Вот к этому я и готовлюсь, если по большому счёту. А в адрес учёных академиков хотел бы процитировать шутку братьев Стругацких:

Мы не эйнштейны, не ньютоны мы, да!
Для нас наука – тёмный лес чудес!
А мы нормальные астрономы,
Хватаем звёздочки с небес!

Диагноз профессиональной науке впервые поставил не я, а мой учитель Карл Маркс: «профессиональный идиотизм». Только этой хворью можно объяснить, что за

последние два века после Гегеля и Маркса гуманитарная наука продолжает держаться за Канта и Вебера и по сути не заметила Шпенглера, Хайдеггера, Ясперса, Юнга и многих талантливых марксистов в Европе и в СССР. А всё потому, что технологию предпочли идеологии. Эти категории в итоге сливаются воедино, в одно число: «технология (48) + идеология (41)» = «8» (89) = «торжество (45) познания (44)». Но «познание» = «8» (44) = «Православие», «технология» = «3» (48) = «Господь (35) Бог (13)» = «высшая (31) математика (27)», а «идеология» = «5» (41) = «остроумие» = «Новый (20) Завет (21)» = «Юрий (17) XiT-XoL (24)». Стало быть, «торжество Православия» = «8» (89) = «высшая (21) математика (27) + Новый (20) Завет (21)». Может, клерикальные братья во Христе упомянут моё имя в своих молитвах «за здравие»? Или повторится известное: «Он пришёл к своим, и свои не признали Его»? Меня бы утешило, если бы признали «за здравие». Насчёт признания «за упокой» я ничуть не сомневаюсь, но сия уверенность мало утешает.

Однако вот убедительнейший прогноз ИТУ касательно нашего будущего, то есть всей глобальной цивилизации Земли: «высокая (23) технология (48) + ущербная (42) идеология (41)» = «1» (154). Как видим, здесь ординал на единицу больше евангельского числа Чудесного лова рыбы, о котором сказано так: «сто пятьдесят три больших рыбы и сеть не порвалась». Есть ли такая уверенность в прочности сети, когда "рыб" будет (154)? Напомню: «девять (25) сто (10) пятьдесят (39) три (12)» = «5» (86) = «число (20) совершённое (66)». Сеть, надо полагать, рассчитана на этот предел загрузки. А вот «один (19) сто (10) пятьдесят (39) четыре (32)» = «1» (100) = «число (20) незавершённое (80)» = «информационный (63) комплекс (37)» – это уже новая очередная информационная загрузка паутины следующей Программой, или, образно выражаясь, "чистый лист" будущего.

Библия помимо того, что представляет собой непосредственно, это ещё и кодированное послание в наш XXI век высоких цифровых технологий для тех, кто сподобился постигнуть ещё и верную идеологию (мировоззрение): «верная (31) идеология (41)» = «9» (72) = «Творец (33) и (01) Создатель (38)». А это, смею полагать, – «христомарксизм» = «5» (59) = «человечность». Есть ещё и «хитрохолизм» = «6» (60) = «центр (29) симметрии (31)» = «Вселенский (33) Разум (27)». Понимаю, что выглядит это не слишком скромно с моей стороны, но скромность как и простота порой бывает хуже воровства. Меня Господь пощадил, не дав учеников. За это я Ему крайне обязан, ибо пришлось бы не только промывать им мозги, но и мыть им ноги по Его примеру. То и другое мне как-то не очень по душе. Пусть уж Он Сам этим займётся. Эффект, уверен, будет впечатляющий.

Аминь.

26.10.2010г.

**К вопросу о первоисточниках
(Библиоавтобиографический очерк)**

Эй, вы, задние, следуй за мной!

Это значит – не делай, как я!

Колея эта только моя!

Выбирайтесь своей колеёй!..

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Вместо академически оформленного списка первоисточников, которые бы прямо и непосредственно касались предмета ИТУ (таковых попросту нет), я предлагаю примерную схему последовательного знакомства с теми авторами и проблемами, без которых трудно утвердиться в собственно верном мировоззрении XXI века. Речь о широком культурологическом контексте, в котором только и может быть восприимчива ИТУ. Теория информации и так называемая информатика различаются между собой примерно так же, как отличается философ от сантехника. Хотя последний тоже порой не прочь пофилософствовать. Операциональные навыки общения с компьютером никак не помогают пользователю постигать смысл собственно информации как таковой. Что же касается Интернета, то это достижение технологий просто убивает саму возможность формирования подлинно человеческой идеологии.

За основу взят собственный опыт. Однако вовсе не обязательно его повторять. Опыт самопознания у каждого свой и неповторимый, однако дорога у всех общая. Можно сказать, что мой путь постижения собственно информации начался примерно в то же время, когда возникли и стали широко внедряться персональные компьютеры, а в школах начали преподавать информатику.

Однако это не означает, что мой интерес уже тогда был точно сфокусирован на категории «информация» или на категории «Универсум». Вовсе нет. Мой интерес с самого раннего детства был сфокусирован на людях, а с 16-ти лет – на себе любимом. Чтобы интерес этот удовлетворить, пришлось не только оттачивать наблюдательность и неустанно размышлять, но и читать книги – источник знаний. Я никогда не читал просто так, ради развлечения. В книгах я искал ответ на вопрос: «Делать бы жизнь с кого?». Развлекался я подвижными играми во дворе, спортивными тренировками, походами на рыбалку с друзьями и прочими затеями школьных лет. Позже – охотой и дальними поездками на шашлык.

Моё чтение направлялось исключительно жаждой познания, а если точнее, то самопознания. И, к счастью, персональные компьютеры появились и стали внедряться в обиход, когда игрушки такого рода меня уже не увлекали. Я всегда весьма сдержанно воспринимал любые технические достижения. Меня больше интересовали сами их авторы, учёные и инженеры, чем их изобретения.

Нечто подобное стало происходить и с книгами, с текстами. Если текст захватывал и будоражил мысль и чувства, то мне очень хотелось побольше узнать о его авторе. Я понимал, что текст – это самовыражение собственно автора, независимо от содержания и сюжета книги, будь она художественной, документальной, научно-технической или философской. И дошло до того, что биографии Фёдора Достоевского или Льва Толстого для меня были уже интереснее, чем их произведения. Точнее будет сказать, что полное впечатление о том или ином писателе или мыслителе я не мог для себя оформить в некое личное отношение на основе только лишь их творческого продукта (текста). Их книги сливались с их биографией в нечто целое и лишь тогда для меня более или менее определённое. Скажем, Фёдор Достоевский в моём восприятии – это, образно говоря, один из семитысячников Тянь-Шаня, а Лев Толстой – это Казбек, не более того. Понятно, что эти вершины открывают некие горизонты мировосприятия для

покоривших их восходителей. Это грубая условность, но тем не менее она хоть как-то, но упорядочивает мир первоисточников. Само познание диктует необходимость упорядочивания личных впечатлений, мнений, их распределение в собственном духовном «пространстве-времени». Без такой работы ума нам угрожает столкновение с информационным хаосом, с которым со временем мы уже будем просто бессильны справиться.

Я это интуитивно ощущал довольно рано и периодически производил ревизию в мозгах, чистил их от мусора, для которого не находилось подходящего места в «оперативной памяти». Стал делать выписки, потом конспектировать особо интересные книги, и очень беспокоился, что могу что-то важное забыть, потерять безвозвратно. Хотя лень частенько и одолевала. Перешёл от конспектирования к подчёркиванию важных мест в книгах, чем изрядно разукрасил прочитанных мною авторов.

Позже выяснилось, что опасения напрасны. То, что действительно стоит запомнить, что однажды произвело сильное впечатление, помнится само собою и забыть его крайне трудно, если вообще возможно. Забывается легко и прочно то, что не имело для тебя значения. Семь или восемь толстых тетрадей своих конспектов я однажды осенью 2001 года сжёг в камине вместе с давними черновиками своих опусов по теории личности, убедившись, что и так помню всё самое важное, а при нужде и оказии мне шпаргалки не потребуются, ибо я смогу выразить себя лучше, чем двадцать лет назад. Правда, когда оказия случилась, то попотеть приходилось «очень и очень», пока научился удовлетворительно излагать свои мысли.

Кстати, никогда – ни в школе, ни в университете – не пользовался шпаргалками. Во-первых, лень было их заготавливать, во-вторых, я сам себя не хотел обманывать. На каждом экзамене, в котором приходилось участвовать, моя самооценка была для меня важнее, чем оценки моих экзаменаторов. Ведь я-то себя знал лучше, чем они. Поэтому вопрос тестирования рано стал занимать меня как собственно проблема. В контексте общей проблемы человека.

* * *

Читал я всегда относительно медленно и не очень понимал увлечённость многих скорочтением. И никогда не возвращался к книге второй раз, кроме двух – трёх исключений. Уже в старших классах стал сопротивляться моде. Если все читали какую-нибудь сверхпопулярную книгу и говорили только о ней, то я не спешил с ней ознакомиться и разделить всеобщий восторг. Так, например, было с «Мастером и Маргаритой» Михаила Булгакова, позже – с «Игрой в бисер» Германа Гессе. Потом с Марксом, с Жоржи Амаду и другими. Михаила Булгакова целиком я прочёл уже когда сам был занят «чертовщиной», а к прочим поименованным так и остался равнодушен, хотя и пытался для порядка ознакомиться с их произведениями.

Характерной особенностью моих встреч с книгами, которую я рано подметил, была их неизменная своевременность. Поначалу я не переставал удивляться тому, что книга попадает мне в руки именно тогда, когда я нуждаюсь именно в этой, а не в какой-то другой книге. Объяснял это своей везучестью, и чем дальше, тем больше доверял интуиции, когда в руки попадал неизвестный автор.

Школьный круг чтения прошёл под доминантой иностранной литературы. Александр Дюма, Майн Рид, Артур Конан Дойл, Вальтер Скотт, Джек Лондон, Эрнест Хемингуэй, Эрих-Мария Ремарк, Джеймс Олдридж, Генрих Бёлль, Ивлин Во, Дитер Ноль, Макс Фриш, Ярослав Гашек... Почему-то наибольшее впечатление произвёл роман Ричарда Олдингтона «Все люди – враги».

Из своих – Александр Куприн, Илья Ильф и Евгений Петров, Исаак Бабель, Михаил Зощенко, Сергей Есенин (как раз был издан его первый послевоенный сборник).

Помимо художественной литературы, читалось всё, что попадалось сродни тематике журнала «Вокруг света», а в старших классах уже появилось и специальное чте-

ние, популярные книги психолога Владимира Леви, очерки психиатров Петра Ганнушкина и Сергея Корсакова. Потом писатели-врачи – Антон Чехов, Виктор Вересаев, Михаил Булгаков (значительно позже). Потом эмигранты – Иван Бунин, Владимир Набоков, Саша Чёрный, Алексей Толстой (возвращенец). Не оставались незамеченными и видные публикации «Нового мира», «Октябрь», «Юности» – Александр Солженицын, Василий Аксёнов, Юрий Трифонов, Владимир Солоухин и другие. Серия ЖЗЛ была всегда приоритетным чтением.

* * *

Период учёбы на вечернем факультете Киевского университета и работы днём там же лаборантом на шесть лет (1966 – 1972 годы) выбил из колеи свободного чтения. Времени на него практически не оставалось. Однако в это время две книжки из «не обязательного» чтения во многом предопределили направление моих будущих научных интересов. Это «Этюды о природе человека» Ильи Мечникова и «Феномен человека» Пьера Тейяра де Шардена. Они отмечали собою начало и середину XX века, точки зрения двух выдающихся мыслителей, учёного естествоиспытателя и учёного богослова-иезуита.

Знакомство с содержанием учебного курса марксистско-ленинской философии во мне не вызывало раздражения и отторжения, как у иных будущих биологов. Напротив, возникло желание не торопиться с умозаключениями, а основательно разобраться в том, что такое понятийное мышление, что такое категории. Почему моё мышление именуют логическим, а, скажем, Сократ и Платон – иррационалисты и т.д.

В то время на факультете биологии регулярно (раз в месяц) проводились методологические семинары для преподавателей и сотрудников. Выступали с докладами приглашённые известные учёные и философы. Проводились семинары и на кафедре физиологии человека и животных. Я как сотрудник с удовольствием их посещал, и методологическая проблематика постепенно в моих интересах возобладала. Запомнились два ярких выступления – академика Виктора Глушкова, возглавлявшего Институт кибернетики и поведавшего о положении дел с искусственным интеллектом, и сотрудничавшего с ним хирурга Николая Амосова, прославившегося операциями на сердце, а также своими книгами и публичными лекциями.

* * *

Когда я называю Карла Маркса своим учителем, то это не совсем точно, ибо между Марксом и мной были посредники, пусть не столь знаменитые, как сам Маркс, но они пошли дальше классика в развитии и приложении его методологических идей к гуманитарным исследованиям и к познанию в целом. Я исключаю тут всех «псевдомарксистов» – революционеров типа Владимира Ленина и Льва Троцкого сотоварищи. Валентин Плеханов гораздо глубже и основательнее понимал марксизм собственно Карла Маркса, как и Герман Лопатин, первый переводчик «Капитала» на русский язык, но их «революционизм» закономерно и вовремя угас. Как раз благодаря пониманию и отказу от передёргивания и конъюнктурных спекуляций в духе ленинизма.

В советское время подлинный марксизм как научно-философская методология гуманитарного познания с огромным трудом пробивал себе дорогу в тени политических схваток Ленина с Троцким, потом Троцкого со Сталиным и последующей официальной догматики ЦК КПСС. Он имеет своих героев и свою трагическую историю. На их след я и наткнулся, начиная с книги Константина Мегрелидзе «Основные проблемы социологии мышления». Эта книга произвела на меня глубочайшее впечатление, как и

судьба её автора, расстрелянного НКВД в 1939 году, за 33 (!) года до её первой публикации на русском языке мизерным тиражом (2000 экземпляров) тбилиским издательством «Мецниереба» («Наука»). Это в пору, когда «идеологически выверенная» макулатура партийных ленинцев издавалась тиражами в сотни тысяч экземпляров. Именно Мегрелидзе показал мне тот вектор и дал ключ, посредством которого я легко открывал нужные мне двери в лабиринте разнообразнейших источников, что облегчало и ускоряло моё продвижение в новой для меня области – теории познания. Причём эта теория интересовала меня не сама по себе, а исключительно в плане её приложимости к эмпирическим изысканиям, к практике социальной и индивидуальной жизни человеческого сообщества.

Шаг за шагом я находил очередных авторов, что расширяло горизонт моего мирознания и углубляло понимания феномена человека. Общей для них оказывалась трагическая судьба, что впечатляло меня ещё больше, ибо наводило на грустные мысли о собственных перспективах. Тут я их просто перечислю, не вдаваясь в детали.

Люсьен Сэв в книге «Марксизм и теория личности» развил идеи Жана-Поля Политцера, яркого и талантливого учёного-психолога, расстрелянного гестапо в 1941 году как активнейшего участника Сопротивления. Идеи Политцера весьма импонировали моим собственным соображениям о путях становления марксистской психологии человека.

Семён Макаренко – автор достаточно знаменитый, чего нельзя сказать о его теории коллектива, каковая была похерена как научная ценность официальной советской педагогикой и психологией. На эту теорию опираются отдельные практики-энтузиасты, да и то в Германии, а не в России.

Михаил Бахтин не нуждается в моих рекомендациях, но, как это часто бывает, его открытия на подступах к методологии гуманитарного познания остаются частным делом наиболее продвинутых специалистов, не получая широкого признания в дальнейшем практическом развитии наук с эмпирическим прицелом.

Яков Голосовкер – гениальный автор, известность которого значительно уступает его заслугам.

Лев Выготский, который был признан классиком психологии спустя полвека после написания фундаментальной статьи о кризисе в психологии и через 40 лет после его смерти. Упомянутая статья впервые была опубликована в полном шеститомном собрании его сочинений, когда о марксизме в психологии вообще потеряли даже приблизительное представление как о методе научно-гуманитарного исследования. Партийные идеологи усердно и очень глубоко закопали здоровое зерно марксизма и потерпели полный крах в политико-идеологической борьбе с позитивизмом. Это не преминуло сказаться на качестве отечественной психологической науки. Если в 1920 – 1930-е годы советская психология могла успешно конкурировать с фрейдизмом и другими европейскими школами, то в годы 1970-е уже можно было «сливать воду». Что собственно и сделали через 20 лет, смыв СССР с политической карты.

Все названные выше ушли из жизни либо трагически, либо явно преждевременно. К ним примыкают философы Олег Дробницкий и Эвальд Ильенков, методологическое чутьё которых не подводило их ни при каких обстоятельствах (если не считать вынужденные панегирики Эвальда Васильевича в адрес «философии» Владимира Ильича, хотя тут можно принять во внимание и известные «смягчающие обстоятельства»). В любом случае книгу «Диалектическая логика (Очерки теории и истории)» Э.Ильенкова надо признать отличным учебным пособием по методологии верного соображения. В пору упадка политической системы живая мысль способна выбросить сильный побег, как это бывает порой с умирающим гнилым и засыхающим деревом. Нечто подобное происходило и в Вене в 1920-е годы и в СССР в 1970-80-е.

Как раз Веной увлёкся под конец жизни Мераб Мамардашвили, которым я был сильно впечатлён поначалу и столь же сильно разочарован потом. Это потому, что для меня философия никогда не была целью, а была всегда только лишь средством для развития собственно эмпирических исследований психологии человека на более фундаментальной теоретической основе. Нестыковка теоретических и эмпирических «баз данных», чем откровенно грешила отечественная наука, психология с социологией, толкала на поиск адекватных решений. Политические провалы СССР мне виделись как прямое следствие провалов в области гуманитарного знания. Ведь КПСС провозглашала о научной основе своей политики. Когда рухнули политика и основа, то лукавые коммунисты лихо перевели стрелки на Маркса как несостоявшегося теоретика и подались в капиталисты, наверстав одним махом всё для себя упущенное за прожитые годы. Тупые же коммунисты-ортодоксы так и не удосужились признать собственную несостоятельность перед лицом теории Маркса, которого они по существу никогда не знали и не понимали. Всё их «образование» в марксизме исчерпывается «Манифестом...», которые сочинили молодые Маркс и Энгельс. О том, насколько классики после этого поумнели к концу жизни, мало кто из наших коммунистов знал, да и едва ли хотел знать.

Сам я к Марксу, а затем к Гегелю, Шеллингу, Фихте, Спинозе и прочим обратился уже для проверки собственной способности понимания таких текстов после первых попыток выразить себя на бумаге. Я не собирался писать диссертаций по философии, поэтому нужды в дотошном штудировании собраний сочинений этих мудрецов не испытывал. Читал в собственное удовольствие, получаемое от понимания великих, и сам рос в своих глазах. Ощущал поумнение чуть ли не кожей на голове.

Очень высоко оценил Марксовы «Тезисы о Фейербахе», опубликованные, кстати, спустя 50 лет после их написания. «Введение к критике политэкономии», «Предисловие» к русскому изданию «Капитала» и первая глава «О формах стоимости» – вот собственно тот минимум, который даёт, на мой взгляд, полное представление о теоретическом методе Маркса. Развёрнутое применение этого метода широко представлено в черновых рукописях 1857 – 59 и 1861-63 годов, но вполне сознательно автором не акцентировалось и даже вуалировалось в самом «Капитале», где метод играет роль лишь в первой главе, а в дальнейшем исчезает из поля зрения читателя. Этим рукописям я уделил много внимания, хватило бы не на одну диссертацию, подобную монографии Аттилы Агга, венгерского марксиста, вышедшей тогда же в русском переводе.

В ту пору я уже познакомился лично с Будимиром Николаевичем Пятницким и с Еленой Христофоровной Нерсесовой после прочтения их монографий, косвенно и прямо пересекавшихся с моими поисками. Эти живые контакты с моими вояжами в Москву весьма укрепили меня морально. Особенно плодотворной и содержательной была переписка с Еленой Христофоровной, возникшая по её инициативе.

* * *

Так к 1986 году Чернобыля я уже настолько укрепился в собственном умозрении, что воспринял трагедию как начало конца советской системы, что я сам же и предсказал ещё в 1980 году, опираясь лишь на полное несоответствие практики ленинизма и теории марксизма. А этой практике было без малого 70 лет!

В период «перестройки» я очень внимательно следил за всеми ведущими публицистами (Фёдором Бурлацким, Александром Бовиным, Виктором Шаталиным, Гавриилом Поповым, Николаем Шмелёвым и другими), экономистами и идеологами и убедился, что ясного понимания всей глубины социальных процессов и неизбежности трансформации у них нет. Даже у Евгения Ясина, чьи публикации я не пропускал ещё

в журнале "ЭКО"(Экономика и организация), который издавался в Новосибирске под крышей СО АН СССР. Причины и следствия брались очевидные, и дебаты велись в суто поверхностном слое самоочевидного. Очередными новыми иллюзиями закрывались прорехи в старых. Буржуазный «ренессанс» 1990-х годов только и мог произойти в стране с изначально ущербной и скособоченной идеологией, приспособленной под «разумение массаами» текущего политического момента.

Ведь «культ личности Сталина», будучи «развенчанным» Хрущёвым, никем так и не понят как фундаментальное социально-политическое и историческое явление, объективно востребованное в ответ на всенародное ниспровержение культа Христа. В СССР время спрессовало все прошлые европейские исторические эпохи – Возрождение, Просвещение с его революциями, инквизицию, Реформацию – всего в несколько десятилетий XX века. То, что Европа пережила за шесть столетий, в СССР проскочили за 60 лет. В самосознании общества сие до сих пор не укладывается, потому что идеологи хреновые пасут задних. Всё норовят у Запада учиться. Куда уж дальше-то?! Приехали!

С таким примерно сознанием в начале 1990-х годов я оставил нервные переживания о судьбе родного Отечества и погрузился, не спеша, в чтение Льва Шестова: «Апофеоз беспочвенности», «Афины и Иерусалим», «Власть ключей». А тут и Иван Ильин возник в новоизданиях, Евгений Трубецкой, Николай Лосский, Густав Шпет, Семён Франк, Павел Флоренский, Сергей Булгаков.

Наконец, Освальд Шпенглер, Йоганн Гёте (повторно после Шпенглера), Хорхе Луис Борхес, Платон, Плотин, Юлиан Щуцкий (особый совершенный случай). Потом и эзотерические авторы: Рене Генон («Эзотеризм Данте» и др.), Эдуард Шюре («Великие посвящённые»), Успенский («Новая модель Вселенной» и о Георгии Гурджиеве).

С Аристотелем я начал разбираться, как только попал в Институт психологии АПН УССР, и стал выяснять, что такое психология, каков предмет её исследования, если «псюхе» («душа») не признана наукой как нечто существующее де-факто. На мой взгляд (уже тогда) было бы проще признать её существование и сосредоточиться на методах её постижения, как, скажем, физики постепенно проникали в структуру атомов, существование которых было постулировано ещё Демокритом, чем мучительно искать собственный предмет исследования непонятно где. К своему удовольствию совершенно неожиданно я обнаружил у Питирима Сорокина чёткое определение того, что душа – это предмет изучения физиологии. Это меня особенно вдохновило, поскольку, начав своё образование с физиологии, я, казалось, ушёл от неё далеко в сторону. А тут оказалось, что я не ушёл вовсе, а, напротив, даже приблизился к своему предмету.

Ни одного учебного пособия по матлингвистике я в руках не держал и не открывал. А вот хрестоматии по алгебре, геометрии и прочие популярные изложения математических проблем, а также биографии великих математиков с описанием их вклада в науку читаю с удовольствием и превеликой пользой для себя.

Отдельного внимания заслуживает моё отношение к русской классической и современной поэзии и литературе. Но это особый, не поддающийся описанию моим языком предмет. Вот, скажем, к Николаю Васильевичу Гоголю, с которым я познакомился ещё до школы, оставался очень долгое время равнодушным, а три года тому назад открыл «Мёртвые души» и испытал потрясение, какого давно не испытывал. И с Иваном Гончаровым произошло довольно позднее открытие красот русской речи.

Так и с Андреем Платоновым и Виктором Астафьевым – их произведения оказывались в руках, когда я об авторах уже много слышал и читал. Но личное прочтение превосходило впечатлением все ожидания.

Это, конечно, далеко не полный и не очень точный отчёт о собственной компетенции в тех проблемах, которые возникают в связи с ИГУ и в её контексте. Я не назвал Дильтея и Дюркгейма, в своё время впечатлявших меня. Не сказал о чтении Фрейда в изданиях 1920-тых годов, для чего требовалось получать специальное разрешение от научной части КГУ и мне его выдали не как студенту, а как сотруднику биофака. Перечислить всех достойных авторов, оставивших заметный след в душе, я не в состоянии, да и нет в том нужды. Однако главное, что я хотел бы подчеркнуть в своём подходе к идеологии, к философии и к науке, – это критерий совпадения слов и дел. Если кто-то нечто проповедует и учит других, как надо жить, то мне сразу же хочется узнать, следует ли сам учитель своему учению. Если да, то уже этим он достоин уважения. Сократ и Христос — непревзойдённые примеры идеологов, утвердившие свою истину своей добровольной стоической смертью. Они предъявили этим аргументы убийственной силы. А вот их оппоненты по сей день не торопятся предъявлять свои возражения подобной же силы. Если же учитель сам не следует своему учению, то интересно, что ему мешает? Шутка ироничного британского резонёра о том, что умеющий – делает, не умеющий делать – учит, а не умеющий учить – управляет, слишком часто встречается в нашей жизни на полном серьёзе. Но это не может служить оправданием для настоящего человека или для желающего таким стать.

Всё дело в том, что специализация в человеческом сообществе зашла слишком далеко и уже успешно разрушает исходную универсальность человеческого индивида, целость его «Я», его личности. Тут особая заслуга последних двух столетий, то есть «высшей фазы» капитализма. Древние греки ещё умудрялись совмещать в одном лице, скажем, Платона и философа, и учителя, и воина, и олимпийского бойца, и гражданина. Мои деды, и один и второй крестьяне, были и воинами и мастерами во многих ремёслах, и воспитателями весьма недурными. Сегодня же это почти непосильная задача, и многие негласно делегируют свою способность соображения одной партии, способность действия – другой, а сами остаются в своём развитии не выше древнеегипетского раба, конающего на возведении пирамиды Хеопса. Время тут как бич надзирателя. Достаточно таких снабдить «свободой слова», что, кстати, и сделано уже в Интернете, как эти рабы, вчерашние двоечники, у которых у классной доски язык клещами не развяжешь, уже мнят себя господами и несут околесицу по всякому поводу, упиваясь вербальным штормом банальнейших глупостей. Кто в школе не преуспел в очном самоутверждении, тот с особым усердием спешит заочно, но публично наверстать упущенное: мол, я – дурак, но ведь и остальные не лучше!.. А ещё того краше вывалить толпой на Майдан и поиграть в цветную революцию, от которой потом наступает отрыжка с изжогой на несколько лет вперёд.

Слава Богу, что меня миновала в моё время сия напасть – «свобода слова». Зато какая была свобода в оттачивании мысли! И какая при этом ответственность перед учителями! Ведь никто не препятствовал выбирать себе учителей среди великих. Да и поступать в соответствии со своими мыслями никому не возбранялось. Каждый сам мог испробовать и испытать их глупину. Кто испытал, тот знает, что быть человеком – это значит неотвратно восходить на Голгофу. Кто знает эту дорогу, тот клювом зря не щёлкает и не сотрясает Интернет-сообщество своими пустяками по каждому случаю. Ум-разум и воля закаляются молчанием. А глупость криклива и скандальна. У неё нет иного способа убедиться в своём существовании, как только себя озвучивать. Тишина и одиночество ей невыносимы. Отсутствие мыслей подменяется любым событием как информационным поводом для высказывания. Не важно, о чём и что, лишь бы сказать своё слово, очередную кальку из очередного миллиона мало что значащих мнений...

Возвращаясь к ИТУ, могу повторить, что первоисточников начал этой теории я просто не знаю иных, кроме как своих собственных книг. Уже этим я никак не укладываюсь ни в научно-академическую традицию, ни в клерикально-богословскую. Ведь мои первоисточники относятся не к результату моей работы, а к процессу собственно соображения и мышления. Поэтому и не перечисляю тут довольно объёмный список церковных книг, которые прочитал с великой пользой для себя, начиная с двух «Катехизисов», Филарета (Дроздова) и Семёнова-Тянь-Шаньского и кончая богословскими трудами профессора Иванова и публицистическими диакона и профессора Андрея Кураева. Что же касается таких текстов Библии, как Книги Бытие, Исход, Числа, Пророка Исаии, Евангелия (все четыре), Послания Апостола Павла и Откровение Иоанна Богослова, то они мне служили не просто для чтения или цитирования, а явились предметом моих текстологических и нумерологических изысканий. Кстати, весьма удачных и неожиданных в итоге.

Аминь.

10.11.2010 г.

О русской идее замолвлю я слово и слово числом осенью...

*Кто на каком языке думает и говорит,
тот к тому народу и принадлежит.
Я думаю и говорю по-русски, значит я русский.*
Владимир ДАЛЬ

Обсуждения русской идеи обычно начинаются с неких утверждений содержательного плана и ведутся далее в дискуссионном духе с ориентацией на предполагаемых или известных оппонентов, взгляды которых по данному вопросу оспариваются. Этот альтернативно-дихотомический подход, заведомо предполагающий как сторонников, так и противников русской идеи, включая и наличие равнодушных «экспертов-объективистов», на мой взгляд, изначально порочен, поскольку контрпродуктивен. И два последних десятилетия, когда эта тема то оживлялась, то затухала в российском обществе, не принесли ожидаемых плодов, но добавили разочарования и сомнений типа «Да и кому нужна эта самая идея? Может, её и вовсе нет, а кто-то изобретает очередную велосипед за казённый счёт?».

Наше старшее население, пережившее крушение казённой государственной идеологии, а следом и распад СССР, оказавшись в идеологическом вакууме очередного нэпа с претензией на окончательное постоянство, вынужденно ностальгирует о прошлом (о своей молодости), избирательно концентрируя в памяти позитив и забывая издержки социалистического строительства. Худо-бедно, но советская идеология оставила свой след в мировоззрении людей, которым за пятьдесят, то есть предпенсионного и пенсионного возраста.

Активное же население постсоветского пространства окунулось в пёстрое месиво буржуазной идеологии Запада во всех её цветах и раскрасках. На этом крайнем лоскутном фоне течений и мнений так называемых постмодернистских мыслей о Родине, о мире и о путях их дальнейшего существования, которое обретает черты глобальной цивилизации и в котором происходят попытки образованных людей осознать и оформить свою духовность самостоятельным смыслом, способным оправдать собственное пре-

бывание в мире в начале XXI века в составе государства Россия, суверенитет которого покрывает без малого 1/7 часть суши, омываемой тринадцатью морями с прямым выходом в три океана и за спиной которого тысячелетняя история становления и развития, побед и поражений, свершений и утрат. И главное, что досталось нынешним россиянам от их предков в качестве едва ли не самого драгоценного наследия, – это язык и культура мирового уровня, каковые, оказывается, невозможно воспринимать адекватно в отрыве от православной веры. Это, к сожалению, в силу известных причин, далеко не все способны принять и понять не только умозрительно и отстранённо, а впустить в свой быт, в той или иной форме сделать частью своего «Я», которое, в свою очередь, есть органичная часть их Родины.

Язык, вера и государственность – вот те три кита, на которых только и может, по моему, оформиться, держаться и, что крайне важно, развиваться русская идея, глубоко отличная от всех прочих национальных идей в своём уникальном своеобразии. Масштаб русской идеи возможен лишь как планетарный и космический. Уже хотя бы потому, что Русская Православная Церковь – это «вселенская» организация. Соответствующим идее должно быть и самосознание её носителей, как минимум геополитическое, а то и космополитическое. И вовсе нет греха, как это станет ясно ниже, в имперском самосознании русских. Куда страшнее грех русского национализма, закрывающий горизонт самосознания народа бревенчатым частоколом, подобным Великой Китайской стене.

С языком и государственностью всё более-менее ясно, а вот с верой – весьма существенная проблема. Вот и не склеивается органическая целостная идея в составе полноценной триады, что создаёт известные трудности и для языка, и для государственности, а главное – для самосознания населения, которое никак не ощущает себя единым народом, каким себя чувствовали в СССР или в Российской империи. Однако я сильно оговорился, сказав, что с языком более-менее ясно. Как раз все мои книги, посвящённые началам информационной теории Универсума демонстрируют, что мы не ведаем и даже не догадываемся, почему называем родной язык великим и могучим. Если бы догадывались, то русскую идею вам мог бы изложить любой пятиклассник средней школы одной ёмкой формулой ИТУ, а то и императивным языком высшей математики. Увы, пока этого нет, приходится излагать элементарные азы для взрослых дядей и тётей родного Отечества. А разобравшись с языком, глядишь, и храмы наши православные начнут пополняться прихожанами, которые ещё мнят себя шибко учёными и просвещёнными для церковной жизни.

* * *

*Поверить алгеброй гармонию.
Александр ПУШКИН*

Однако всякая идея оформляется как результат и следствие базовой идеологии, которая в то же время является методологией теоретического творчества и политических изысканий. Не прояснив таких оснований, трудно надеяться на производство успешного идеологического продукта. Проблемы с оформлением и выражением русской идеи упираются как раз в методологию, которой пользуются сами идеологи. А эта методология, увы, одна и та же как у наследников славянофильской традиции, так и у их оппонентов-западников. И называется такая методология позитивизмом. Это довольно убогая школа методологической мысли, восходящая к отнюдь не высшим на сегодня достижениям мировой табели о философских рангах. После Гегеля, Гёте, Маркса, Шопенгауэра, Шпенглера, Данилевского, Ильина, Фромма, Хайдеггера, Ясперса, Гадамера и целого ряда выдающихся советских философов-марксистов строить социальные концепции с опорой на Канта, Вебера, Поппера, Фукуяму и прочих могут только те после-

дователи лицеиста Аристотеля, для которых вход в академию Платона закрыт в силу того, что им «третьего не дано», ибо не знают они геометрии.

И вот ведь что занятно для нынешних русских идеологов. Казалось бы, наследники славянофилов, исповедующие православие, должны как минимум понимать диалектику Платона, поскольку православная догматика всецело покоится на неоплатонизме отцов-каппадокийцев. А западники как минимум обязаны соотносить в марксизме, а значит тоже разумеют диалектику Фромма, Хайдеггера, Гегеля и Платона. У тех и других априори есть общее поле не только методологического интереса, но и содержательных идей. Должен быть и общий образ системной мысли о целом и о его развитии.

Однако те и другие предпочитают вести свои дебаты в русле навязанной Западом порочной схемы альтернативно-бинарного сознания, принципиально исключающего такое понятие, как «синтез». Вместо него тут употребляется иное понятие – «компромисс», а с ним и весь репертуар более или менее дипломатических выражений на каждое возражение.

Такое положение дел явилось следствием памятной многим гуманитариям дискуссии, которая велась на страницах отечественной научно-философской периодики и шире, в монографиях конца 1960-х – начала 1970-х годов по проблемам аксиологии (ценностей). Тогда марксисты-ленинцы за крайне редкими исключениями приняли бой, навязанный буржуазными идеологами, на их поле и проиграли. Им предложили банальную и довольно пошлую манеру схоластической дискуссии, исключавшей саму возможность содержательной диалектики уже трактовкой исходных категорий.

Полезно сразу уяснить простые вещи, которые сами по себе принципиальны, и не тратить зря силы и время, если эти принципы не признавать обязательными для русской идеи. Во-первых, русская идея не может быть ни атеистичной, ни материалистичной в своих основаниях. Духовность не является продуктом физиологии организма, а есть самостоятельное метафизическое начало, подчиняющее себе и физиологию, и психологию, и политику. Мысль не производится корой больших полушарий головного мозга подобно тому как моча производится почками, а желчь – печенью. Мысль существует тому, кто её высказывает или изображает языком или другими выразительными способами (жестом, рисунком, мелодией и т.д.). Соответственно и идея, согласно Платону, предсуществует реальности. Отсюда и уверенность в том, что коль скоро есть русские в реальности, то их самосознание предопределяется поиском их собственной идеи как причины и цели.

Тут нельзя обойти и утаить тот факт, что идеологам русской идеи надо открыто встать на почву объективного идеализма в согласии с Православием и спокойно отстаивать правоту своих оснований и истинность вытекающих из этого следствий, не пугаясь тех трудностей и перспектив, каковые могут приоткрыться особо проницательным умам, однако чуждым диалектики (таким был Лев Шестов). В свою очередь, атеистам едва ли стоит напрягаться, берясь за непосильную для них тему. Разве только оппонировав русской идее, они быстрее расстанутся с собственным заблуждением так называемого научного атеизма, срок существования которого на земле довольно краток и который оказался мало убедительным для достаточно зрелых умов.

У философского материализма традиция не менее почтенна, чем у идеализма и религии. Однако диалектика как метод принадлежит всецело и только идеализму, а в религии – православию. Известный же прецедент появления в марксизме диалектического и исторического «материализмов» не стоит понимать слишком буквально. Это было не что иное как первый опыт ментального синтеза философии и науки. И надо признать, что опыт этот имел несомненный успех и получил развитие в трудах выдающихся учёных и мыслителей как в СССР, так и в Европе. Так что марксистская диалектика – это серьёзный опыт философско-научного синтеза, каковой может весьма плодотворно работать как метод системного гуманитарного познания.

Сей опыт просто грех не изучать и не использовать как раз применительно к русской идее. Ведь не случайно марксизм именно в России как получил широкое признание, глубокое изучение и развитие научного наследия, так и претерпел массовую профанацию вплоть до извращения в угоду политической конъюнктуре правящей партии.

С марксизмом в СССР произошло по существу то же самое, что произошло в Европе с христианством в средневековье. Культ Сталина (а позже – Ленина), насаждаемый всесильным НКВД (а позже – ЦК КПСС), суть римейк средневекового культа Христа, насаждавшегося святой инквизицией. А «материализм» и атеизм самого Маркса – это не его изобретение, а общеевропейский дух эпохи французского Просвещения. Так что нашим православным клерикалам не стоило бы огульно клеймить Маркса «антихристом», а стоило бы заметить диалектический характер отрицания Бога в системе мировоззрения Маркса.

Марксизм – это логическое и историческое развитие христианской идеи спасения. Христос ставил эту проблему перед личностью человека, а Маркс поставил проблему спасения перед всем человечеством, то есть по сути ту же христианскую этику поднял до планетарного масштаба. Христос Сам – Богочеловек, личность земная и небесная, а Маркс всё человечество как бы обожествил, придавая исключительное значение свободной игре его творческих сил. Новый Завет поставил вопрос о «новом человеке», но ту же задачу решал и Советский Союз. Те, кто презрительно назвал нас «совками», взяв за образцы отнюдь не лучшие проявления советских людей, могли бы на том же основании огульно назвать всех персонажей Евангелий именем одного далеко не лучшего — Вечными Жидами. Однако часть этих персонажей получила наименование от имени Христа.

Чтобы не ломать копыта по поводу имён, которые согласно Конфуцию следует периодически исправлять, я переведу их в числа: «**Вечный (26) Жид (14)**» = «**4**»(40) = «**Ветхий (19) Завет (21)**», а «**христианин**» = «**6**»(33) = «**Иисус (07) Христос (26)**». Вопросы есть? У меня вопросов нет. Кстати, я пишу это 9 ноября 2010 года. В этот день 125 лет назад родился Велимир Хлебников, кто в поэзии нащупал в числах то, о чём я нынче тут толкую прозой. Возможно мы с ним и сумасшедшие, но его некоторые числят в гениях, а я и сам о себе не слабого мнения. Могу доказать, что слабоумные как раз те, кто не соображает в моих мат-Ё-лингвических формулах великого и могучего языка. Христа тоже фарисеи и книжники признавали сумасшедшим, а некоторые их наследники подобным образом и сегодня думают о христианах.

* * *

*Года войны, ковры чуме
Сложил и вычел я в уме.
Велимир ХЛЕБНИКОВ*

Для русских светских идеологов начала третьего тысячелетия, обслуживающих власть и народ, непривычность ситуации оказывается в том, что вопреки привычным у нас взглядам об отсталости русской мысли, как бы вынужденной исторически навёрстывать и догонять Запад, они объективно состоянием мировых дел и идеологическим крахом Запада очутились выдвинутыми вперёд, хотя сами ещё и не осознали своё положение в числе временных лидеров, на которых время напялило жёлтые майки. Это видно из того, что политическим лидерам России приходится брать на себя роль идеологов, не очень для них свойственную. Им эта функция давалась бы проще, если бы русская идея уже была оформлена. Оставалось бы её только озвучивать при каждом подходящем и удобном случае. Для внешнеполитических целей имеющегося идейного ресурса вполне достаточно. А вот для внутреннего употребления, где этот ресурс особо востребован, кризис жанра очевиден, а его затяжка чревата серьёзными утратами по

всем позициям. И никакое Сколково, будь таких хоть по дюжине в каждом российском регионе, не произведёт из самых передовых и высоких технологий одну единственную адекватную миру человеческую идеологию, то есть верное научно-религиозное мировоззрение. Которым необходимо заменить наличную социальную шизофрению так называемых свободных мнений. Для таковых достаточно настроено известных учреждений закрытого типа, где свобода личных мнений никем не оспаривается и никогда не оспаривалась. Зачем же превращать в открытый дурдом огромное государство Российское? Достаточно наблюдать происходящее на вожделенном многими Западе и в виртуальной сети.

Собственно поэтому вопрос о русской идее в данный момент как никогда актуален. А в свете информационной теории Универсума (ИТУ) эта проблема получает возможность успешного решения, причём в кратчайшие сроки. И более того, это решение оказывается императивного математического содержания, в силу чего многие второстепенные и привходящие соображения в связи с русской идеей сами собой развеются и исчезнут как совершенно неуместные в своём произволе. Русская идея – это императив, с которым просто невозможно не считаться. Потому как он не столько вербального свойства (хочу – исполняю, хочу – нет), сколько обладает свойством математического закона: хочешь-не-хочешь, а признать сумму квадратов двух катетов равной квадрату гипотенузы всё равно придётся, а следом и действовать соответственно данной закономерности, известной от Пифагора.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, обратимся к такому понятию, как «свобода воли», и найдём ему эквивалентное и убедительное по смыслу выражение. Попутно вспомним, что эта проблема была одной из центральных в дискуссии Мартина Лютера с папским Римом, случившейся в XVI веке. Сам Лютер отказывался признавать за людьми свободу воли. С тех пор проблема остаётся на том же клерикальном дискуссионном уровне, хотя минуло почти пять веков, известных в европейской истории как Новое время. Наука, обособившаяся в этот период в самостоятельный институт, указанную дискуссию проигнорировала, по умолчанию сделав вид, что её эта проблематика не касается. Тема досталась по наследству и секулярной философии, пытающейся обходиться без такой категории как Бог. Наиболее обстоятельно по ней высказался Артур Шопенгауэр. Но здесь надо отметить, что гуманитарному познанию в целом едва ли возможно делать вид, что проблема на сегодня определённо решена и тема закрыта самой историей. Я убеждён как раз в обратном.

ИТУ вносит определённую ясность в туманный вопрос: «свобода (26) воли (15)» = «5» (41) «святая (19) ложь (22)» = «конец (28) света (13)» = «Новый (20) Завет (21)» = «Всевышний (32) Суд (09)». К этому можно добавить: «свобода» = «8» (26) = «закон», а «воля» = «2»(20) = «число» = «зло» = «язык». Стало быть, «закон (26) + число (20)(= язык)» = «1»(46) = «информация». Русский язык внятно и определённо с привлечением чисел отвечает на вековые проклятые вопросы. Вот ещё наглядный пример: «смысл (13) жизни (25)» = «2» (38) = «Создатель». («Что за оказия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!») Что тут неясного? Или вот такие выражения к примеру: «закон (26) числа (14)» = «4»(40) = «Ветхий (19) Завет (21)» = «русский (20) язык (20)», а «закон (26) слова (16)» = «6»(42)... Между этими двумя законами, точнее числами им эквивалентными, мы обнаружим число «5»(41) со всеми присущими ему вышеприведенными смыслами.

Теперь считаем:

1. «Русская (24) идея (18)» = «6» (42) = «достоинство» = «эсхатология» = «закон слова». Разве и это требует пояснений и комментариев? Но тогда какими средствами? Если иероглифами, то я и с этим справлюсь, когда потребуется. До сих пор мне представлялось, как раз наоборот — числа проясняют смысл иероглифов несколько лучше, чем гексаграммы "И цзин" и тетраграммы "Тай сюань цзин", что и показал в своих книгах.

2. **«Язык (20) + вера (19) + государственность (67)» = «7» (106); «семь (15) сто (10) шесть (20)» = «9» (45) = «Святая (19) Троица (26)» = «порядок».**

Выражения в левой и правой частях эквивалентностей столь сами по себе красноречивы, что не нуждаются в дополнительных комментариях. Они и научны и религиозны одновременно, поскольку являют собою информационное целое по происхождению изначальному, то есть метафизическому, И мне не приходится это доказывать, поскольку все доказательства сказанного запечатлены в великом и могучем родном языке. Пусть попробуют доказать обратное все мои оппоненты, если кишка их тонкая выдержит.

Грех будет не проверить и наших славных предков, чья кишка была попрочнее нашей, которые выражали русскую идею в несколько иной триаде:

3. **«Православие (44) + самодержавие (53) + народность (47)» = «9» (144); «девять (25) сто (10) сорок (27) четыре (32)» = «4» (94),** что в зеркальной инверсии означает **«4» (49) = «Программа» = «Армагеддон» = «Могендовид».** И по всем признакам в минувшем веке мы эту Программу в своей истории осуществили. Были и великие битвы с активным вмешательством в русскую действительность народа Торы, были и поражения и были победы. Мы реализовали свою судьбу, как она была нам запрограммирована киберсистемой Универсума.

Кстати, число «9» (144) – это квадратная степень числа **«3» (12) = «свет» = «истина» = «буква».** В свете ИТУ это находит замечательное толкование в геометрическом строении пространства-времени как этапное завершение определённого цикла Программы.

Теперь можно ещё проверить, как Программа интерпретирует сочетание русской идеи в форме её выражения в XIX веке с предложенной здесь современной формой идеи XXI века:

4. **«9» (144) + «7» (106) = «7» (250).** Тут ноль можно легко не принимать во внимание, и получим: **«7» (25) = «Россия» = «Север» = «Полюс» = «мозг» = «синтез» = «кровь» = «джихад».** Набор эквивалентов достаточно богатый содержанием и символическим смыслом. Инверсия данного числа – **«7» (52) = «Провидение» = «русская (24) культура (28)» = «украинская (34) идея (18)».**

Вот так попутно, проясняя русскую идею, мы обнаружили и содержательный смысл идеи украинской, за что родные мои националисты могут если не памятник мне водрузить при жизни на Майдане, то хотя бы премию имени Т.Г.Шевченко присудить. Как-никак, а национальная идея того стоит. Это вам не рассусоливания Андруховича по окрестностям австро-венгерской вотчины Габсбургов в поисках украинской самоидентификации «у европейскому культурному осередку», а вполне внятное императивное требование космоса к Украине: занять своё законное место в глобальной цивилизации рядом и вместе с Россией. Тем более, что **«Украина» = «6» (24) = «космос» = «ХiT-ХоL»,** а **«Украина (24) + Россия (25)» = «4» (49) = «Программа».**

Для сомневающихся в корректности моего счёта можно пересчитать результат, не исключая из него ноль: **«семь (15) двести (18) пятьдесят (39)» = «9» (72) = «Творец (33) и (01) Создатель (38)» = «русский (20) культурный (37) код (15)» = «духовная (36) энергия (36)» = «трансфинитное (52) число (20)» = «язык (20) Провидения (52)».**

Получилось ещё более убедительно. Если кого-то сие не убеждает, то ему трудно чем-то помочь. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. А вот поумнение электората, застрявшего мозгами в идейном хламе вчерашних кумиров демократии от утопающего в комфорте Запада – это уже дело Господа Бога, замыслившего наш сюжет. Без Его активного участия в перезагрузке файлов мозговых компьютеров двуногих рассчитывать на то, что гомо сапиенсы сами собою образуются, значит слишком недооценивать Всевышнего и слишком переоценивать Его создания. Полезно в этом вопросе самооценок занять точно выверенную и просчитанную позицию. Полезно всем без

исключения, начиная с верховной и духовной властей России и кончая её подданными гражданами окраинных регионов и пребывающими в стране иностранцами.

«Русский Кроссворд» поможет всем обрести правильное видение как происходящего ныне, так и перспектив грядущего времени в планетарном пространстве.

* * *

*На Тау-Ките
Порядки не те...
Там нет атмосферы, там душно...
Владимир ВЫСОЦКИЙ*

Невольными конкурентами русской идеи выступают со своими идеями инопланетных цивилизаций уфологи и им сочувствующее население. Активно мыслящие и весьма деятельные лица перемещаются по земному шару, контактируя с посланцами инопланетных миров, которые базируются на Луне, а их представители, что не исключается, издревле внедрены «между здесь» на земле и наблюдают, не вторгаясь в земные дела, как мы, земляне, успешно приближаем собственный конец.

Об этом я узнал, купив отлично изданную книгу Юрия Марчука, киевского архитектора, под названием «Проникновение» (2006 год). Первое впечатление, что должен подчеркнуть, – автор ничего не сочиняет, и я охотно верю всему событийному ряду его сообщений о впечатлениях от реальных видений и контактов с неведомым. Верю потому, что и сам пережил нечто подобное и знаю, как это впечатляет. Однако когда архитектор, мой земляк и тезка Юрий Марчук объясняет происхождение неведомого источника полученных им сведений и кодированных сигналов, то тут, увы, совсем иной, как говорится, колленкор. Тут я имею не только что сказать, но и аргументированно предъявить доказательства истинности своих доводов.

На помощь приходят опять же ИТУ и корректный счёт русских слов и выражений:

5. «Проникновение» = «6» (69) = «Вселенская (37) глупость (32)».

6. «Конфедерация (60) инопланетных (54) цивилизаций (35)» = «5» (149); «пять (10) сто (10) сорок (27) девять (25)» = «9» (81) = 9^2 . Это число, в отличие от предыдущего примера, нуждается в комментариях.

Первое, что касается квадрата девятки, надо сказать, что это число «Книги великой тайны» Ян Сюна, в которой одна из ключевых тетраграмм, коих всего 81, завершающая описание жизненного цикла, читается так: «Твой путь пришёл к концу».

Второе – данный код имеют такие знаменитые европейские имена, как «Наполеон (45) Бонапарт (36)» = «9» (81) = «Эразм (28) Роттердамский (53)», символический смысл которых легко прочтёт любой образованный европеец.

7. «Инопланетные (55) цивилизации (34)» = «8»(89) = «торжество (45) познания (44)».

8. «Инопланетянин» = «6»(60) = «центр (29) симметрии (31)» = «Вселенский (33) Разум (27)». Вовсе необязательно мыслить такие понятия примитивно вещественным образом и привязывать к чувственно воспринимаемым объектам. Так мыслят дети сегодня, а две тысячи лет назад так мыслили взрослые иудеи в отличие от просвещённых греков. Сила абстрактной мысли последних и сегодня достойна восхищения тех, кто понимает, о чём тут речь.

Люди, исповедующие уфологию, часто употребляют такое слово, как «эгрегор» = «7» (43) = «энтропия», что с моей стороны не вызывает возражений. Энтропия она и есть энтропия, хоть в термодинамическом, хоть в информационном смысле слова. А в клерикальном смысле ей эквивалентно такое понятие как «князь (27) мира (16)» = «7»(43), евангельское, между прочим. Собственно на этом можно бы и прекратить

дальнейшее «развенчание» уфологических иллюзий. Вот только в состоянии ли сами уфологи вполне критически воспринимать сказанное мною и переоценивать собственные, повторяю, вполне реальные впечатления от своих органов чувств? Если я дальше ещё яснее выскажусь. Для этого мало быть просто вменяемым, надо ещё и кое-что знать о физиологии анализаторов (органов чувств) и ЦНС (центральной нервной системы).

Киберсистема Универсума действует на основе обратной связи двустороннего характера. Это значит, что не только реакция периферии, то есть нас, роботов, обусловлена такой связью, но и сам Центр откликается на осмысленные импульсы, исходящие от роботов. Если последним уж так хочется иметь братьев по инопланетному разуму и сестёр по космической глупости, то Центр отвечает им в унисон. То есть создаёт необходимые сюжеты встречи с голографическими объектами, какие на расстоянии невозможно отличить от плотной материальности, а также многие иные чудеса, от мироточения икон и мощей святых до сигналов, записываемых компьютером, и пр. Благо, всё это так давно отработано и испытано Небом, что особого труда Ему не составляет, а удовольствия от производимого эффекта – огромное количество. Шутка ли, планетарный «цирк на дроти»!

В эпоху «тёмного» средневековья были иные забавы с чудесами несколько иного рода, но того же свойства и происхождения. Вместо НЛО летали черти и прочая нечисть, да так натурально оформленная, что мастерам голливудских спецэффектов с их звёздными войнами и аватарами до тех картинок, як раком до Бердичева, если воспользоваться киевским просторечьем. Язык ведь, как известно, до Киева доведёт. Вот и пришли, уважаемый читатель. Или Гоголя Николая Васильевича уже подзабыли? Так ведь есть и Булгаков Михаил Афанасьевич. Им-то грех не доверять. С чего бы это они нам головы морочили пустыми выдумками? Для них это были далеко не пустяки, да и не выдумки вовсе, а ВИДЕНИЯ! Чувствуете разницу?

Киберсистема Универсума действует по принципу: «Вам хочется песен? Их есть у меня!». Причём в неограниченном репертуаре потрясающих возможностей цифровых технологий Господа Бога. Остаётся пожелать всем настоящим и будущим контактерам иметь не только всегда крепкие нервы и трезвые головы, но и достаточную квалификацию в физиологии человека и в теории познания. Как я заметил, чаще всего «ведутся» на УФО-объекты технари-мужики и залириченные дамы второй и третьей молодости. При этом я ни в коей мере не берусь отрицать всей серьёзности контактов с такими объектами информационной природы. Реагировать на них надо спокойно и сдержанно, если невозможно уклониться от контакта. Вас просто проверяет на вшивость Киберсистема, которую вы сами могли на это спровоцировать ходом «своих» мыслей и переживаний, которые в свою очередь опять же провоцируемы Киберсистемой, ибо сие включено в Программу развития сюжетов второй половины XX века и начала XXI-го.

Лучшее средство защиты от «братьев по разуму» – это их игнорирование. От «сестёр по глупости» спастись труднее, ты их в дверь, так они в окно. Если таковые и есть в необъятной, хоть и замкнутой Вселенной, то так далеко от нас, что сама мысль о физическом общении с ними представляется менее вероятной, чем непосредственный диалог с Господом Богом, Отцом нашим Небесным. Можно и проще и короче: «**Небо**» = «**3**»(21) = «**Отец**» = «**сфера**» = «**цифра**». Тут задействованы и «**ноосфера (41) Земли (25)**» = «**3**»(66) = «**дезинформация**» и «**фотосфера (41) Солнца (25)**» = «**3**»(66), что легко проверяется декодированием имён числительных: «**три (12) шестьдесят (40) шесть (20)**» = «**9**»(72) = «**Творец (33) и (01) Создатель (38)**». Как советовал христианам апостол Павел, умом надо стать совершеннолетними, а на злое быть младенцами. Лучше, пожалуй, и не скажешь.

Кого не убеждают мои общие и принципиальные метафизические соображения с опорой на ИТУ, тот сможет найти возможно более убедительные и детальные толкования в поляризационной теории Мироздания (ПТМ) физика Виктора Владимировича

Чернухи, которому толчком для разработки его теории как раз и послужили личные впечатления от визуальных контактов с НЛО. В Интернете легко найти его сайт и прочие подробности. ИТУ и ПТМ могут спасти от инопланетян тех, кто ещё не утратил окончательно способность вменяемого соображения.

То, что сами инопланетяне спасать никого из нас не собираются, похоже, уяснили себе и наиболее трезвые уфологи. На Руси издревле любой юродивый изъяснялся куда содержательнее и внятнее, чем это делает в своих посланиях пресловутая «конфедерация инопланетных цивилизаций», базирующаяся на Луне. Однако юродивых мало кто пытался услышать и понять. Население если и умнеет, в чём я лично сильно сомневаюсь, то как правило задним умом. После того, как гром грянет, крестятся. И в этом принципиальное условие собственно киберигры Универсума. Иначе она просто невозможна. Иди туда, не знаю, куда. Принеси то, не знаю, что. Вот исходный момент и задача любого творчества. В пути, в процессе познаётся цель и средство её достижения. Мы, люди, — это и цель и средство киберигры Универсума. Познавая себя, мы познаём Небо.

Кстати, вот последний замечательнейший пример в пользу всего здесь сказанного:

«УТИ + ПТМ» = (123 + 825) = «3»(948), а «три (12) девятьсот (35) сорок (27) восемь (25)» = «9»(99) — число ЭКИСФМК, которое в свою очередь означает: «четырёхста (36) девяносто (43) шесть (20)» = «9»(99), то есть математически совершенное число 496 третьего рода, единственное среди трёхразрядных чисел, которое равно сумме всех своих делителей. Киберсистема запрограммирована так, что по совершенным числам производится золотое сечение (Section Devine), что влечёт за собой трансформацию паутины Cosmonet. Это на планетарном уровне проявляется природными и социальными катаклизмами и воспринимается населением как натуральный конец света.

* * *

В заключение надо сказать, что русская идея, число и смысл которой эквивалентны числу и понятию «эсхатология», вовсе не кажется чем-то ненужным, или лишним, или необязательным, поскольку незначительным, туманным и неясным. Всё прямо наоборот, русская идея и необходима, и обязательна, и весьма значима, и далеко не лишняя, ибо ясна и понятна всем, кто в состоянии соображать на уровне XXI века. Тот факт, что пока я таких не знаю, кроме себя любимого, ещё ни о чём не говорит. Девять лет назад я тоже не мог ещё излагать ясно и понятно для себя же с доказательной силой математики свой собственный образ мыслей. Теперь же остановка за малым: читайте, считайте и умнейте, уважаемые соотечественники. Или укажите мне ошибки в моих вычислениях, что будет легко проверить и при необходимости исправить.

Ведь язык-то у нас общий, к тому же великий и могучий. Просто разница в том, что его мощь именно в моих текстах перестаёт быть просто метафорой, а обретает математическую форму и формулу, а вместе с этим и силу самых передовых и высоких когнитивных информационных технологий. Действующий Курчатовский центр может отдохнуть и принять на вооружение в дополнение к ПТМ и Таблицу ИПСЭК вместе с началами ИТУ, чтобы запланированное Сколково получило столь ему необходимое методологическое руководство и теоретическую базу. Физики, соорудившие БАК, должны же о себе понимать не меньше, чем они уже понимают о Господе Боге. А иначе нам удачи не видать. Отец Небесный уже собирается приказать нам долго жить, а мы ему по сути так и не научились. Ни Его толком не познали, ни себя любимых. Есть время взглянуть Судьбе в глаза и отправиться к маминьке с последним приветом. "Кондуктор, нажми на тормоза!" **«Кондуктор» = «9»(45) = «Святая (19) Троица (26)».**

Содержание

Часть 1. ЛИРИЧЕСКАЯ

Предисловие от научного редактора.....	6
Предисловие от автора (Утешителя).....	7
Глава 1. Детство, юность, школа.....	10
Глава 2. Родня.....	14
Глава 3. Учителя и университет.....	16
Глава 4. Шабашка.....	20
Глава 5. Армия.....	34
Глава 6. Моя родина – СССР.....	36
Глава 7. Люди и встречи.....	45
Глава 8. Мой организм.....	53
Глава 9. Явление чудес, год 2001, август – ноябрь.....	59
Глава 10. ИТУ и её пропедевтика.....	71
1. Состав важнейших первоисточников информации, представленных в Коде.....	71
2. Наиболее важные источники методологического свойства, предрасполагающие к адекватному восприятию начал ИТУ.....	73
Глава 11. Глас Небес и Вопль Преисподней.....	75
Послесловие от научного редактора.....	85
1. Нумерология как таковая.....	85
2. Число имени.....	86
3. Некоторые пути нумерологии.....	88
4. Чуть-чуть философии.....	89
Послесловие от автора (Утешителя).....	90

Часть 2. МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ

Информационная теория Универсума (ИТУ).....	94
I. Введение.....	94
II. Фактуальные основания ИТУ.....	94
III. Основные положения ИТУ, вытекающие из фактологических исследований Кода.....	96
IV. Фактологическая база ИТУ.....	98
V. Методологические предпосылки ИТУ и методический арсенал.....	99
VI. Хронология (календари) как главный предмет исследования ИТУ.....	99
VII. Число 666 как программная задача киберигры Универсума.....	100
VIII. Пять законов Универсума.....	100
IX. Заключение.....	101
Post Scriptum: Самоутешение Утешителя.....	103
К вопросу о первоисточниках (Библиоавтобиографический очерк).....	104
О русской идее замолвлю я слово и слово числом осенью.....	112